

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

На правах рукописи

ШЕСТОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В ЛИЧНОСТНОЙ
РЕГУЛЯЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психол. наук, профессор
Корнилова Татьяна Васильевна

Москва – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА	3
1.1. Предпосылки изучения вклада эмоций в принятие решений	13
1.2. Вклад эмоциональной сферы в процессы регуляции принятия решений	32
1.3. Связи эмоциональной креативности с личностными переменными ...	68
1.4. Постановка проблемы, общие гипотезы и схема исследования	82
ГЛАВА 2. АПРОБАЦИЯ ОПРОСНИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ ДЖ. ЭВЕРИЛЛА НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ .	89
2.1. Постановка проблемы исследования 1	89
2.2. Исследование 1. Апробация опросника Дж. Эверилла.....	92
2.3. Обсуждение результатов исследования 1	105
2.4. Выводы по главе 2 и заключение	108
ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА	110
3.1. Постановка проблемы исследований 2-3	110
3.2. Исследование 2. Эмоциональная креативность в связях с эмоциональным интеллектом и толерантностью к неопределенности	114
3.3. Исследование 3. Эмоциональная креативность в связях с адаптивными когнитивными стратегиями регуляции эмоций	120
3.4. Обсуждение результатов исследований 2-3.....	126
3.5. Выводы по главе 3 и заключение	131
ГЛАВА 4. ВКЛАД ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ В ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ.....	135
4.1. Постановка проблемы исследований 4-5	135
4.2. Исследование 4. Когнитивная и эмоциональная регуляция процесса принятия решений	154
4.3. Исследование 5. Эмоциональная креативность в личностной регуляции принятия решений	163
4.4. Обсуждение результатов исследований 4-5.....	167
4.5. Выводы по главе 4 и заключение	171
ОБСУЖДЕНИЕ, ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	174
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	183
ПРИЛОЖЕНИЯ	213

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В условиях постоянно меняющегося мира, глобальных вызовов и кризисов, все больше нарастает неопределенность и вариативность развития событий, что приводит к необходимости принимать решения (Корнилова, 2016а) и развивать прогностическую (Смирнов и др., 2016) и преадаптационную активность личности (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018).

Преодоление условий субъективной неопределенности в результате принятия решений совершается человеком при опоре на единый интеллектуально-личностный потенциал, где взаимодействуют как когнитивные, так и эмоционально-личностные процессы (Корнилова, 2016а). При этом предполагается изначальная незаданность иерархического соподчинения этих процессов в динамических регулятивных системах, опосредствующих принятие решений как выбор личности в условиях неопределенности (Корнилова, Тихомиров, 1990). В современных отечественных и зарубежных исследованиях обосновывается положение, о том что принятие решений в ситуации неопределенности осуществляется человеком не только с учетом субъективной полезности и рациональности, но что в регуляции принятия решений важную роль играют переменные эмоционально-личностной сферы: интуиция (Канеман, Тверски, 2005; Разваляева, 2021; Степаносова, Корнилова, 2006; Gigerenzer, 2008), предвосхищения (Красавцева, Корнилова, 2018; Смирнов, 2016; Vaumeister et al., 2007; Schalk et al., 2015 и др.), личностные диспозиции (Корнилова, 2016а; Д. Леонтьев, 2015; Fernández-Berrocal et al., 2014; Zirenko et al., 2021; и др.), мотивы (Зиренко, 2021; Чумакова, 2010; и др.) и эмоции (Lerner et al., 2015; Loewenstein et al., 2001; Slovic et al., 2002).

Поворот в сторону изучения вклада эмоционально-личностной сферы в регуляцию принятия решений позволил выделить связи креативности – эмоционального интеллекта – толерантности к неопределенности, образующие «Позитивную триаду» (Корнилова, 2016а; Корнилова, Павлова,

20212; Краснов, Корнилова, 2016; Павлова, Корнилова, 2019); это создало предпосылки для включения эмоциональной креативности (ЭК) в структуру интеллектуально-личностного потенциала (Корнилова, Шестова, Павлова, 2020).

Дж. Эверилл, предложивший конструкт ЭК, понимает его как способность конструировать новые (относительно прошлого опыта) эффективные (приносящие пользу человеку и его окружению) и аутентичные (подлинные) эмоции (Averill, 1999), а эмоции он определяет как продукт креативности. ЭК – культурно-специфична и формируется на основе усвоенных правил и социальных норм. ЭК имеет несколько ступеней развития: (1) эффективное – принятое в культуре выражение эмоций или их комбинаций; (2) модификация эмоций – для повышения эффективности функционирования в обществе; (3) конструирование новых, эффективных и аутентичных эмоций.

В отечественной психологии возникновение эмоций связывается с переживанием личностью значимости ситуации или события (Вилюнас, 1976; А.Н. Леонтьев, 1975). *Применительно к мышлению регуляторная функция эмоций рассмотрена в школе О.К. Тихомирова: эмоции включены в процессы предвосхищений и смыслообразования (Арестова, 2008; Васильев, 1998; Васильев, Тихомиров, Поплужный, 1980; и др.).* Актуальным является рассмотрение конструкта ЭК с позиций культурно-исторического подхода, поскольку на его основе идея единства интеллекта и аффекта развивается в представлениях о едином функционировании интеллектуально-личностного потенциала, что важно для понимания множественной и многоуровневой регуляции принятия решений (Корнилова, 2016а).

Эмоции являются общим звеном для конструктов эмоциональной креативности и эмоционального интеллекта (ЭИ), в связи с чем актуальным является соотнесение понятий ЭК и ЭИ (Люсин, 2009; Сергиенко, 2019; Petrides, Furnham, 2010; и др.). Если связям ЭИ с переменными интеллектуально-личностного потенциала посвящен ряд исследований

(Корнилова, 2014, 2016а; Красавцева, Корнилова, 2017, 2018; Павлова, Корнилова, 2019; Смирнов и др., 2017 и др.), то связи ЭК с переменными интеллектуально-личностного потенциала и ее вклад в принятие решений остаются недостаточно изученными.

Мы также предполагаем участие эмоциональной креативности в процессе конструирования эстетических эмоций, ввиду наличия положительных связей ЭК с открытостью опыту (по Большой пятерке), в том числе и с фасеткой «эстетики» (Averill, 1999; Ivcevic et al., 2007), понимаемой как стремление к истине и красоте (Johnson, 1994). Г.Г. Шпет был одним из первых, кто затронул изучение эстетических эмоций или, в его терминах, «эстетических переживаний». Эмоции, согласно Шпету, являются основным содержанием искусства: «В известном и вполне оправдываемом смысле можно сказать, что эмоциональная нагруженность художественного произведения есть тоже его содержание» (Шпет, 2006, стр. 29). В отечественной психологии изучение эстетических эмоций продолжилось работами А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, показавшими их включенность в представления о роли переживаний в присвоении общественно-исторического опыта.

Западные исследователи отмечают, что эстетические эмоции могут актуализироваться при оценке стимула с точки зрения его эстетической привлекательности (Schindler et al., 2017). Эстетический опыт и эстетические эмоции возникают не только при встрече с чем-то прекрасным, например с предметами искусства при посещении галереи или архитектурных памятников, религиозных центров, при созерцании заката или повседневных объектов (Tinio, Smith, 2014), но и при встрече с ужасным, что отражено в понятии эстетики безобразного (Розенкранц, 2010; Эко, 2007), поэтому выделяют позитивные и негативные эстетические эмоции (Schindler et al., 2017).

Для изучения роли эстетических эмоций в принятии решений нами использовалась методическая процедура аффективного маскированного прайминга, с помощью которой модулировались позитивные и негативные

эстетические эмоции. Для моделирования ситуации принятия решений в условиях неопределенности и риска в современной психологии широко используются различные модели компьютерных игр, например, «игровая задача Айова» (Красавцева, Корнилова, 2018; Gutiérrez-Cobo et al., 2016) или «Задача шара» – Balloon Analogue risk task (Hüpen P. et al, 2019). В нашем исследовании ситуация принятия решений моделировалась компьютерной игрой «Доверие» (Berg et al., 1995), задающей ситуацию принятия решений на материале экономического поведения в условиях неопределенности,

Таким образом, анализ литературы показал необходимость: (1) установления связей эмоциональной креативности с эмоционально-личностной сферой интеллектуально-личностного потенциала; и (2) выявления вклада эмоциональной креативности и эстетических эмоций в регуляцию эффективности стратегий принятия решений.

Цель исследования. Определить положение эмоциональной креативности в структуре интеллектуально-личностного потенциала через связи с другими его переменными, а также выявить ее вклад в личностную и эмоциональную регуляцию принятия решений.

Объект исследования. Эмоциональная креативность в системе интеллектуально-личностного потенциала человека.

Предмет исследования. Эмоциональная креативность в связях с переменными эмоционально-личностной сферы интеллектуально-личностного потенциала: эмоциональным интеллектом, «психологической разумностью», толерантностью к неопределенности и склонностью к риску, когнитивными стратегиями регуляции эмоций, а также роль эмоциональной креативности в регуляции принятия решений.

Общие гипотезы исследования:

1. Эмоциональная креативность интегрирована в интеллектуально-личностный потенциал через положительные связи с переменными эмоционально-личностной сферы и обеспечивает связи когнитивных и эмоциональных процессов.

2. Эмоциональная креативность опосредствует эмоциональную регуляцию принятия решений в условиях неопределенности.
3. Эстетические эмоции в зависимости от их валентности способствуют или препятствуют эффективным стратегиям принятия решений.

Частные гипотезы:

1. Эмоциональная креативность положительно связана с диспозиционными переменными, такими как эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности и склонность к риску, а также с переменными, отражающими направленность личности на свою эмоциональную сферу («психологической разумностью» и адаптивными стратегиями когнитивной регуляции эмоций).
2. Эмоциональная креативность и личностные диспозиционные переменные (склонность к риску, импульсивность, базовое доверие миру) выступают предикторами эффективного принятия решений.
3. Эстетические эмоции могут опосредствовать регуляцию принятия решений: актуализация положительных эмоций способствует эффективным стратегиям принятия решений, а отрицательных – препятствует.

Задачи исследования

1. Апробировать Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла на российской выборке.
2. Выявить связи между эмоциональной креативностью и эмоционально-личностными компонентами интеллектуально-личностного потенциала.
3. Разработать компьютеризированную методику, моделирующую ситуацию принятия решений в условиях неопределенности и экспериментально продемонстрировать вклад в принятие решений актуализируемых эстетических эмоций.
4. Установить вклад эмоциональной креативности и таких диспозиционных переменных интеллектуально-личностного

потенциала как импульсивность, склонность к риску и базовое доверие миру в личностную регуляцию принятия решений в моделируемых условиях неопределенности.

Теоретико-методологические основания исследования. Работа выполнена с опорой на идею единства аффекта и интеллекта Л.С. Выготского, получившую дальнейшее развитие в школе О.К. Тихомирова, через изучение роли эмоций в интеллектуальной деятельности (И.А. Васильев, О.К. Тихомиров и др.); на концепцию единого функционирования интеллектуально-личностного потенциала и модель множественной многоуровневой личностной регуляции принятия решений Т.В. Корниловой; принцип неопределенности в его конкретизации психологами (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов и др.); на концепции эмоционального интеллекта (Д.В. Люсин, А. Фернхем, К.В. Петридес и др.), эстетических эмоций (В. Минненгхаус, И. Шиндлер), эмоциональной креативности (Дж. Эверилл), эмоциональной регуляции (Дж. Гросс, Н. Гарнефски, Р. Томпсон и др.).

Методы исследования. В исследовании применялись квазиэкспериментальный и экспериментальный методы, а также психодиагностический и корреляционные подходы, методы структурного моделирования.

Использовалась разработанная нами компьютерная методика, моделирующая ситуацию принятия решений в условиях неопределенности – игра «Доверие» (Berg et al., 1995).

Применялись методики: Опросник эмоциональной креативности – ОЭК (Averill, 1999; в апробации Корниловой, Шестовой, Павловой, 2020); опросник Эмоционального интеллекта – ЭМИн (Люсин, 2009); Trait Emotional Quotient Short-Form – краткая версия опросника Черты эмоционально интеллекта – ЧЭИ (Petrides, Furnham, 2010; в апробации Крюковой, Шестовой, 2020); Новый опросник толерантности к неопределенности – НТН (Корнилова, 2010); опросник I7 –

Импульсивность, 7-я версия (Eysenk, Eysenk, 1978; в апробации Долныковой, Корниловой, 1995); опросник Личностные факторы решений – ЛФР (Корнилова, 2003); опросник ИмPLICITных теорий креативности – КИТ (Павлова, 2014); Шкалы психологической разумности – ШПР (Conte et al., 1990; в апробации Новиковой, Корниловой, 2014); Шкала эстетических эмоций (Shindler et al., 2017; в апробации Шестова, Корнилова см. приложение 8); Шкала сопричастности к красоте (Diessner, et al., 2008; в апробации Сабадоша, 2017); Шкала базисных убеждений (Janoff-Bulman, 1992; в апробации Падун, Котельниковой, 2008); Опросник когнитивной регуляции эмоций (Granefski et al., 2002; в апробации Рассказовой, Леоновой, Плужникова, 2011).

В исследованиях приняли участие 782 студента разных ступеней образования и специальностей. Данные анализировались в программах IBM SPSS Statistics version 22, где применялись методы корреляционного и регрессионного анализа, для методов структурного моделирования использовалась программа EQS 6.4.

Научная новизна исследования

1. Установлена пятифакторная структура Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла на российской выборке, что демонстрирует культурную специфику изучаемого конструкта.
2. Впервые показаны положительные связи эмоциональной креативности с толерантностью к неопределенности, склонностью к риску и импульсивностью, что позволяет включить эмоциональную креативность в структуру интеллектуально-личностного потенциала.
3. Установлено, что эмоциональная креативность, эмоциональный интеллект и «психологическая разумность» положительно связаны с предпочтением адаптивных стратегий когнитивной регуляции эмоций, что позволяет говорить об опосредствовании выборов стратегий когнитивной регуляции эмоций и становлении динамических регулятивных систем как интегративных единиц эмоционально-личностной регуляции принятия решений.

4. Выявлен вклад эстетических эмоций, актуализируемых при помощи процедуры прайминга, в эмоциональную регуляцию принятия решений: позитивные эстетические эмоции способствуют выбору эффективных стратегий (то есть кооперирующихся, в которых участник выбирает доверие), а негативные – препятствуют.
5. Установлено, что предикторами принятия решений в игровой ситуации «Доверие» являются личностные переменные: эмоциональная креативность, склонность к риску и базовое доверие миру – это позволяет принять положение о возможности выхода эмоциональных и личностных компонентов интеллектуально-личностного потенциала на верхние уровни динамических регулятивных систем, опосредствующих процесс принятия решений.

Теоретическая значимость. В исследовании обоснована интегрированность, т.е. опосредствующая роль эмоциональной креативности в структурах интеллектуально-личностного потенциала человека через положительные связи с эмоциональным интеллектом, толерантностью к неопределенности и риску, а также переменными, отражающими направленность на эмоциональную сферу, что вносит вклад в развитие теории множественной регуляции принятия решений и динамических регулятивных систем (в концепции Т.В. Корниловой). Обоснована возможность понимания эмоциональной креативности как высшей психической функции и ее роли в эмоциональной регуляции принятия решений.

Практическая значимость. Результаты исследования связей эмоциональной креативности и переменных интеллектуально-личностного потенциала, а также вклада эмоциональной регуляции в процесс принятия решений могут применяться специалистами в разных сферах деятельности, в том числе для выстраивания более эффективных процессов принятия решений в финансово-экономической сфере. Результаты исследования использованы в образовательных целях в рамках курса «Психология неопределенности, принятия решений и риска», читающегося для студентов

факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова. Методики, прошедшие апробацию в рамках исследования, могут применяться в широком спектре исследовательских и психодиагностических задач.

Достоверность результатов и обоснованность выводов. Результаты исследования являются достоверными и надежными ввиду реализации методологически обоснованного дизайна эмпирического исследования; применения методов и методик, соответствующих предмету, целям и задачам исследования, имеющих статистически подтвержденную надежность психометрических показателей. Статистическая достоверность результатов обеспечивается достаточным объемом выборки и использованием соответствующих полученным эмпирическим данным статистических методов обработки и анализа данных.

Положения, выносимые на защиту

1. Эмоциональная креативность интегрирована в интеллектуально-личностный потенциал через положительные связи с диспозициональными переменными – эмоциональным интеллектом, толерантностью к неопределенности, склонностью к риску и импульсивностью, а также отражающими направленность личности на свою эмоциональную сферу («психологической разумностью» и адаптивными стратегиями когнитивной регуляции эмоций).
2. Эмоциональная креативность включена в регуляцию принятия решений и наряду со склонностью к риску и базовым доверием миру может выходить на верхние уровни иерархий динамических регулятивных систем, способствуя или препятствуя выбору эффективных стратегий принятия решений.
3. Эстетические эмоции могут опосредствовать регуляцию принятия решений: положительные эстетические эмоции способствуют предпочтению эффективных стратегий, а отрицательные – затрудняют.

Апробация результатов исследования. Результаты исследований представлены на отечественных и на международных конференциях, среди которых: XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов

и молодых ученых «Ломоносов-2019» (Россия, 2019); «Методология, теория, история психологии личности», посвященная 95-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой (Россия, 2019); XX Международные чтения памяти Л.С. Выготского (Россия, 2019); Международная конференция по когнитивной науке (International Conference on Cognitive Sciences) (Россия, 2020); «Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен» (Россия, 2020); Ананьевские чтения – 2020 (Россия, 2020); Ананьевские чтения – 2021 (Россия, 2021); 32-й Международный психологический конгресс (Чехия, 2021).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложений. Список литературы включает в себя 345 наименований, из них 207 на иностранных языках. В диссертации содержится 3 рисунка, 26 таблиц и 10 приложений. Объем работы – 212 страниц без приложений.

ГЛАВА 1. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

1.1. Предпосылки изучения вклада эмоций в принятие решений

1.1.1 Философские и теоретические предпосылки изучения роли эмоций в процессах принятия решений

Сейчас, как никогда прежде, актуален вопрос о процессах, обеспечивающих успешное функционирование человека в мире, характеризующемся сложностью, вариантною развития событий и, как следствие, условиями неопределенности и риска, в которых личности, необходимо действовать и принимать решения (ПР). Ниже мы постараемся раскрыть процессы, составляющие и их связи (когнитивные, личностные, эмоциональные), опосредствующие регуляцию решений и успешное функционирование человека во времена «изменения изменений» (Асмолов, 2015; Корнилова, 2015). А также проследим две линии предпосылок изучения вклада эмоционально-личностных переменных в принятие решений: философско-методологические и теоретико-психологические.

Особое внимание нами будет уделено эмоциональной регуляции ПР, так как, во-первых, мы отмечаем наличие в отечественной культуре и науке как ее отдельном аспекте «эмоционального поворота» (Плампер, 2018; Ellis, Tucker, 2015), означающего актуализацию живого интереса к эмоциональной сфере личности, и, продолжающего каскад эпистемологических поворотов, начавшихся в социально-гуманитарных науках с середины XX века (Гусельцева, 2018); во-вторых, разработка проблематики эмоциональной регуляции ПР способствует развитию понимания Л.С. Выготским идеи единства интеллекта и аффекта, подхваченной в школе О.К. Тихомирова и развиваемой в концепции множественной регуляции ПР на основе представлений о конструкторе динамических регулятивных систем (Корнилова, 2016а).

Культурно-историческая теория и деятельностный подход, теории принятия решений и эмоциональной креативности выступают теоретико-методологическими основаниями нашего исследования.

Раскроем философско-методологические предпосылки изучения роли эмоций в принятии решений. Проблема выбора или принятия решений занимала ключевые позиции в работах многих философов Нового времени. Необходимо обозначить две позиции относительно оснований выборов: рационализм - эмпиризм, предполагающие, что за выбором может стоять разум или чувства (в том числе личность) как противоборствующие элементы. Противопоставления разума и чувств впервые появляется в работах Платона (разумная часть души управляет страстной и вожделеющей, и лишь разумная часть души является бессмертной; Платон вводит понятие «интеллектуальных эмоций», возникающих у человека в процессе познания). Аристотель трактует удивление как интеллектуальную эмоцию, способствующую переходу познания от более простых к более сложным объектам (Тихомиров, 1976). Разделение чувств и разума на две совершенно независимые субстанции оказывается невозможным, но при совершении выбора можно говорить о преобладании эмоций или разума.

К представителям рационального подхода относят Р. Декарта, Б. Спинозу, Г.В. Лейбница, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля; эмпиризма: Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка (сенсуализм), Дж. Беркли и Д. Юма. Далее мы постараемся раскрыть обе линии, прослеживая и моменты пересечения эмоций и разума.

Р. Декарт полагал, что мыслящий субъект «его» осуществляет акт сомнения (сомнение в философии Декарта было осмыслено О.К. Тихомировым как интеллектуальная эмоция), результатом которого является вынесение решения относительно истинности или ложности идеи, основанное на врожденном знании о том, что истинно, при этом свобода выбора – иллюзия; созидательная свобода не принадлежит человеку, но только Богу.

И. Кант, в отличие от Р. Декарта, пытался вернуть свободу выбора человеку и, наделил человека нравственной свободой, в которой не представлены личные интересы, а моральный выбор, основанный на нравственности, свободен. Воззрения Канта на проблему рациональности отчасти были сформированы знакомством с работами Д. Юма, идеи которого Кант оспаривал. Кант актуализировал проблему детерминизма-индетерминизма, и чтобы снять ее дает два возможных описания мира: феноменального (мир физических объектов) и ноуменального (мир нефизических событий – актов воли или сознания субъекта). Это значит, что, будучи телесным существом, (феноменальный мир) человек подчинен детерминизму, а как духовное существо (ноуменальный мир) – индетерминизму. Человек обладает свободой в выборах на метафизическом уровне в мире ноуменов (Разин, 2006). Согласно И. Канту, нравственность, являющаяся атрибутом «*homo noumenon*», реализованная посредством свободной воли, становится основанием выбора.

Г.В.Ф. Гегель оспаривал представления об основании выбора, предложенного И. Кантом. Гегель полагал, что выбор есть единение субъекта и объекта выбора, и является его (выбора) формальным критерием, а будет ли выбор моральным зависит от содержания объекта выбора, и качества единения. Если единение подлинное, то поступок или выбор, является моральным. Гегель обращался к содержательной стороне морали и критиковал Канта за то, что его «априорные конструкции» не имеют оснований в общественном содержании, то есть общество по Канту изначально полагается моральным, люди связаны моралью как всеобщей формой, преобладающей над содержанием. Согласно Гегелю, степень развития общества отражает его мораль и степень осознания обществом своей свободы.

Линия рационального выбора, связывается с представлениями о человеке как о рациональном субъекте – лице, принимающем решение, руководствующимся в ситуации выбора моралью или ценностями,

выступающими основанием рациональности. Иное понимание процесса принятия решений в философии Нового времени связано с идеями эмпиризма. Вот место для указания.

В философии Ф. Бэкона, опыт и эксперимент является источником научного знания. Познание происходит в два этапа сначала через восприятия чувств, а от них к восприятию разума. Страсти овивают человека словно плющ, и полностью сливаются с действиями и помыслами человека. Любое действие, подвиг, а значит и выбор, может иметь основу в добродетели или страсти. Как можно заключить, Ф. Бэкон полагал, что основанием познания является опыт, но преимущество все же отдавал разуму (Бэкон, 1978).

Природа выбора, согласно Гоббсу, состоит в чередовании страха и надежды. Аффекты страха, надежды, гнева, честолюбия есть волнения, которые мешают правильному мышлению. Для совершения выбора в соответствии с естественным правом человеку нужно поставить себя на место другого и все страсти, подталкивающие к неверному выбору, удержат его от этого выбора.

Дж. Локк постулировал, что все идеи разума берут свое начало из чувственного опыта. Человек действует благодаря разуму и воле. Свобода для Локка – возможность выбора, основанием которого является разум. Воля не свободна, так как реализует только решения разума, которые в свою очередь, определяются переживаниями. Беспокойство (являющееся страданием, а к страданию Локк относит ненависть, печаль, отчаяние, гнев, зависть, страх и т.п.), завладев волей может не выпускать ее, поэтому нужно учиться управлять страстями, чтобы разум имел возможность беспристрастно принимать решения (Апресян, 2006).

Идеалистический эмпиризм Дж. Беркли интересен конструктивистскими взглядами на природу формирования идей (понятие «идеи» Беркли заимствует у Локка, но определяет его иначе – идея является конкретной и поэтому доступна восприятию), а именно: любые сложные

идеи конструируются благодаря активным действиям ума. Чувственные наслаждения относятся к низшему уровню, а интеллектуальные – удовольствия разума к высшим. Также Беркли выделяет естественные и воображаемые удовольствия, например, созерцание природы и получение от этого процесса эстетического наслаждения является естественным удовольствием. Беркли полагает, что эмоции или аффекты, тоже конструируются разумом, как и идеи. Для объяснения он приводит пример созерцания картины. Само по себе восприятие цветов и формы не вызывает никаких эмоций, а радость, которая может возникать при созерцании картин, является результатом страстей и действия ума. Аффекты или эмоции доступны только в совокупности с идеями воспринимаемых объектов. Беркли вводит класс чувственных идей, восприятие которых происходит через связывание аффектов и «страстей и действий ума» (Беседин, 2014).

Юм подвергнул критике любые теории морали, пытающиеся вывести мораль из разума (Разин, 2012). Юм – эмпирик поэтому, согласно его представлениям впечатления (ощущение и восприятие), идущие от тела, оставляют свой отпечаток в душе, идеи возникают тогда, когда человек размышляет над впечатлениями. Эмоции познаются человеком прямо и непосредственно, поскольку создаются или, говоря в терминах конструктивизма, конструируются в разуме в ответ на социальные ситуации. «... Юм видит в эмоциях индивидуальную реакцию на социальные отношения, которая превращается в эмоции лишь будучи проинтерпретированной в социальном контексте» (Роулз, 2006, стр. 6). Разум получает разрозненные впечатления, которые пытается оформить в идеи, придать им некоторый порядок, который изначально отсутствует, таким образом, идеи оказываются лишены всякого эмпирического основания, в результате чего волей правят эмоции, а не разум. Эмоции или в терминологии Юма «аффекты» предшествуют идеям, но также как и идеи не имеют соответствующих им впечатлений, то есть эмпирически не

достоверны, не смотря на их «истинность». Идея причины и следствия в философии Юма тоже является чувством. М. Хаузер, сопоставляя работы Д. Юма и И. Канта отражает противоборство разума и чувств в виде метафоры: философия Юма представлена человеком с большим сердцем, а философия Канта – человеком с большой головой (Хаузер, 2008).

Б. Спиноза впервые в истории диалектически разрешает проблему дихотомии аффективных и когнитивных процессов. В онтологическом и гносеологическом монизме Б. Спинозы Л.С. Выготский увидел основания, способные вывести отечественную психологию из состояния кризиса, который он понимал как противостояние материалистической и идеалистической линий (Выготский, 1927). Примером реализации монизма Б. Спинозы при построении программы культурно-исторической психологии является идея Л.С. Выготского о единстве аффекта интеллекта. Эта идея наглядно продемонстрированная Львом Семеновичем с помощью метода анализа по единицам, раскрывает динамичность отношений аффекта и интеллекта на примере формирования понятий: от синкретических образований по принципу «...внешне связанных во впечатлении ребенка...» (Выготский, 2011, стр. 174) до стадии формирования истинных понятий, предполагающих умение выделять существенные признаки объектов. Л.С. Выготский подчеркивает единство, динамичность и цикличность, в которой находятся аффективная и мыслительная сферы.

В эпоху классического идеала рациональности понятие «неопределенности» еще не было разработано (так как сама реальность не была наделена этой характеристикой). Понятие неопределенности появляется в науке только со сменой идеалов рациональности и переходом от классической к неклассической стадии, который был подготовлен целым спектром событий: развитием в начале XVII века теории вероятности математиками Б. Паскалем, П. Ферма, Я. Бернулли, продолжившегося в XVIII и XIX веках Т. Байесом, К. Гауссом, С.Д. Пуассоном, появлением в XX веке теории игр и обоснованием теории ожидаемой полезности (Дж.

Нейман и О. Моргенштерн, Дж. Нэш, Л. Савадж) и открытием принципа неопределенности физиком В. Гейзенбергом.

Переход к неклассическому этапу был обусловлен необходимостью учета человека вместе с его личностными, эмоциональными и интеллектуальными характеристиками. С переходом к неклассическому этапу неопределенность становится не только новым принципом в науке, реализуемым на уровне общенаучной методологии, но и начинающим применяться на частно-научной, в теориях среднего уровня в том числе и в психологических науках (смысловая теория мышления О.К. Тихомирова, теория динамических регулятивных систем Т.В. Корниловой, концепция преадаптации к неопределенности А.Г. Асмолова и др.). Принцип неопределенности становится и новой характеристикой реальности, в которой личности необходимо активно действовать и принимать решения. Применение принципа неопределенности на частно-научном уровне позволяет полагать множественные источники регуляции процесса принятия решений. Преодоление неопределенности в подобной парадигме рассматривается как процесс, отвечающий за (интуитивную, эвристическую, или личностную) регуляцию мышления (Козелецкий, 1979; Корнилова, 2003; Gigerenzer, 2008). Человек принимает решения в ситуации неопределенности не только с учетом субъективной полезности и рациональности или только с опорой на разум или чувства как полагали философы Нового времени, но и с опорой на интуицию (Канеман, Тверски, 2005; Степаносова, Корнилова, 2006; Gigerenzer, 2008;), а также на эмоциональную сферу (Lerner et al., 2015; Loewenstein et al., 2001), эмоциональный интеллект (Краснов, 2018; Sevdalis et al., 2007) и эмоциональные предвосхищения (Красавцева, Корнилова, 2018). В регуляцию принятия решений включены и личностные переменные: креативность (Павлова, 2012; Корнилова, 2016а), самооценки (Новикова, 2013), ценности (Чигринова, 2015), имплицитные теории интеллекта и личности (Зиренко, 2021) и др. Однако до сих пор в этом контексте не

рассматривалась эмоциональная креативность, при этом ее исследование может внести существенный вклад в психологическое понятие принятия решений как выбора личности.

Другая линия исследований раскрывает теоретико-психологические предпосылки и связана с изучением вклада эмоционально-личностных переменных в процессы принятия решений. Современная психология отходит от рассмотрения рационального и морального выбора в заданных философскими предпосылками контекстах. Например, М.А. Чумакова в качестве методологических оснований выбирает современные модели человека и процесса принятия решений, в которых появляются понятия личностного выбора, а само принятие решений понимается как опосредствованное множественными процессами – как когнитивными, так и эмоционально-личностными (Чумакова, 2013). Переход к пониманию принятия решений как опосредствованного множественными процессами, в первую очередь связан с освоением психологической наукой принципа неопределенности.

Психология как самостоятельная наука имеет свои источники развития принципа неопределённости, а значит и принцип неопределенности осваивался своим особым путем (Зинченко, Мамардашвили, 1977; Асмолов, 2015; Корнилова, 2010б). Например, открытость человека как системы, т.е. невозможность полного его познания с позиций только одной единственной теории, а также невозможность установления раз и навсегда верных истин относительно человека, являются одними из основных моментов, которые не позволяют применять принцип неопределенности в психологии так же, как и в физике.

Констатация в 1927 году Л.С. Выготским наличия кризиса в психологии и последовавшие за тем работы, стремившиеся определить методологический статус психологии (Юдин, 1978; Василюк, 1996; Юревич, 2005; Смирнов, 2005; Корнилова, 2006; Соколова, 2008 и др.), который до сих пор остается неопределенным, наглядно демонстрирует

имманентность принципа неопределенности в гносеологическом плане психологии.

Идеи Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, с одной стороны, служили развитием взглядов Спинозы, с другой, преодолевали противопоставление разума и эмоций, которые прежде рассматривались как взаимоисключающие компоненты, на принципиально новом понимании – высших психических функций.

Д. Канеман изучал феномен эмоционального фрейминга и писал о нем как о «ловушке ума», которая может препятствовать эффективному принятию решений (Канеман, 2014). Однако показано, что фрейминг все же меняет ответы участников исследования. Риск понимался в их концепции не только как связанный с вероятностным исходом некоторого события, но и с опасностью как дополнительной переменной.

П. Словик предложил концепцию «эвристики аффекта» (Slovic et al., 2007). Эта гипотеза утверждает, что эмоции могут влиять на суждения и принятие решений людей. Эмоциональные реакции «возникают в ответ на стимул быстро и автоматически, и при принятии решений лица склонны опираться на эти реакции, что Словик и называет «эвристикой аффекта». Таким образом, в рамках когнитивной психологии созрели предпосылки учета влияния психологических факторов, например эмоций или мотивации.

Начиная с работ О.К. Тихомирова, вернувшего методику формирования искусственных понятий от варианта Дж. Брунера к исходному принципу методики «двойной стимуляции», конструкт: *«субъективная неопределенность»* начинает включаться в исследования мышления (Тихомиров, 1969). Субъективная неопределенность способна задавать направление для развертывания системы гипотез об исходах выборов и, тем самым, выступает в роли опосредствующего звена между объективной неопределенностью и актом принятия решения (Тихомиров, 1969).

Принятие решений с позиций Т.В. Корниловой и О.К. Тихомирова стало пониматься как направляемое множественными процессами, с возможностью выхода на верхний уровень иерархий любого из них (Корнилова, Тихомиров, 1990). Позднее, это положение было развито в направлениях изучения возможного в мышлении, понимаемого как риска в мышлении (Корнилова, 1994, 2016) и в более широких представлениях о психологии возможного (Знаков, 2021). Нами эта линия продолжена следующим образом: возможное в мышлении является основанием для креативного решения, возможное предполагает помыслить немислимое (термин М.К. Мамардашвили), то есть создать то, чего еще нет, что и является актом творчества.

Источником риска в мышлении может быть не только реальная опасность, но и эвристики – «ловушки ума», отражающие упрощение анализа ситуации, опору при совершении выбора на эмоции или предубеждения.

Помимо необходимости разделения понятий неопределённости и двусмысленности, необходимо отличать толерантность к неопределенности от риска: в ситуации риска человеку заданы альтернативы и известны исходы решений (Volz, Gigerenzer, 2012). Следует отличать и риск в интеллектуальных стратегиях, направленных на определение стратегий ПР в условиях риска от познавательного риска.

В психологической науке конструкт толерантности и интоллерантности к неопределенности (ТН и ИТН соответственно) предложила Френкель-Брунsvик (Frenkel-Brunswik, 1949). ТН распространяется как на интеллектуальную, так и на эмоциональную сферу. ИТН ею определяется как: «тенденция принимать черно-белые решения, преждевременно закрывать оценочные аспекты, часто пренебрегать реальностью, и стремиться к безоговорочному и недвусмысленному общему принятию или отвержению других людей» (Frenkel-Brunswik, 1949, стр. 115). Дихотомия понимания концепта «знания»: как объективного –

предполагающего отсутствие необходимой информации или ее ограниченности и субъективного – характеризующегося нехваткой времени или иных ресурсов, отсутствием усилий только усиливала трудности пониманию концепта ТН (Корнилова, 2016а). В связи с чем было предложено не углублять существующие дихотомии, а рассматривать преодоление неопределенности «в качестве интеграционного поля взаимодействия процессов интеллектуальной и личностной регуляции выборов человека, отражающих выраженность новообразований, а значит удовлетворяющих критерию креативности» (Корнилова, 2010б, стр. 6).

На данный момент не существует единой общепринятой трактовки ТН, Хиллен с коллегами предлагают следующее обобщающее определение ТН-ИТН: «совокупность негативных и позитивных психологических реакций как когнитивных, эмоциональных, так и поведенческих – спровоцированных понимаем неизвестности конкретных аспектов окружающего мира» (Hillen et al., 2017).

Как отмечает Т.В. Корнилова: «риск сопряжен с самой идеей конструирования человеком образа мира и полагания себя в нем» (Корнилова, 2015, с. 3). При этом важно различать ситуационный риск и личностную готовность к риску. Личностный риск – это не только диспозициональное свойство, но и надситуативная активность человека; в терминах В.А. Петровского – это надситуативная активность, направленная навстречу опасности и непредсказуемости (Петровский, 1992).

Толерантность и интолерантность к неопределенности выступили предикторами показателей когнитивных стратегий, что позволило предположить роль этих свойств как регулирующих прогностическую активность (Kornilov et al., 2015; Смирнов и др., 2017). Было обосновано понимание предвосхищений как новообразований, снижающих неопределенность при решении прогностических задач (Корнилова, 2016а; Красавцева, Корнилова, 2018). Принятие решения как разрешение ситуации неопределенности включает, таким образом, ряд процессов регуляции мышления: предвосхищения, антиципации и преадаптации (Асмолов,

Шехтер, Черноризов, 2017). Адаптации отвечают актуальным требованиям среды, в то время как преадаптации появляются до того момента, как в них появилась необходимость, и, возможность их использования лишь потенциальна. Преадаптации формируются в настоящем, но направлены на преодоление возможной неопределенности в будущем.

Методами структурного моделирования было показано, что личностная готовность к риску, толерантность к неопределенности, доверие интуиции и доступность внутреннего опыта представляют общий латентный фактор «Принятия неопределенности и риска» (Корнилова и др., 2010). При принятии решений в условиях неопределенности человек конструирует образ ситуации, оценивает возможные альтернативы и это невозможно осуществить без процессов прогнозирования и предвосхищения. Образ мира направляет эту прогностическую активность, позволяя осуществлять контроль неопределенности через процессы прогнозирования и антиципации (Смирнов, Чумакова, Корнилова, 2016).

ТН демонстрирует позитивные связи с разными переменными, так на российских выборках была показана положительная связь ТН через самооценки интеллекта с академической успеваемостью студентов (Kornilova, Novikova, 2013). ТН положительно связана с базисными убеждениями о доброте мира, веры в то, что мир полон смысла и событиями в жизни можно управлять (Плотницкая, 2014).

Интолерантность к неопределенности отрицательно связана с креативностью (Kornilova, Kornilov, 2010). Эти результаты находят свое подтверждение и в других исследованиях, так большей ТН обладают архитекторы (Robinson et al., 2019) и дизайнеры одежды (Mahmoud et al., 2020), в общем виде эти исследования подтверждают связи творческого мышления и ТН. Высокая ТН, креативность и межличностный эмоциональный интеллект выступают предикторами учета эмоциональной информации при ПР (Pavlova, Kornilova, 2013).

В следующем параграфе мы выявим предпосылки изучения роли эмоциональной креативности в процессах принятия решений как переменной, относящейся к эмоционально-личностной сфере в структуре интеллектуально-личностного потенциала.

1.1.1. Предпосылки изучения эмоциональной креативности в структуре интеллектуально-личностного потенциала

В предыдущем параграфе мы показали, что истоки идеи о регуляции психической деятельности посредством эмоциональной или когнитивной сфер уходят в работы зарубежных философов Нового времени, которые отразились в противостоянии онтологических (дуализм – монизм) и гносеологических программ (рационализма и эмпиризма, в т. ч. сенсуализма). Борьба разума и чувств занимала центральное место в философии Нового времени, аффект противопоставлялся интеллекту, так как эмоциональные процессы нарушают протекание интеллектуальных, однако есть работы составляющие исключение.

Одними из первых работ А.Н. Леонтьева в области психологии являются именно исследования аффектов, разработка совместно с А.Р. Лурией «сопряженной моторной методики», а также изучение регуляторной роли эмоций в познании (Леонтьев, 1975). Согласно А.Н. Леонтьеву эмоции фиксируют значимость, «ставят задачу на смысл» и отражают отношение мотива и деятельности (Леонтьев, 1975). В.К. Вилюнас анализировал положение А.Н. Леонтьева, о том, что эмоции регулируют деятельность и отмечал, что возможны две различные интерпретации этого положения: во-первых, эмоции выражают смысл, смысл существует в виде эмоций, и, во-вторых, эмоции сигнализируют о существовании смысла. В итоге делается вывод, что смысл возникает после эмоции, в результате решения конкретной задачи (Вилюнас, 1976).

Исследованиями роли эмоций в регуляции психической деятельности занимался и О.К. Тихомиров. В качестве оснований школы О.К. Тихомирова нужно назвать культурно-историческую психологию Л.С. Выготского и психологию деятельности А.Н. Леонтьева. Олег Константинович был первым в отечественной психологии, кто стал активно разрабатывать проблематику роли эмоций в преодолении субъективной неопределенности (Тихомиров, 1969). Можно заключить, что идея единства аффекта и интеллекта обладает большой эвристичностью, в связи с чем она получила широкое развитие в отечественной психологии, и в особенности в школе О.К. Тихомирова.

В смысловой теории мышления через мотивационно-эмоциональную регуляцию мышления показан вклад эмоций в познавательные процессы (Тихомирова, 1969; Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980; Васильев, 1999). О.К. Тихомиров совместно с И.А. Васильевым ввели понятие интеллектуальных эмоций, понимаемых как сигналы обратной связи о соответствии мыслительной деятельности познавательному мотиву и стоящей за ней познавательной потребности. Важным является открытие предвосхищающей функции эмоций, т.е. эмоции сигнализируют о том, что решение найдено, но вербально оно еще не сформулировано – этот феномен получил название «эмоционального обнаружения проблемы». Эмоции сигнализируют об обнаружении «познавательного противоречия» и направляют дальнейшую цель мыслительной деятельности. И.А. Васильев подчеркивает, что единство познавательного и эмоционального компонентов в мыслительной деятельности не предполагает их тождества, но в рамках динамической смысловой системы означает, что смысл включает познавательный, эмоциональный и интенциональный компоненты, совместно реализующие движение мышления в смысловых понятиях.

О.К. Тихомиров предлагал пересмотреть с точки зрения идеи единства аффекта и интеллекта, включающей динамику становления смысловых

полей, существующий в психологии принцип единства сознания и деятельности. Эта идея была реализована при изучении роли мотивационного компонента и индивидуально-стилевых особенностей в интеллектуальных решениях (Корнилова, Тихомиров, 1990). Линия исследований роли личностных компонентов, в частности, мотивации была продолжена в исследованиях представителей школы О.К. Тихомирова (Арестова, 2009; Степаносова, Корнилова, 2006; Зиренко, Корнилова, 2020).

С позиций классификации выборов на простые, смысловые и экзистенциальные, Д.А. Леонтьев рассматривает основания только в их личностной регуляции (мотивационной, ценностной и смысловой), сводя роль когнитивных компонентов до «операторных» (Леонтьев, 2015). Т.В. Корнилова оспаривает это положение, указывая, что без единовременного учета мысленного опосредствования, изучение ценностной и смысловой регуляции выбора представляет неполную картину (Корнилова, 2016б). При попытке изучения принятия решений без учета когнитивной составляющей, закрываются пути изучения выбора как креативного преодоления неопределенности.

Позиции, согласно которым человек в ситуации выбора действует в соответствии с экономическими моделями, то есть стремится максимизировать выгоду, и, опирается в большей степени на рациональные стратегии и когнитивные процессы или смысловую регуляцию, но всегда только на один ведущий процесс (Д.А. Леонтьев и др., 2015; Карпов, 2019), не могут выступать методологической основой нашей работы, так как мы, в соответствии с идеей единства аффекта и интеллекта постулируем, что принятие решений регулируется множественными процессами: когнитивными, личностными или эмоциональными (Козелецкий, 1979; Корнилова, Тихомиров, 1990; Корнилова, 2016а).

Изучение процессов творческого мышления, как уже было отмечено, является центральным звеном в системной смысловой теории мышления, развиваемой в школе О.К. Тихомирова. Понимание креативности О.К.

Тихомировым как характеризующейся незаданностью компонентов ее структуры и формирующей в процессе самой деятельности, как «порождение новых мотивов, смыслов, установок, целей, операций в структуре этой деятельности» (цит. по Бабаева и др, 2008 стр. 47), отличалось от классического понимания креативности, как процесса создания оригинального и эффективного (отвечающего требованиям ситуации) продукта (Любарт и др, 2009). То есть О.К. Тихомиров под критерием креативности понимал новообразования, формирующиеся у субъекта в процессе решения проблем.

Т.В. Корнилова продолжает линию исследований, намеченных О.К. Тихомирова, в двух направлениях: во-первых, изучается креативность, которая в теории ДРС связывается с актуализацией переменных единого интеллектуально-личностного потенциала человека (Корнилова 2010), а, во-вторых, изучается регулирующая роль эмоций в мышлении, что открывает выход на проблематику эмоционального интеллекта (ЭИ). В психологии сложилось двоякое понимание конструкта ЭИ как личностной черты (А. Фернхем и К.В. Петридес) и как способности (Дж. Майер, П. Саловей и Д. Карузо). (Подробнее эта проблематика будет раскрыта в параграфе 1.3.1.). Общим звеном разных подходов является выделение регулирующего компонента ЭИ. Именно выход конструкта ЭИ на возможность регуляции позволяет включить изучение роли ЭИ в принятии решений, так как ПР могут опосредствоваться учетом эмоциональной информации, что способствует достраиванию ориентиров социальных взаимодействий, а значит может улучшать качество ПР в ситуации неопределенности.

Конструкт ЭИ иначе раскрывает идею единства аффекта и интеллекта, нежели интеллектуальные эмоции, позволяя изучать вклад ЭИ в двух аспектах, как возможность учитывать эмоциональный контекст ситуации принятия решений (Павлова, Корнилова, 2012), и как регуляция выбора посредством воспринимаемых последствий. В этих аспектах Е.В. Красновым изучалась роль эмоциональных предвосхищений на материале

вербальных задач, требующих учета эмоционального контекста (Краснов, 2014). В работе было показано, что ЭИ выполняет регулирующую функцию в процессе принятия решений.

Исследование Ю.В. Красавцевой позволили прояснить, что задача Айова не позволяет «ухватить» предвосхищающие эмоции на группе нормы, и что предикторами стратегий ПР (выигрышных и проигрышных) является ЭИ и психометрический интеллект, а гипотеза соматических маркеров для психологов оказалась лишь метафорой, за которой А. Дамасио полагал работу исключительно нейрофизиологических процессов.

Эти исследования поднимают важный вопрос методических процедур, посредством которых можно отследить роль эмоциональной регуляции как составляющей прогнозирования. На основе разработанной компьютерной игры ЭПИК Ю.В. Красавцевой было изучено ПР при разном уровне риска, а для оценки эмоций до ПР и после ПР (но до того, как будет известен результат ПР) использовалась методика Self-Assessment Manikin, и было показано, что чем более выражены предвосхищающие эмоции, тем больше человек проявляет ситуационный риск в игре, а такие предвосхищающие эмоции как доминантность и удовольствие в ситуации увеличения риска в игре увеличивают принятие им рискованных решений (Красавцева, 2021).

В последующих исследованиях были показаны положительные связи ЭИ с ТН (Корнилова, 2016а). Предпосылкой изучения связей ТН и креативности стали идеи Ф. Вернона, о том, что ТН является необходимым условием креативности, а также предположения Зенасни и Любарта, что ТН способствует оптимизации творческого потенциала. Эти идеи способствовали выдвижению гипотезы о «Позитивной триаде» – связей толерантности к неопределенности (ТН) с эмоциональным интеллектом и креативностью (Корнилова, 2016а; Павлова, Корнилова, 2019). Исследования показали, что творческое мышление связано с ТН и продуктивными процессами принятия решений через интуитивные стили,

относящиеся к единому фактору толерантности к неопределенности и риску, а значит показали возможность выхода на верхние уровни иерархии динамических регулятивных систем как личностных, так и когнитивных составляющих.

ЭИ, занимающий двойственное положение как компонент эмоционально-личностной сферы, демонстрирует положительные связи с ТН и риском, самооценкой, Большой пятеркой, а также психометрическим интеллектом (Корнилова, 2016а). Интеллект в свою очередь, положительно связан с креативностью (Ушаков, Валуева, 2010; Ivcevic et al, 2007; Корнилова, 2016а), а ТН через интуитивные стили опосредствует более креативные решения (Павлова, Корнилова, 2019). Недостающим звеном в цепочке связей являются связи эмоций и креативности, а также эмоций и ТН. В современной психологии конструктом, отражающим взаимосвязь эмоций и креативности является «эмоциональная креативность» (Averill, 1999).

Конструкт эмоциональной креативности (ЭК) базируется на теории социального конструктивизма и предложен Джеймсом Эвериллом как связующий эмоции с творческим потенциалом человека (Averill, 1999; Averill, 2005). За ЭК стоят три основных критерия креативности: новизна, эффективность и аутентичность. Согласно Эвериллу, в ЭК входит и «готовность», трактуемая как общий фон знаний об эмоциях. «Новизна» для Дж. Эверилла является относительным понятием, эмоциональная реакция может быть новой относительно, например, прошлого поведения человека. «Аутентичность» – это интенсивность чувствования и его честное выражение. «Эффективность» – польза эмоциональной реакции для человека и общества. При таком подходе эмоции выступают креативным продуктом (Averill, 2005). Эвериллом была разработана методика, диагностирующая уровень ЭК “Emotional Creativity Inventory” – опросник ЭК. Известные до нашего исследования апробации этой методики (Валуева, 2009; Андреева, 2011) не удовлетворяют в полной мере требованиям

апробации методик (подробнее эта проблема раскрыта в главе 2 параграфе 1).

Мы поставили вопрос о месте эмоциональной креативности в структуре интеллектуально-личностного потенциала (ИЛП), и ее вкладе в процессы эмоциональной регуляции принятия решений. Мы полагаем, что конструкт эмоциональной креативности соответствует положению Л.С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта.

Подводя итоги, нужно отметить, что основными предпосылками исследования эмоциональной креативности, в структуре ИЛП являются следующие линии:

а) получившая развитие в школе О.К. Тихомирова идея единства аффекта и интеллекта, позволившая многоаспектное изучение ПР с учетом влияния мотивационно-личностных, когнитивных и эмоциональных факторов, а также изучение регулирующей функции эмоций в мышлении;

б) исследования в школе О.К. Тихомирова творческого мышления и креативности;

в) исследования Т.В. Корниловой и Е.М. Павловой позволившие принять гипотезу о «Позитивной триаде» ТН-креативность-ЭИ и ее роли в ПР;

г) исследования Е.В. Краснова и Ю.В. Красавцевой, продолжившие линию О.К. Тихомирова о регулирующей функции эмоций и эмоциональных предвосхищений, и попытки с помощью процедур вербальных и игровых задач показать вклад именно эмоциональной регуляции в процессах принятия решений.

Следующий параграф будет посвящен проблеме эмоциональной регуляции процессов ПР, выявлению соотношений эмоций и эмоциональной креативности с позиций социального конструктивизма и отечественной психологии, так как необходимо обосновать понимание ЭК с точки зрения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и

обосновать возможность включения ЭК в ИЛП и соответственно ее участия в процессах эмоциональной регуляции ПР.

1.2. Вклад эмоциональной сферы в процессы регуляции принятия решений

1.2.1. Эмоциональная регуляция принятия решений

Понятие регуляции и саморегуляции в отечественной психологии рассматривают в контексте принятия решений, так как в этих процессах регуляция проявляется наиболее отчетливо.

Саморегуляция ПР выступает личностным феноменом в теории волевой регуляции, восходящей к идеям Д. Узнадзе. При включении ее в деятельностный подход обосновывалось, что выбор осуществляется на основании волевого усилия, выражающегося в конструировании дополнительного смысла действия. В данной теории волевая регуляция предполагает только сознательную регуляцию (Иванников, 2006).

Теории, полагающие саморегуляцию когнитивным феноменом, относят теорию принятия решений А.В. Карпова, где саморегуляция рассматривается как метакогнитивный феномен, а значит и за регуляцией выбора стоит жестко заданная система только когнитивных процессов (Карпов, 2019). Иные методологические предпосылки саморегуляции при ПР сформулированы Т.В. Корниловой (2005, 2016а), предполагающей незаданность, открытость регулятивных профилей ПР и динамическую иерархизацию разных процессов, включаемых в динамические регулятивные системы.

Понятие саморегуляции складывалось и в попытке интеграции информационного подхода и стилевой регуляции. Так, В.И. Моросанова предлагает деление теорий саморегуляции, где они понимаются как когнитивные феномены, личностные и интегративные (т.е. объединяют когнитивное и личностное понимание) (Моросанова, 2017).

Е.А. Сергиенко отмечает, что уточнение В.И. Моросановой того факта, что процессы саморегуляции должны быть только осознаваемыми приводит к усложнению понимания саморегуляции, также Е.А. Сергиенко делает акцент на том, что саморегуляция в концепции В.И. Моросановой, несмотря на то, что имеет личностностную составляющую, больше относится к когнитивному процессу: «как частный случай регуляторной функции субъекта, а именно как саморепрезентируемый, рефлекслируемый когнитивный компонент» (Сергиенко, 2018, стр.132). В своих работах В.И. Моросанова приходит к пониманию саморегуляции в контексте ресурсного подхода, полагая, что осознанная саморегуляция является метаресурсом, включающей подсистемы компетенций. Е.А. Сергиенко включает в процессы саморегуляции как сознательные, так и неосознаваемые уровни. Термин контроль поведения, по ее мнению, более точно отражает именно психологическую составляющую процесса регуляции поведения.

Системно-деятельностная концепция психической регуляции функциональных состояний Л.Г. Дикой не содержит представлений о ПР, но включает представление о саморегуляции как о психической деятельности, однако в полной мере она становится психической только после осознания цели этой активности и сознательном использовании способов саморегуляции (Саморегуляция..., 2007).

Понимание процессов саморегуляции в теории Динамических Регулятивных Системах (ДРС), предложенной Т.В. Корниловой, принципиально отличается тем, что предполагает актуалгенез саморегуляции как структурирование иерархии процессов в ДРС, формирующихся «здесь и сейчас», и не предполагающих изначальной заданности конкретных переменных интеллектуально-личностного потенциала, входящих в ДРС. ДРС выступают *новообразованиями*, в которых интегрируются заведомо разноуровневые процессы, как компоненты самосознания, так и глубинные мотивационные переменные. Саморегуляция выступает необходимым условием преодоления

субъективной неопределенности, а ДРС являются единицами саморегуляции. Сам субъект может не знать, какими именно процессами образована иерархия процессов, идентифицируемых как рациональное, эмоциональное или волевое принятие решения. ДРС включают процессы, относящиеся как к когнитивной, так и к эмоционально-личностной сферам, процессы, которые могут испытываться человеком (осознаваться) как приложенные для ПР усилия, так и не осознаваться. Такое понимание саморегуляции снимает необходимость предположения специальных уровней метакогниций; то есть отдельная инстанция для саморегуляции не требуется. Но необходима дифференциация совершаемых ПР с точки зрения превалирующего процесса (в целостной саморегуляции).

Понятие эмоциональной регуляции встречается лишь в нескольких концепциях, что говорит о недостаточном интересе со стороны отечественных ученых к этому конструкту. В связи со сказанным выше необходимо обозначить соотношения саморегуляции и эмоциональной регуляции. Так как мы основываемся на теории ДРС, в которой саморегуляция выступает интерпретационным понятием, эмоциональная регуляция является одним из возможных процессов, который способен выходить на верхние уровни иерархии ДРС и заключается в возможности влияния эмоций на мыслительные процессы и деятельность. Проблематика регуляции эмоций в отечественной психологии задается в контексте идеи единства интеллекта и аффекта (Л.С. Выготский), и по-новому в раскрывающем ее конструкте эмоционального интеллекта, а также более широко, через изучение роли эмоций в познании и деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров, И.А. Васильев и др.).

В зарубежных исследованиях функционирует единый термин “emotion regulation”, отражающий более узкий аспект – только регуляции эмоций. Регуляция эмоций предполагает эффективное управление эмоциональным состоянием для достижения цели. Регуляция эмоций является компонентом эмоционального интеллекта (Mayer, Salovey, 1993;

Люсин, 2009; Сергиенко и др. 2019; Furnham, Petrides, 2001 и др.) и представляет собой комплекс как сознательных, так и бессознательных процессов, удерживающих интенсивность эмоциональных реакций на одном уровне (Davidson, 1998). Недавний метаанализ показал, что ЭИ является предиктором стратегий регуляции эмоций (Peña-Sarrionandia, 2015).

Важно указать на несовпадение понятий регуляции эмоций и копингов. Регуляция эмоций задает более широкий спектр ситуаций, и модулирует в том числе позитивные эмоции, в отличие от копингов, которые предполагают регуляцию, в основном негативных эмоций (Падун, 2015).

Таким образом, мы выходим на две проблемы: а) изучение регуляции эмоций как способа поддержания оптимального эмоционального состояния и прогнозирования (для продуктивных ПР требуется учет эмоционального контекста ситуации и способности прогнозировать как собственные эмоции, так и эмоции других, что раскрывается в понятии ЭИ); б) изучение эмоциональной регуляции – вклада эмоций в процессы мышления. Далее мы последовательно раскроем обе проблематики.

Концепция регуляции эмоций берет свое начало в психоанализе З. Фрейда и его понимании «защитных» механизмов психики, которые как правило не осознаются. Ключевое отличие процесса регуляции эмоций от «защитных» механизмов заключается в его доступности сознанию и, следовательно рефлексии (Падун, 2015). Идеи регуляции эмоций после З. Фрейда были развиты в контексте изучения стилей привязанности Дж. Боулби, совладании со стрессом (Lazarus, Folkman, 1984). Развитое в работах Лазаруса и Фолкмана представление о копингах отличается от регуляции эмоций по функции, копинги направлены на смягчение аффективных реакций в стрессовых ситуациях и относятся к длительному временному горизонту. Процесс саморегуляции в концепции Лазаруса представлен стратегиями совладания с трудными жизненными ситуациями.

Дж. Гросс предлагает схему, в которой аффективная регуляция включает в себя копинги, регуляцию эмоций и регуляцию настроения (Gross, 2015). Регуляция эмоций не всегда бывает осознанной (Gyurak, Gross, Etkin, 2011). Регуляция настроения подразумевает изменение субъективных чувственных состояний (Larsen, 2000), а основной чертой регуляции эмоций является наличие конкретной цели – изменить траекторию эмоций, стать менее расстроенным или менее грустным. Однако регуляция эмоций может способствовать реализации не только одной цели, но может сбалансировать достижение нескольких целей (Rothermund et al., 2008) и способствовать интеграции личностных процессов (Baumann, Kaschel, Kuhl, 2005).

Теория взаимодействия личностных систем, предложенная Ю. Кулем, предсказывает, что регуляция эмоций способствует функционированию личности двумя путями, во-первых, препятствуя «зависанию» лиц в определенных эмоциональных состояниях, а, во-вторых, реализует динамический обмен между личностными процессами, тем самым, обеспечивая согласованность и стабильность всей системы личности (Kuhl, 2000).

При всем обилии теоретических моделей исследователи сходятся во мнении, что модель когнитивной регуляции эмоций, предложенная Дж. Гроссом, является наиболее полной и точной.

Дж. Гросс разработал процессуальную модель когнитивной регуляции эмоций (Gross, 1998b). Фундаментальное положение этой теории гласит, что стратегии регуляции аффекта различаются по критерию времени: выделяют стратегии регуляции предвосхищающих эмоций и стратегии, направленные на модуляцию уже имеющихся эмоций. Предвосхищающие стратегии включают: 1) выбор ситуации, который понимается как выбор или избегание некоторых видов деятельности, людей или мест в зависимости от их ожидаемого эмоционального воздействия, 2) ее изменение - изменение ситуации таким образом, чтобы изменить ее эмоциональное воздействие, 3) развертывание внимания - изменение того, как мы себя чувствуем, выбирая

информацию, которая помогает изменить эмоциональное состояние, 4) когнитивное изменение – изменение мыслей, чтобы изменить эмоции. Стратегии, направленные на регуляцию уже возникших эмоций, в основном связаны с различными способами подавления эмоций. Исследования Дж. Гросса (Gross 1998a) непосредственно сравнивали совладание с текущими и ожидаемыми эмоциями, и показали, что предвосхищающее совладание более эффективно. Общая картина результатов этой работы показала, что стратегии переоценки являются гораздо более эффективными и адаптивными, чем стратегии подавления (Gross, 1998b). Другими словами, лучше справляться на основе ожидаемых эмоций, чем ощущаемых в настоящее время. Дж. Гросс выделяет два типа регуляции эмоций: внешнюю (регуляция эмоций других людей) и внутреннюю (регуляция своих собственных эмоций).

Второе направление изучает вклад эмоций в принятие решений. Например, в качестве объяснительного принципа в психофизиологических исследованиях представлена гипотеза А. Дамасио о «соматических маркерах», утверждающая, что аффективные состояния, связанные с предыдущими результатами принятия решений, используются для руководства дальнейшими решениями (Damasio, 1996). Механизмы предвосхищения позволяют предвидеть потенциально плохие решения, что приводит к упрощению процесса ПР и повышению эффективности принятия сложных решений (Bechara et al., 1994). Но как мы показали выше, для психологов эта идея является лишь метафорой, не содержащей психологических объяснений функционирования предвосхищающих эмоций. Сведение процессов эмоционального предвосхищения при ПР в условиях неопределенности к нейрофизиологическим механизмам являет собой пример недопустимого в психологии редуccionизма: объяснение психических процессов через нейронные корреляты (Корнилова, Смирнов, 2017).

Т.В. Корниловой и А.Ю. Развальяевой в противоположность Дамасио была выдвинута гипотеза о когнитивном и личностном опосредствовании

ПР в игре Айова. В исследовании было показано, что рациональность как личностное свойство отвечает за выбор «безопасной» стратегии в игре, а интуиция опосредствует выбор рискованных стратегий, а также был показан вклад в ПР рабочей памяти (Разваляева, 2021).

На западе, также были проведены многочисленные эксперименты для проверки влияния ожидаемых и непосредственных эмоций на принятие решений. Кристофер Хзее и Юваль Роттенштайх исследовали влияние насыщенных аффектами действий (таких как каникулы, прослушивание музыки и т. д.) по сравнению с действиями, имеющими меньший заряд аффекта (например, деньги, обучение и т. д.) на принятие решений и их последствиях для чувствительности людей к изменениям величин и вероятностей вознаграждения (Rottenstreich, Hsee, 2001; Hsee, Rottenstreich, 2004). Они обнаружили высокую чувствительность к малым и высоким вероятностям и относительно низкую чувствительность к промежуточным. Исследователи показали, что субъективная оценка людьми результатов, богатых эмоциями, менее чувствительна к объему стимула (например, величине вознаграждения), чем оценка результатов, меньшим аффектом.

Лернер и Кельтнер (Lerner, Keltner, 2000, 2001) выявили влияние диспозиционного страха и гнева на рискованное поведение. Испуганные люди выносили пессимистические суждения и делали выбор, избегая риска, в то время как разозленные люди были более оптимистичны и больше рисковали. Лернер, Смолл и Левенштейн проверили влияние печали и отвращения (вызванных в лабораторном эксперименте, демонстрацией участникам различных эмоционально заряженных клипов непосредственно до задания) на эффект пожертвования, в результате оказалось, что люди ценят объект в их владении выше, чем их готовность заплатить, чтобы приобрести его (Lerner, Small, Loewenstein, 2004).

Баумейстер с коллегами (Baumeister et al., 2007) выдвинули предположение, согласно которому, эмоции влияют на поведение как система обратной связи. Эмоция обеспечивает обратную связь о недавних

действиях и, следовательно, об адекватности текущих правил «если-то», на которых эти действия были основаны. Положительные эмоции обычно подтверждают существующие правила, отрицательные – сигнализируют о неуспешности поведения, и поэтому они предполагают, что правила «если-то» должны быть пересмотрены.

Эмоциональное предвосхищение результатов является важным аспектом теории обратной связи. Важность эмоционального предвосхищения была признана исследователями принятия решений, особенно в теории Б. Меллерса, А. Шварца, И. Ритова (Mellers et al., 1999). Основная идея их теории заключается в том, что совершаемый личностью выбор в основном определяется ожидаемыми эмоциями. Люди выбирают на основе своих предположений о том, что они будут чувствовать в случае выигрыша или проигрыша, а не просто делают бесстрастный расчет того, что максимизирует их вероятный финансовый выигрыш и выбор на этой основе. Люди склонны принимать плохие решения, когда их эмоциональные прогнозы ошибочны, и хорошие решения, когда их прогнозы реалистичны (Dunn, Laham, 2006; Hsee, Zhang, 2010; Wilson, Gilbert, 2005).

Эмоциональное предвосхищение связано и с ЭИ: управление эмоциями, как ветвь ЭИ, оказалось предиктором способности к прогнозированию (Красавцева, Корнилова, 2018; Dunn et al., 2007; Hoerger et al., 2012) Е.В. Краснов показал, что ПР в Игровой задаче Айова осуществляется в том числе с ориентацией на эмоциональную подсказку, способствующую разрешению неопределенности, а Ю.В. Красавцева установила связи эмоционального предвосхищения с ЭИ и толерантностью-интолерантностью к неопределенности (Краснов, Корнилова, 2016; Красавцева, 2021). В нашем теоретическом обзоре был прослежен вклад ЭИ и эмоциональных предвосхищений в ПР (Шестова, 2019а).

Вклад эмоций раскрывается в следующих моделях: «риск-как-чувство» (Loewenstein et al., 2001), модель детерминант и последствий

эмоций (Loewenstein, Lerner, 2003) и интегрированная модель принятия решений (Lerner et al., 2015). Эмоции в этих моделях интегрируются в процесс принятия решений двумя различными способами: через ожидаемые эмоции (expected emotions) и через непосредственные (текущие) эмоции. Лица принимающие решения выбирают альтернативы, которые максимизируют ожидаемые положительные эмоции и минимизируют ожидаемые отрицательные эмоции. Непосредственные эмоции – это чувства, которые лица, принимающие решения, испытывают в момент принятия решения. Модели различают два типа влияний, которые составляют текущие эмоции: упреждающие влияния и случайные влияния. Упреждающие воздействия отражают влияние ожидаемых эмоциональных реакций от принятого решения на непосредственные эмоции. Размышление о возможных результатах (и связанных с ними эмоциональных реакциях) рискованного выбора, например, может вызвать немедленное чувство тревоги.

В качестве резюме параграфа отметим, что западные исследователи сосредоточились на выявлении связей ЭИ и регуляции эмоций и, в основном выявлены положительные связи. В отечественной психологии отсутствуют данные о связях ЭИ и ЭК со стратегиями регуляции эмоций. Также исследователями показано, что эмоции способны влиять на ПР, а значит участвуют в процессах эмоциональной регуляции. С позиций теории множественной многоуровневой регуляции ПР, саморегуляция является интерпретационным компонентом, отвечающим за построение ДРС, а эмоциональная регуляция может входить в ДРС и подниматься на ее верхние уровни. Эмоциональные предвосхищения в рамках этого подхода понимаются как процессы, включенные в эмоциональную регуляцию и соответственно способны опосредствовать ПР (Красвцева, 2021). Анализ показывает, что выявлялось влияние базовых, ситуационных и предвосхищающих эмоций, но не показано, как влияют на ПР эстетические эмоции. Поскольку методологическим основанием нашего исследования

является теория множественной многоуровневой регуляции ПР, необходимо обосновать возможность включения ЭК в интеллектуально-личностном потенциале и ее понимание с точки зрения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского.

1.2.2. Соотношение эмоций и эмоциональной креативности с позиций социального конструктивизма и отечественной психологии

Джеймс Эверилл рассматривает эмоцию как социальный конструкт, основанный на биологически детерминированных аспектах и нескольких уровнях познания, от восприятия через оценку до символических правил и стандартов. В увлекательном расширении своей теории, Эверилл (Averill, Thomas-Knowles, 1991) устанавливает связь между эмоциями и креативностью. Дж. Эверилл задался целью расширить способ, которым мы думаем об эмоциях, или, говоря точнее, расширить то, как мы «говорим» об эмоциях, поскольку Эверилл работает в контексте языковых игр Л. Витгенштейна. Дж. Эверилл считает эти связи важными, так как современный мир и его превратности требуют от нас эмоционального творчества. На основании проведенных исследований (Averill, Thomas-Knowles, 1991) эмоционально креативные личности описываются, как имеющие семь основных характеристик по сравнению с менее эмоционально креативными: они лучше интегрируют свои эмоции и выражают их символически; у них есть более сложные задачи, и они не спешат с выводами; они очень озабочены тем, чтобы изучить смысл своих эмоций; они заботятся о чувствах других людей (и поведении); они менее привязаны к стандартам и более терпимы к конфликтующим чертам (например, принимая чувства и эмоции других людей, даже если они идут вразрез со стандартами общества); они испытывают меньше прототипических особенностей стандартных эмоций (например, чувство

раздражения, а не гнева); они считают вызовом то, что другие считают угрозой.

Многие психологи писали о гневе, но не многим удалось содержательно раскрыть это понятие. Дж Эверилл с позиции социального конструктивизма в своем «Трактате о гневе» (Averill, 1982) не только показывает, что можно провести глубокий анализ одной эмоции, но и что при этом можно получить гораздо лучшее понимание эмоций в целом. Эверилл характеризует гнев как конфликтную эмоцию, которая биологически связана с агрессивными системами и социальной жизнью, символизацией и самосознанием. Психологически она направлена на коррекцию воспринимаемого неправильного, а социокультурно на поддержание принятых норм поведения. Теория эмоций Эверилла предполагает, что сложное поведение обычно включает конфликты. Это приводит к эмоциям, которые являются компромиссами, и способствуют разрешению конфликта. Агрессия биологически связана с гневом, но не приравнивается к нему. Кроме того, Эверилл считает, что у человека есть биологическая тенденция следовать правилам, а также формулировать их. Существует и биологически обоснованная склонность расстраиваться, если правила нарушаются. На этом теоретическом фоне гнев (и другие эмоции), хотя и биологически обоснованные, становятся в высшей степени символическими и зависимыми от оценок. Психологически гнев в таком случае рассматривается как забота об исправлении воспринимаемой ошибки.

Дж. Эверилл основывается на предположениях, что: 1) эмоции состоят из когнитивных оценок, промежуточных процессов и поведенческого выражения; 2) все три составляющие частично определяются убеждениями и ценностями культуры; 3) эмоциональные синдромы усиливают убеждения личности.

Дж. Эверилл определяет эмоции как специфические паттерны ответных реакций, которые манифестируются в поведении и

символизируются в языке такими словами как злость, грусть, любовь и т.п. (Averill, 2005). И в этом смысле эмоции – это эмоциональные синдромы. При этом он отмечает, что искусство и музыка так же являются важной символической формой выражения эмоций. Эмоциональные синдромы предполагают принципы организации – биологические и социальные. К социальным Эверилл относит культурно-специфические убеждения – имплицитные народные теории. К таким имплицитным теориям относятся экзистенциальные верования и социальные правила. Социальные правила предписывают как должно быть. Эмоции регулируются правилами, которые приняты в конкретной культуре. Экзистенциальные убеждения и социальные нормы оказываются прототипами, в соответствии с которыми, эмоции обычно распознают в культуре и социально конструируют. Однако убеждения меняются, а правила разрушаются и тогда приходится создавать новые эмоциональные реакции. Создавать эмоциональные синдромы возможно благодаря изменению экзистенциальных убеждений и социальных норм. Эмоциональные синдромы, согласно Эвериллу, различаются в зависимости от культуры (Averill, 2005).

По мнению Эверилла, эмоции связаны с творчеством тремя основными способами: во-первых, как предшественники творчества; во-вторых, творчество может быть эмоциональным опытом; и, в-третьих, сами эмоции могут быть творческими продуктами (Averill, 2011). Если первые два пункта не вызывают особого неприятия, то по поводу последнего Зайонц сказал так: «Есть “умственные гении”, но нет никаких “эмоциональных вундеркиндов”», и далее: «Мы можем говорить об “интеллектуальном гиганте”, но “эмоциональный гигант” – это абсурд» (Robert Zajonc, 1998, p. 597). То, что общество конструирует, индивиды могут реконструировать. Если реконструкция соответствует критериям новизны, эффективности и подлинности, ее можно считать творческой.

Конструкт эмоциональной креативности (ЭК) предложен как связующий эмоции с творческим потенциалом человека. За ЭК стоят три

основных критерия креативности: новизна, эффективность и аутентичность, согласно Эвериллу, в ЭК входит еще фактор «готовности», который напрямую не соотносится с креативностью. «Готовность» предполагает, что человек в течение своей жизни имеет тенденцию размышлять над эмоциями и извлекать из них опыт и уроки. Годы такой подготовки обеспечивают возможность творческой работы с эмоциями. Люди, готовые размышлять над эмоциями считают их ценными, важной частью своей жизни, соответственно, такие лица оказываются более эмоционально подготовлены, в отличие от лиц, которые не уделяют время и внимание своей эмоциональной сфере.

«Новизна» для Дж. Эверилла является относительным понятием, эмоциональная реакция может быть новой относительно, например, прошлого поведения человека. «Аутентичность» – это подлинность переживания. «Эффективность» – польза эмоциональной реакции для человека и общества (Averill, 1999), более подробно об этих факторах будет говориться в главе 2 параграфе 1.

Эмоциональная креативность как понятие возникло вследствие социально-конструкционистского взгляда на эмоции (Averill, 1980, 2005). Социальный конструкционизм делает три фундаментальных допущения: во-первых, эмоции являются сложными паттернами реакций или синдромов; во-вторых, ни один вид реакции (например, лицевая экспрессия, физиологическое возбуждение или субъективный опыт) не является необходимым или достаточным для целого; и, в-третьих, социальные нормы (общие убеждения и правила), а не генетика или индивидуальный опыт, являются основными принципами, с помощью которых организуются эмоциональные синдромы.

Первые два из этих предположений в настоящее время широко – хотя и не повсеместно – приняты. Третий, более спорный, поскольку, по-видимому, упускает из виду важность биологических и психологических факторов в развитии эмоциональных реакций. Биологические

(генетические) влияния, безусловно, являются важными организующими влияниями, на некоторые эмоции (например, внезапный испуг) больше, чем на другие (например, праведный гнев). Однако полностью идиосинкразическая эмоция имеет не больше смысла, чем полностью идиосинкразический язык. Иначе, чтобы эмоция была понята, она должна включать социально разделяемые принципы организации. Если мы примем три условия, упомянутые выше, как лежащие в основе социально-конструкционистского взгляда (т. е. эмоции – это сложные синдромы, ни одна составляющая которых не является существенным для целого, а социальные нормы обеспечивают первичные – хотя и не исключительные – организующие принципы), то возможность эмоциональной креативности логически вытекает из конструкционистского взгляда на природу эмоций.

Эмоциональная креативность отражает новый формат креативности – в котором продуктом творчества является новая, эффективная и аутентичная эмоциональная реакция. Из этого следует, что эмоциональная креативность является результатом взаимодействия эмоциональных и творческих процессов, которое имеет несколько ступеней развития. Во-первых, ЭК проявляет себя в эффективном применении усвоенных человеком эмоций или их комбинаций; во-вторых, ЭК включает модификацию стандартной эмоции для лучшего удовлетворения потребностей отдельного человека или группы, в-третьих, ЭК подразумевает разработку новых форм самовыражения с фундаментальными изменениями в убеждениях и правилах, в соответствии с которыми формируются эмоциональные синдромы.

Как известно конструктивизм – это довольно широкое течение, представленное не только в психологии, но и социологии и философии, в связи с чем есть две его трактовки в широком и узком смыслах, как парадигма исследования в социальных науках и как название направления в психологии соответственно (Улановский, 2009).

Парадигма конструктивизма вызвала множество дискуссий среди представителей отечественной психологии и философии. Так если конструктивизм в узком смысле (Дж. Келли, Ж. Пиаже, культурно-историческая психология Л.С. Выготского) считается весьма прогрессивным для психологии направлением и был положен в основу психосемантики (Петренко, 2014), то социальный конструктивизм (Т. Бергер и П. Лукман, К. Герген,) критикуют за излишний радикализм в отношении онтологического статуса психологических феноменов: отрицание их психологической реальности, и работа только с «конструкциями двоякого рода», как продуктами социального взаимодействия и как с конструированным предметом, которого вне исследования не существует (Лекторский, 2018). Вместе с тем отмечается, что социальный конструкционизм К. Гергена и Р. Харре опирается на идею Л.С. Выготского о том, что высшие психические функции формируются в результате социального взаимодействия – взаимодействия взрослого и ребенка. А.Г. Асмолов пишет о том, что умеренный социальный конструктивизм является мета-характеристикой, присущей культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Можно заключить, что основными точками пересечения культурно-исторической психологии и социального конструкционизма являются идеи о роли социума в формировании и развитии психики, а также о роли культурной или знаково-символической обусловленности деятельности (Асмолов, 2014).

Дж. Эверилл при обосновании конструкта эмоциональной креативности с позиций социального конструктивизма опирается на работы К. Гергена, Р. Харре, П. Бергера и Т. Лукмана, в которых акцент ставится на том, что эмоции по своей сути являются социальными явлениями и могут быть поняты только как часть культуры, в которой они имеют значение (Averill, Sundararajan, 2006). Конструктивизм во всех его направлениях предполагает активность человека при построении или конструировании образа мира, соответственно любая познавательная деятельность становится

конструированием. М.В. Фаликман в своей диссертации прослеживает применение парадигмы конструктивизма в когнитивной психологии, в том числе и отечественной психологии (Фаликман, 2016).

Наиболее выражено идеи конструктивизма прослеживаются в работах А.Н. Леонтьева, посвященных образу мира, понятие психического отражения, идущее от марксистско-ленинской теории отражения, понимается как *активное* и *пристрастное* отражение субъектом мира объектов и в процессе этого отражения человек активно строит образ мира. Понятие образа мира развивается в работах С.Д. Смирнова и определяется как способствующий динамическому преодолению неопределенности, через построение гипотез о мире (Смирнов, 2016), а также в трудах В.Ф. Петренко, который понимает образ мира или картину мира как форму репрезентации субъектом мира. Согласно В.Ф. Петренко, картина мира содержит как сознательные, так и бессознательные пласты. Конструктивизм предполагает, что модель или образ мира, который активно строится субъектом может обладать прогностической (эвристической) силой (Петренко, 2010).

Эверилл, предлагая конструкционистский подход к эмоциям, не выделяет его как обладающий преимуществом перед другими подходами (эволюционным, психодинамическим, пространственным (dimensional), феноменологическим, психофизиологическим, поведенческим), но пользуясь метафорой пишет: «Каждый подход рассматривает эмоционального слона во всей его полноте, но под другим углом зрения. Таким образом, эти подходы не являются взаимоисключающими» (Averill, Sundararajan, 2006, p. 28). В контексте эмоциональной креативности термин «конструирование» как нельзя лучше отражает суть процесса конструирования, то есть *момент творчества и изобретения* новой эффективной и аутентичной эмоциональной реакции.

Эмоциональная креативность, будучи результатом социально-конструкционистского взгляда на эмоции, может быть интерпретирована и

в логике культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Приведем известное высказывание Л.С. Выготского о том, что «Высшая психическая функция появляется на сцене дважды: один раз как внешняя, интерпсихическая (т. е. функция, разделённая между ребёнком и взрослым), а второй – как внутренняя, интрапсихическая (т. е. функция, принадлежащая самому ребёнку)», в этих строках речь идет о механизме интериоризации. Приведем цитату: «Механизмы, через которые ребенок (и взрослый) интернализирует социальные нормы, связанные с эмоциональным поведением недостаточно изучены» (Averill, 1980, p. 321). У Дж. Эверилла нет прямых ссылок на работы Л.С. Выготского, но появляется очень важный для культурно-исторической психологии термин интериоризация и «интернализация». Приведем еще одну важную для нас цитату: «В то время как эмоциональные синдромы примерно соответствуют тому, что Лоуренс называет "эмоциями", эмоциональные схемы являются промежуточными переменными – интрапсихическими механизмами – которые являются посредниками (медиаторами) между эмоциональным синдромом (который существует "снаружи" как часть культуры) и поведением и чувствами (в смысле Лоуренса) участников во время эмоционального эпизода» (Averill, 2001 p. 23). Таким образом, согласно Эвериллу, возникновение эмоциональной реакции опосредствовано эмоциональными схемами.

Само понятие схемы впервые можно встретить в работах И. Канта, трансцендентальная схема служит опосредствующим звеном между априорными и апостериорными суждениями, то есть схема связует мир разума и мир чувств. Концепт схемы имеет две трактовки, первая находится в русле когнитивной психологии: схема – звено, посредством которого субъект структурирует поступающую информацию, а вторая в теориях личности как когнитивно-аффективный комплекс, формирующийся в процессе накопления опыта (Падун, Тарабрина, 2003). В когнитивной психологии концепт схемы был разработан Ф. Бартлетом, У. Найссером,

Дж. Брунером и Д. Норманом. Когнитивные схемы структурируют познание субъектом окружающего мира. Ф. Бартлет отмечал, что схемы являясь компонентом памяти формируются в результате взаимодействия со внешней средой и одновременно организуют информацию, получаемую субъектом, определенным образом. Наиболее полной концепцией развития когнитивных схем является теория Ж. Пиаже. Напомним, что психологию Ж. Пиаже относят к направлениям, способствующим развитию конструктивистской парадигмы. При этом его идеи об *активной* роли субъекта в процессе социализации в значительной степени сближают с культурно-исторической психологией Выготского. Субъект усваивает новый опыт, с помощью схем, а затем *использует* эти схемы для усвоения нового опыта, в этом смысле схемы выступают в качестве психологического орудия, говоря терминами Л.С. Выготского.

Можно сказать, что **эмоциональные схемы являются аналогами когнитивных схем, только структурируют правила и нормы, на основании которых человек строит эмоциональные синдромы.** По текстам Дж. Эверилла не очень понятен смысл названия «эмоциональные» схемы, содержательно данное понятие ближе к когнитивным схемам, так как они выполняют функцию упорядочивания опыта. Дж. Эверилл вводя понятие эмоциональной схемы не указывает, что она формируется автоматически, но пишет о том, что она может быть автоматизирована, после того как возникнет и будет часто применяться субъектом.

Объясняя механизм возникновения эмоций у детей Эверилл пишет, что младенческие переживания страха, гнева, удовольствия и т.п. несут ту же функцию развития эмоций, что и лепет для развития речи. Дети, согласно Эвериллу, играют в эмоции гнева, страха и т.д., также как они играют в докторов, родителей и т.п. Ребенок, взаимодействуя с родителем, сначала видит модели «эмоционального поведения» в определенной ситуации (в терминах Выготского к ребенку применяют определенные эмоциональные роли - утешают, когда ребенок ударился и т.д.), затем в

процессе игры ребенок самостоятельно опробует эти эмоциональные роли в отношении игрушек или сверстников (утешает игрушки или своих сверстников), и, ориентируясь на эмоциональные реакции сверстников и взрослых, учится верно интерпретировать и импровизировать эмоциональные роли. Эмоциональную креативность при таком подходе можно понимать в качестве такой же высшей психической функции как память или внимание. А.Ш. Тхостовым было обосновано понимание эмоций, как ВПФ (Тхостов, 2012), а ЭК одной из составляющих включает именно эмоции.

Поясним тезис о том, что эмоциональная креативность является высшей психической функцией (ВПФ) подробнее. Согласно ранним исследованиям Л.И. Божович и Л.С. Славиной (ориентировочно 1929 – 1930 годы) недостающим звеном, которое переводит подражание на стадию высшей психической функции, является правильная *интерпретация* зарисованного знака (экспериментальным материалом выступала методика пиктограмм), высшее психическое подражание понимается в их совместной работе как интеллектуальный и творческий акт, и появляется только после овладения верной интерпретацией знака (Котляр, Божович, Славина, 2008). Эмоции, в понимании Эверилла – это импровизации базирующиеся на индивидуальной *интерпретации* ситуации. Переживание эмоций – интерпретация собственного поведения. Такая интерпретация имеет два аспекта: (а) понимание значения эмоциональной роли и (б) мониторинг поведения в свете этого понимания. Эмоции также являются и продуктом рефлексивного опыта, то есть задействуют когнитивные механизмы. Эверилл объясняет это на следующем примере: если человек встретит в лесу медведя, то он должен импровизировать и интерпретировать свои эмоциональные реакции в соответствии с мысленными категориями (когнитивными системами, Эверилл не уточняет, но здесь имеются ввиду эмоциональные схемы, так как само понятие схемы у него появляется в более поздних работах), приобретёнными в процессе социализации, и эти

два процесса: импровизация и интерпретация позволяют правильно назвать эмоциональную реакцию страхом.

«Прежде, чем ребенок поймет значение гнева, он должен понять значения интенциональности и проступка» (Averil, 1980, p. 321), то есть ребенок должен верно осуществить интерпретацию, но не рисунка, как в экспериментах Славиной и Божович, а целой ситуации, и своего поведения в этой ситуации, с помощью «когнитивных систем» – эмоциональных схем, то есть верно интерпретировать как выбранная эмоциональная роль вписывается в большую «драму», написанную обществом (Averill, 1980). Значит, можно предполагать, что развитие ЭК неотделимо от развития такой ВПФ как подражание, развитие этих функций идет не строго параллельно, а пересекаясь, примерно также как пересекаются в своем развитии мышление и речь. Овладев умением интерпретировать знаки, ребенок овладевает правильной – социально заданной - интерпретацией эмоциональных ролей. Эмоциональная схема, формирующаяся в процессе социализации ребенка, и является опосредствующим звеном в формировании ЭК как ВПФ.

Здесь уместно вспомнить исследования А.В. Запорожца, посвящённые эмоциональной регуляции детей. Его совместные исследования с Я.З. Неверович, М.И. Лисиной показали, как с возрастом изменяется эмоциональная сфера ребенка. В качестве основного момента ими было отмечено, что в эмоции постепенно включаются познавательные процессы – это приводит к формированию эмоционально-гностических комплексов «типа аффективных образов, моделирующих смысл определенных ситуаций для субъекта и начинающих регулировать динамическую сторону поведения ребенка уже на относительно ранних стадиях его развития» (Запорожец, 1986). Эти эмоционально-гностические комплексы могут быть соотнесены с понятием эмоциональной схемы у Дж. Эверилла, так как они выполняют одинаковые функции – опосредствуют овладение ребенком

собственных эмоций, позволяют осуществить саморегуляцию собственной деятельности.

Эмоции, по Эвериллу, – это социально конструируемые синдромы. Социальные нормы, которые помогают формировать эти синдромы, психологически представлены в виде когнитивных структур или схем. Эти структуры – подобно грамматике языка – обеспечивают основу для оценки стимулов, организации реакций и мониторинга поведения, то есть для импровизации эмоциональных ролей. Иными словами, эмоции – это *открытые системы*, а не фиксированные шаблоны действий, программы когнитивного воздействия или культурные прототипы. Эверилл пишет о том, что подобно тому, как дети изучают язык не под прямым руководством, а путем подражания, проб и ошибок, точно так же дети учатся выражать эмоции в манере, соответствующей их культуре. Такое обучение опосредуется взаимодействием с уже социализированными воспитателями и родителями, а также старшими сверстниками. Формирование эмоциональных синдромов имеет тройное опосредствование. Во-первых, оно опосредствовано взаимодействием со взрослым, как носителем социальных правил и норм, и эмоциональных синдромов, во-вторых, знаком – словами, из которых складывается интерпретация, а, в-третьих, на основе усвоенных правил и норм формируются эмоциональные схемы – психологические орудия.

Эмоциональные схемы, согласно Эвериллу, относятся к когнитивному содержанию. Опосредствующее звено предполагает способность овладевать собственным поведением при его помощи, то есть выступать стимул-средством, обеспечивающим процессы саморегуляции. Саморегуляцию можно понимать по-разному и более подробно мы раскрыли эту проблему в параграфе (1.2.1), а сейчас скажем, что опираемся на понимание саморегуляции предложенное Т.В. Корниловой в теории динамических регулятивных систем. Саморегуляция отвечает за построение психологического орудия (в моменте здесь-и-сейчас), опосредствующего

принятие решений (структурирует иерархию ДРС, опосредствующих выбор), а также отвечает за приемлемость выбранных оснований выборов. Процессы, опосредствующие выбор могут быть более (самосознание) или менее (имплицитные теории) осознаваемыми. Эмоциональная схема, кристаллизирующая социальные правила и нормы, относится к неосознаваемым процессам, но этот факт не мешает ей выполнять регулирующую роль.

Дело в том, что *активность* человека в процессе конструирования эмоциональной схемы в режиме «он-лайн» в случае столкновения с новой неизвестной ситуацией и позволяет нам полагать эмоциональную схему в качестве звена, способствующего овладению человека собственным поведением, то есть как звена, способствующего верной интерпретации и импровизации эмоциональной реакции. «Загадка процессов саморегуляции при принятии решений заключается в том, что именно активность и конструктивность в построении альтернатив и критериев дают те внутренние средства, на которые опирается человек при выборе и посредством конкретизации которых “личность делает себя своими решениями”» (Корнилова, 2013, стр. 95). Активный процесс структурирования динамических регулятивных систем и выход на верхние уровни эмоциональной схемы, является процессом саморегуляции, разрешающим ситуацию неопределенности через конструирование эмоциональной реакции. Или в новой ситуации, для которой нет готовой эмоциональной схемы саморегуляция будет выводить на верхние уровни ДРС когниции, отвечающие за построение новой эмоциональной схемы. Именно таким образом, ЭК может выходить на верхние уровни иерархии, опосредствующей процесс принятия решений, и именно таким образом ЭК оказывается ВПФ.

Далее мы предпримем попытку определения положения ЭК как ВПФ в сознании. С точки зрения отечественной психологии, для концептуализации ЭК целесообразно обратиться к модели сознания А.Н.

Леонтьева, включающей чувственную ткань, значения и личностные смыслы. Эмоции фиксируют значимость, «ставят задачу на смысл» (Леонтьев А.Н., 1975). В.К. Вилюнас указал на возможность двойного понимания этого положения, во-первых, эмоции выражают смысл, смысл существует в виде эмоций, и, во-вторых, эмоции сигнализируют о существовании смысла, из этого В.К. Вилюнас заключает, что смысл возникает после эмоции, в результате решения конкретной задачи (Вилюнас, 1976). В смысловой теории мышления продолжилась эта линия исследований и изучалась эмоциональная регуляция познавательных процессов посредством интеллектуальных эмоций, сигнализирующих о порождении смысловых новообразований в мышлении (Васильев, Тихомиров, Поплужный, 1980). Согласно данным представлениям, эмоция как таковая (даже будучи продуктом креативности) составляет непосредственную чувственную подкладку личностного смысла: эмоция осмысленна, а смысл эмоционален (Василюк, 1993).

Л.Я. Дорфман, основываясь на идеях В.К. Вилюнаса и Ф.Е. Василюка, ввел понятие эмоциональной ткани сознания как разновидности чувственной, имеющей «вне-когнитивное» происхождение, т.е. она может проникать в когниции и служить для них своеобразной внутренней подкладкой. Понятие эмоциональной ткани интересно в контексте его разработки по отношению к искусству (напомним, что согласно Дж. Эвериллу искусство является символическим выражением эмоций, а значит может задействовать и процессы ЭК, как при созерцании готового произведения, так и при его создании, в процессе творческого акта. При обращении к таким понятиям как чувственная и эмоциональная ткань сознания невозможно не обратиться к модели сознания В.П. Зинченко. Формирование сознания происходит в едином акте, вовлекающем одновременно все слои (Зинченко, 2006). Мы предполагаем, что ЭК согласно модели сознания В.П. Зинченко, способна перемещаться с нижних слоев сознания (бытийного) к более высоким слоям (рефлексивному и

духовному), а также горизонтально, оказываясь в пространстве «МЕЖДУ» (термин В.П. Зинченко).

На онтологическом слое может происходить слияние биодинамической ткани, чувственной и эмоциональной в результате чего образуется нечто новое, в том числе и новые, аутентичные и эффективные эмоциональные реакции или, по словам В.П. Зинченко: «шестое чувство прекрасного, которое в свою очередь, способно воспринимать чувственное и сверхчувственное» (Зинченко, 2011, стр. 95). Слияние чувственной, эмоциональной и биодинамической тканей является той основой, на которой возможно, во-первых, восприятие объекта искусства, а во-вторых, его первичная оценка, результатом которой являются эмоции, возникающие в момент встречи человека с объектом искусства.

На рефлексивном слое (образованном смыслом и значением) в пространстве «между» происходит осмысление значений. «Можно предположить, что именно в месте встречи процессов означения смыслов и осмысления значений в зазоре их несовпадения рождается новое» (Зинченко, 2006, стр. 218). Из вышесказанного, можно сделать вывод, что рефлексивный уровень задействует составляющие ЭК «новизна» и «готовность». Результатом ЭК является новая, эффективная, аутентичная эмоциональная реакция, сознательное формирование которой возможно благодаря наличию составляющей готовности размышлять над своими чувствами и эмоциями, отражающего включенность процессов рефлексии и готовность затрачивать время на развитие своей эмоциональной сферы.

Уровневые модели самосознания личности (Столин, 1983), предполагают выделение ценностного компонента, осуществляющего регуляцию деятельности субъекта, при этом отдельно подчеркивается, что смысловые влияния ценностей устойчивы, а значит проявляются в любой деятельности субъекта при принятии решений или конструировании новой эффективной и аутентичной эмоциональной реакции.

Эмоциональная реакция может конструироваться на основе имплицитных теорий, включающих экзистенциальные убеждения и социальные правила и нормы. Это значит, что имплицитные теории при совершении определенных усилий со стороны человека могут быть эксплицированы и переосмыслены, а значит и выведены на рефлексивный слой сознания. В работе М.С. Зиренко имплицитные теории (ИТ) относятся к нижним – «бытийным» слоям сознания (Зиренко, 2021), но мы полагаем, что ИТ способны подниматься и до рефлексивного слоя. Имплицитные теории имеют выход на рефлексивный слой, поскольку есть возможность изменять эти теории. Благодаря возможности изменения имплицитных теорий, осуществлению рефлексии возможно конструирование новых, аутентичных и эффективных эмоциональных реакций. Составляющая ЭК «новизна» дает просторы для конструирования, в том числе и эстетических эмоциональных реакций, которые во многом могут быть для личности новыми и «необычными».

Духовный слой сознания образован компонентами Я-Другой, ЭК как ВПФ формируется во взаимодействии ребенка и взрослого, Я и Другого. Любые эмоции способны возникать в межличностном общении, особенно такие чувства и переживания как любовь, ненависть, горе, сопереживание, которые возможны только в рамках отношения Я-Другой. Духовный слой, согласно В.П. Зинченко, одушевляет все другие слои сознания, в нем происходят процессы интериоризации и экстериоризации, без которых невозможна социализация и индивидуализация. В духовном слое аффективная сфера представлена наиболее отчетливо. Таким образом, нельзя однозначно относить эмоциональную креативность только к высшим или более глубинным слоям сознания.

К изучению ЭК можно подойти не только с позиций культурно-исторической психологии, но и через конструкт культурного интеллекта. Культурный интеллект, понимаемый как способность эффективно функционировать в ситуациях культурного многообразия, является

самостоятельным видом интеллекта, но при этом взаимосвязанным с ЭИ и социальным интеллектом, а также с общей толерантностью и открытостью опыту по большой пятерке (Чигарькова, Солдатова, 2018). В наших исследованиях, направленных на попытку включения ЭК в структуру интеллектуально-личностного потенциала мы показали включенность ЭК в интеллектуально-личностный потенциал именно через положительные связи ЭК с ЭИ, толерантностью к неопределенности (Крюкова, Шестова, 2020; Шестова, 2021a), а также открытостью опыту по большой пятерке (Корнилова, Шестова, Корнилов, 2021). Выявленные связи могут наметить новую линию изучения ЭК, а именно: ее роли в кросс-культурном аспекте, через поиск связей с конструктом культурного интеллекта. Еще одной предпосылкой изучения взаимосвязей ЭК и культурного интеллекта являются их возможный вклад в приспособление и адаптацию к новой культуре после переезда, успешное взаимодействие с представителями иных культур и работу в мультикультурных корпорациях, а также в благополучие межкультурных браков и т.п. Это предположение возможно благодаря тому, что конструкты ЭК и культурного интеллекта затрагивают общую составляющую – усвоение правил и норм определенной культуры. Как мы отмечали выше, опосредствующим звеном ЭК являются эмоциональные схемы, кристаллизирующие социальные правила и нормы.

Культурный интеллект раскрывается через несколько компонентов: метакогнитивный, когнитивный, поведенческий и мотивационный (Солдатова и др., 2018). Но для успешного взаимодействия с представителями иных культур можно предположить и включение черты ЭК, позволяющей в ситуации неопределенности межличностного взаимодействия сконструировать новые эффективные и аутентичные эмоции. Составляющие ЭК *эффективность* и *аутентичность*, как было нами показано, приводят к снижению межличностной толерантности к неопределенности, а значит могут способствовать более эффективному взаимодействию в условиях мультикультурной среды (Шестова, 2021a).

В качестве резюме отметим возможность обоснования эмоциональной креативности с точки зрения культурно-деятельностного подхода, как высшей психической функции, а также ее возможность как вертикального (от бытийного до духовного), так и горизонтального перемещения («между» субъективным и объективными составляющими) в структуре сознания. Проведенный анализ соотношения эмоций и ЭК выводит далее на проблему изучения эстетического опыта, возникающего при встрече с предметом искусства; эстетический опыт включает в себя переживание особого вида эмоций – эстетических эмоций, в конструирование которых может быть вовлечена ЭК. В следующем параграфе мы разберем концепции эстетического опыта и эстетических эмоций как его части, а также зададим линию поиска связей эмоциональной креативности с эстетическим опытом и эстетической отзывчивостью, понимаемой как эмоциональное переживание красоты (Armstrong, Detweiler-Bedell, 2008).

1.2.3. Эстетические эмоции как отдельное направление в исследовании эмоциональной сферы личности

Понятие эстетических эмоций впервые появляется в философии Нового времени. Принцип непрерывности, лежащий в гносеологии Лейбница, позволяет произвести не только классификацию монад, но и идей, и выделить чувственные, чувственные и умопостигаемые, и только умопостигаемые (Г. Майоров, 1973). К категории чувственных и умопостигаемых идей относится искусство и эстетические эмоции (переживания).

Искусство и эстетические эмоции в философии Лейбница являются несовершенной формой познания мира. Александр Баумгартен, в отличие от Лейбница полагает, что эстетические переживания могут достигать совершенства в познании без «передачи эстафетной палочки интеллекту» (Нарский, 1985, стр. 42). Смутность чувственного восприятия согласно А.

Баумгартену является необходимой для эстетических переживаний и способствует их совершенности. В чувствах формируется и эстетический вкус, так как они способны к суждению и оценкам.

Дэвид Юм писал о том, что эстетический вкус – это способность различать в искусстве прекрасное и безобразное. Основу этой способности составляет замеченные разумом в предмете искусства определенные качества, которые и порождают ощущение прекрасного или безобразного. А вкус вырабатывается и воспитывается в процессе опыта взаимодействия с различными предметами искусства.

В психологии интерес к изучению роли искусства в психических процессах начался с работ Густава Фехнера в 19 веке, посвященных изучению Золотого Сечения и Мадонны Гольбейн. Фехнер назвал эту область «экспериментальной эстетикой», чтобы подчеркнуть свое стремление использовать строгую научную методологию и раскрыть взаимосвязь между свойствами объективного стимула и эстетическими реакциями. Фехнер был очарован тем фактом, что математическая пропорция «золотого сечения» вызывает *приятные переживания*, а гипотеза золотого сечения соответствовала его психофизическому подходу. Фехнеровский подход дал области экспериментальной эстетики новое направление – «снизу-вверх», а не «сверху-вниз», который признавал, как низкоуровневые перцептивные особенности объекта искусства влияют на эстетическое восприятие этого объекта. Вслед за работой Г. Фехнера эстетические переживания рассматривались как результат взаимодействия между восходящими и нисходящими факторами, причем, к нисходящим факторам были отнесены установки воспринимающего, его ожидания, общие знания и связанные с искусством переживания.

Василий Кандинский – известный русский художник, создатель абстрактной живописи, в работе: «О духовном в искусстве», вышедшей в 1913 году пишет, что «Так как искусство влияет на чувство, то оно может и

действовать только посредством чувства» (Кандинский, 2017, стр. 82). Эти слова еще раз приводят нас к выводу о неразрывной связи искусства и эмоций.

Г.Г. Шпет был одним из первых, кто затронул тему эстетических переживаний, обозначая их эстетическими эмоциями. Он полагал, что искусство нагружено эмоциями и эта нагруженность и есть содержание произведения искусства (Шпет, 2006). Л.С. Выготский, несомненно, в след за Г. Шпетом в работе: «Психология искусства» вводит понятие эстетической реакции, понимаемой им как катарсис – сложное превращение чувств, что соответствует его пониманию искусства, как общественной технике чувств (Выготский, 2020).

А.Н. Леонтьев писал об «эстетической деятельности», а понимание произведения искусства заключается в придании личностного смысла безразличному значению, личностный смысл появляется в процессе перехода от поверхностных свойств произведения искусства к их глубинной сути. В.В. Знаков указывает, что для А.Н. Леонтьева невозможно сохранение и передача искусства рациональным путем (Знаков, 2018).

А.В. Запорожец изучал формирование эмпатии на основе эстетического восприятия сказок, басен, художественных произведений у детей дошкольного возраста, через сопереживание главному герою (Запорожец, 1986).

В.П. Зинченко в одной из своих работ дал свою трактовку эстетических эмоций: «Эмоции, возникающие при восприятии художественных произведений, называют эстетическими реакциями, которые могут быть сиюминутными, кратковременными, или стойкими, переходящими в художественные переживания. Последние, в свою очередь, способны оказывать сильное влияние на всю личностно-смысловую сферу человека, на его сознание, мировоззрение, мироощущение, мироощущение» (Зинченко, 2006, стр. 5). В духовном слое произведение искусства выступает опосредствующим звеном, через которое возможно общение с Другим – создателем произведения. Оно содержит субъективацию

персонального, благодаря чему через искусство возможно общение с его автором.

Нами подробно была рассмотрена проблема эстетического опыта и эстетических эмоций (Шестова, 2021б), далее мы коротко изложим основные результаты, проведенного теоретического обзора. Зарубежные исследователи, что эстетический опыт (ЭО) может «случиться» в музее, галерее, при посещении архитектурных памятников, религиозных центров, при созерцании заката или повседневных объектов (Tinio, Smith, 2014). ЭО возникает не только при встрече с чем-то прекрасным, но и с ужасным – в философии это попадает по категорию эстетики безобразного (Эко, 2007; Розенкранц, 2010). В связи с этим Пол Сильвия пишет о двух крайностях в понимании эстетического опыта: как чего-то исключительного и неповторимого, что можно испытывать, только созерцая объекты искусства, находясь в особых местах; и понимание как обычного повседневного эмоционального опыта (Silvia, 2011). Ученые активно дискутируют вопрос: возможно ли эмоции, возникающие при встрече с арт-объектом выделить в отдельный класс «эстетических» эмоций или нет?

На данный момент можно выделить несколько позиций относительно эстетических эмоций: как результат эстетической оценки (Menninghaus et al., 2020, 2019; Schindler et al., 2017; Silvia, 2005 и др.), как результат общей гедонистической оценки, включающей биологически адаптивные функции, свойственные всем эмоциям (Berlyn, 1972; Skov, Nadal, 2019, 2020), как результат уникальной комбинации когнитивных и аффективных процессов (Redies, 2015; Pelowski, Akiba, 2011; Leder et al., 2004). Несмотря на различные позиции относительно статуса эстетических эмоций, ученые единогласны во мнении, что эмоции, в том числе и эстетические, являются неотъемлемой частью эстетического опыта (Graf, Landwehr, 2017, 2015; Marković, 2012; Cruys, Wagemans, 2011 и др.). Поскольку эстетический опыт способны вызвать как произведения искусства, так и вечерний закат (Tinio, Smith, 2014), «эмоциональная реакция», возникающая как результат

эстетической оценки, имеет широкий диапазон от «обычных» радости или печали до «возвышенных» – благоговения и озарения, попадающих в категорию уникальных, оригинальных и редко встречающихся эмоций (Pelowski, et al., 2019). В связи с этим встает вопрос о том, чем же отличаются «обычные» эмоции от эстетических?

К характеристикам эстетических эмоций можно отнести (1) их *не утилитарность*, то есть они не преследуют никакой цели. Шерер (Scherer, 2004) полагает, что основное различие между утилитарными и эстетическими эмоциями состоит в отсутствии для эстетических эмоций оценок, связанных с некоторыми целями индивида и его потенциалом совладания. Точнее, эстетические эмоции не связаны с планами и целями индивида, его биологическими потребностями.

В сфере экспериментальной эстетики, наряду с теориями эстетического опыта, есть теории и модели, которые посвящены описанию и объяснению процесса возникновения эстетических эмоций. *Оценочная теория эстетических эмоций* П. Сильвии (Silvia, 2005) базируется на идеях оценочных теорий эстетического опыта, и в частности на теории Лидера. Сильвия указал на недостатки психобиологической модели Берлина (Berlyne, 1971), прототипической модели Мартиндейла (Martindale, 2001, 2007) и теории беглой обработки Ребера и коллег (Reber et al., 2004), суть которых сводится к тому, что некоторые теории с трудом объясняют, почему вообще возникают негативные эмоции, учитывая неспособность различать нейтральные и негативные чувства, а, во-вторых, ни одна из теорий не может провести различие между негативными чувствами (Silvia, Brown, 2007), в лучшем случае они предлагают недифференцированное чувство отвращения или интереса (см. например модель Berlyne, 1971). Сильвия критикует Берлина за то, что согласно теории оценки, события сами по себе не вызывают эмоций (Lazarus, 2001), тем не менее, только субъективные оценки событий являются истинными причинами эмоций,

Берлин, напротив, предпочитал связывать эстетические эмоции с «объективными» особенностями художественного объекта.

Минненгхаус предлагает уникальную *мультикомпонентную модель эстетических эмоций* (Menninghaus et al. 2019). Модель состоит из нескольких компонентов: событий, которые могут вызывать эстетические эмоции (человеческие лица, тела, движения, голоса, пение, язык, животные, растения, природа, арт объекты и произведения искусства); функций: формирование эстетических предпочтений, **принятие решений**, повышение благополучия и здоровья. В модели учитывается влияние на эстетические эмоции личностных переменных и социально-исторического контекста. Отдельной составляющей авторы выделяют прототипические свойства эстетических эмоций: *когнитивная оценка* (в которую включены: новизна, знакомство, копинг-потенциал, соответствие цели), *субъективные ощущения* (связаны с удовольствием или неудовольствием), *оценочные чувства*: нравится / не нравится, интенсивность наслаждения, *физиология* (активация вегетативной нервной системы, мурашки, дрожь, вовлечение схемы вознаграждения), *выражение эмоций и мотивационные тенденции* (желание обладать эстетически привлекательными объектами).

Знакомство, и, обусловленная знакомством легкость обработки стимула, являются предикторами эстетической оценки, обусловленной симпатией (Reber et al., 1998), а сочетание знакомства и новизны вызывает наибольшую симпатию (Giora et al., 2004; Hekkert et al., 2003). Термины эстетических эмоций формируются либо путем наложения эстетически оценочного значения на термины эмоций (например, эмоционально трогательный фильм, увлекательная книга), либо путем наложения эмоционального значения на прототипические термины эстетической добродетели (например, чувство красоты). В заключении авторы приводят перечень основных характеристик эстетических эмоций, к которым в том числе относятся: охват всего спектра аффективного возбуждения (от низкого до высокого), на временной оси эмоциональные реакции на одни и

те же объекты или события могут включать существенные различия как в аффективной валентности, так и в возбуждающих и расслабляющих (успокаивающих) эпизодах.

Аффективная модель эмоций дифференцирует эстетические удовольствия с точки зрения эпистемических целей. Авторы модели настаивают на понимании красоты именно как эмоции, а не как когнитивной (понимание красоты как когнитивного процесса объясняется тем, что эстетическое удовольствие слишком «бескорыстно», чтобы быть эмоциональным). Красивые и новые стимулы подразумевают продвижение целей, которые изменяют и расширяют знания. Красота, в отличие от большинства эмоций, не влечет за собой никаких конкретных поведенческих целей. Она отражает более абстрактные, всеобъемлющие эпистемические цели разума (Armstrong, Detweiler-Bedell, 2008).

В.М. Аллахвердов в своей концепции порождения эстетических эмоций опирается на идею О.К. Тихомирова и Е.В. Ключко об эмоциональном обнаружении проблемы: «... тайна эмоционального воздействия искусства в том, что художник, создавая художественный текст, *порождает специфическую игру осознанных и неосознанных противоречий* — порождает, даже если сам не осознает эту игру» (В.М. Аллахвердов, 2001, стр. 199). Произведение искусства способно порождать противоречие, вызывающее эмоциональную реакцию: «Если текст порождает такие осознанные и неосознанные противоречия, что решение осознанных противоречий приводит к решению неосознанных, то данный текст является художественным текстом. Он будет автоматически порождать положительные эмоции даже при многократном повторении» (В.М. Аллахвердов, 2001, стр. 59). Однако данная концепция не объясняет принцип возникновения негативных эстетических эмоций.

Эмоции способны и обслуживать когнитивные образы, и инициировать когнитивные трансформации – это процесс означивания эмоций (Дорфман, 1997). Эмоциональные переживания отражают

содержание, объективированное в арт-объекте. Эмоциональный образ понимается Дорфманом как результат отображения эмоционального переживания в эмоциональных представлениях. Л.Я. Дорфман приходит к нескольким важным выводам: восприятие объекта искусства затрагивает взаимодействие когнитивной и аффективной сфер; необходимо различать эмоциогенные свойства произведения искусства и когнитивные образы (т.к. эмоции могут существовать в виде эмоциогенных свойств произведения искусства); эмоциогенные свойства арт-объектов, связаны как с его выразительными средствами, так и несут некоторое содержание. Таким образом, эмоциональные представления состоят из эмоциональных образов и эмоциональных значений.

Несмотря на то, что эстетические эмоции и неопределенность имеют весьма неочевидные связи, в некоторых теориях эстетического опыта авторы активно их обосновывают (см, например, Cruys, Wagemans, 2011). Теория ошибки предсказания постулирует, что временное состояние непредсказуемости (ошибка предсказания) может быть столь же важной для возникновения перцептивного удовольствия, как и предсказуемость. Крайс и Вагеманс описывают любое расхождение (ошибку прогноза) как отрицательно валентное, то есть возникают негативные эмоции. Когда индивиды формируют точные прогнозы, организм может эффективно реагировать на предстоящие события, тем самым увеличивая вероятность будущих положительных результатов. Положительные эмоции от созерцания произведения искусства возникают, когда индивидам удается восстановить предсказуемость (Cruys Van de, Wagemans, 2011).

В качестве резюме можно отметить, что эстетические эмоции не утилитарны по своей природе, тем не менее, они имеют свои собственные функции (участвуют в ПР) и смысловую нагрузку – могут способствовать развитию личности, ее переходу на более высокие ступени смысловой вертикали через постижение духовных ценностей, к которым, несомненно, относится искусство.

Эстетический опыт является широким термином, в то время как оценка красоты и совершенства (Appreciation of beauty and excellence) является более узкой категорией относящейся к отзывчивости в двух разных вопросах: (1) красоты и (2) совершенства, включая его неэстетические формы мастерства и моральную доброту. Отзывчивость к красоте и совершенству большинство исследователей называют «оценкой красоты», однако, некоторые использовали термин “engagement with beauty” – сопричастность к красоте, чтобы подчеркнуть вовлеченность эмоций при восприятии прекрасного (Diessner et al., 2018). В отечественной психологии вместо понятия «оценка красоты» чаще используется термин эстетическая отзывчивость (Сабадош, 2017), но применяется он исключительно по отношению к процессам сопричастности к красоте.

Сопричастность к красоте или эстетическая отзывчивость связана с чертами Большой пятерки, в частности с *открытостью новому опыту*, *экстраверсией* и *согласием* (Littman-Ovadia, Lavy, 2012). Авторы теории черт МакКрае и Коста отмечали, что черта *открытость новому опыту* раскрывается через фасетки «идей» и «эстетики» (McCrae, Costa, 2020), как стремления к истине и красоте (Johnson, 1994). Иначе *открытость опыту* трактуется как склонность личности к творчеству (McCrae, 1996), таким образом, это черта личности, которая наиболее последовательно связана с креативностью во всех областях (Ivcevic, Mayer, 2009). Последнее исследование показывает, что *открытость опыту* выступает медиатором между ветвью эмоционального интеллекта – управление эмоций и креативностью (Ivcevic, Brackett, 2015).

Эмоциональная креативность способна предсказывать вовлеченность в искусство. Более поздние исследования подтверждают обнаруженные ранее закономерности (Gutbezahl, Averill, 1996) и демонстрируют связи ЭК с разными видами творческой активности: писательством, рисованием, исполнением драматической роли, сочинением музыки и благоустройством дома (Trnka, Zahradnik, Kuška, 2016), кроме того, работы участников с более

высокими баллами ЭК оцениваются как более креативные. В литературе, касающейся когнитивных способностей и личностных черт, ЭК как черта более тесно связана с художественным творчеством, чем ЭК как способность (Averill, Thomas-Knowles, 1991). Эмоциональная креативность связана с открытостью опыту по Большой пятерке, в том числе и с фасеткой «эстетики» (Averill, 1999; Ivcevic et al., 2007). В проведённом нами исследовании было показано, что ЭК положительно связана с чертами Большой пятерки, в том числе и с открытостью опыту, и вместе с ними входит в состав латентных профилей (Корнилова, Шестова, Корнилов, 2021). Взятые вместе эти данные объясняют связи ЭК с творческой деятельностью (Ivcevic et al., 2007; Averill, 2009), связи ЭК с когнитивной (Averill, 2005; Fuchs, et al., 2007; Валуева, Ушаков, 2010) и художественной креативностью (Gutbezahl, Averill, 1996; Feist, Barron, 2003).

Большинство исследований сосредоточены на выявлении роли базовых или дискретных эмоций в принятии решений, но остается не ясным как включены в ПР эстетические эмоции. Конструкт ЭК не содержит дифференциации того, какие именно эмоции выступают продуктом креативности, в связи с чем мы предполагаем, что следует обратиться к эстетическим эмоциям как наиболее близким к аспекту творчества и произведениям искусства. ЭК предсказывает вовлеченность в искусство, в связи с чем, мы хотим выяснить является ли ЭК предиктором сопричастности к красоте, которая в свою очередь может определять интенсивность переживания эстетических эмоций.

Следующий параграф позволит прояснить, во-первых, соотношение ЭК, ЭИ и креативности и регуляции эмоций, которое не было в должной мере раскрыто в параграфе 1.2.2., во-вторых, ответит на вопрос о связях ЭК с переменными интеллектуально-личностного потенциала, отражающими направленность личности на свою аффективную сферу («психологической разумностью»), в-третьих, наметит линию изучения связей ЭК с единым фактором неопределённости и риска.

1.3.Связи эмоциональной креативности с личностными переменными

1.3.1. Эмоциональная креативность, когнитивная креативность и эмоциональный интеллект – три разных конструкта

Эмоциональный интеллект (ЭИ) и эмоциональная регуляция – два конструкта участвующих в принятии решений, однако вклад каждого из этих процессов свой, что поднимает вопрос о необходимости разведения этих понятий.

Психология имеет длинное прошлое, но короткую историю, поэтому малоизвестным является факт, что впервые термин эмоционального интеллекта (ЭИ) в научной литературе появляется еще в далеком 1966 году, а затем в 1989 (Petrides et al., 2004). Понятие психометрического интеллекта (Ч. Спирмен, Дж. Гилфорд, Р. Кеттел, Р. Стернберг) и социального интеллекта, введенного Э. Торндайком, оказало немалое влияние на формирование конструкта ЭИ. Интерес к изучению ЭИ резко возрос в конце 1990-х годов и был связан с популяризацией этой темы Д. Гоулманом, хотя уже в 1990 была опубликована модель Майера-Сэловея-Карузо. На данный момент можно выделить несколько принципиально различных пониманий ЭИ: как способности (Salovey, Mayer, 1993; Сергиенко и др. 2019), как черты (Petrides, Furnham, 2001; Bar-On, 2007) и смешенное, представленное попыткой объединить понимание ЭИ как способности и черты (Люсин, 2009; Mikolajczak, 2009; Voyatzis, 2009). Результаты исследований поддерживают мнение о том, что черта ЭИ интегрирована в многоуровневые иерархии личности (Pérez-González, Sánchez-Ruiz, 2014), а другие обосновывают, что это когнитивная способность. Основанием для подобной концептуализации служат связи ЭИ как с личностными переменными, так и с интеллектом и креативностью (Корнилова, 2016а).

Соотношение интеллекта и эмоционального интеллекта можно описать в терминах «холодных» и «горячих» когниций соответственно (Séguin et al., 2007). Метаанализ показывает, что ЭИ, измеренный как способность, но не ЭИ как черта положительно связан с эффективностью в горячих когнитивных задачах (Gutiérrez-Cobo et al., 2016); ЭИ как способность вносит вклад в когнитивные процессы только в том случае, когда в решении задач задействованы эмоции (Checa, Fernández-Berrocal, 2019).

Современные исследования связей ЭИ с другими личностными переменными многочисленны, один из недавних метаанализов показал, что ЭИ предсказывает успешные результаты в таких сферах жизни, как здоровье, образование, отношения и работа (Barchard et al., 2016). А. Фернхем исследовал связи ЭИ, интеллекта и креативности и показал, что когнитивные способности положительно, но не значительно коррелировали с дивергентным мышлением, но значительно и отрицательно с оценками эмоционального интеллекта, измеренного как черта (Furnham, 2016). Как показывают другие исследования ЭИ положительно связан с интеллектом и принятием решений (Корнилова, 2016а; Красавцева, Корнилова, 2018; Краснов, Корнилова, 2016), с креативностью и эмоциональной креативностью (Averill, 2000; Ivcevic, 2007; Pavlova, Kornilova, 2016; Корнилова и др., 2020). ЭИ положительно связан с чертами Большой пятерки: экстраверсией, согласием и открытостью, и отрицательно — с нейротизмом (Robinson et al., 2020); положительно с «психологической разумностью» (psychological mindedness) и интуицией (Новикова, Корнилова, 2014; Корнилова, Разваляева, 2017), с Темной Тριάдой как с нестабильным эмоциональным ядром личности (Красавцева, Корнилова, 2019).

Концептуализация ЭИ как черты или как способности представляет проблему, не нашедшую своего разрешения. Местре с коллегами рассмотрели возможность включения черты ЭИ в модель Кеттелла-Хорна-Кэрролла, которая на данный момент является наиболее объемлющей и

психометрически подтвержденной моделью структуры когнитивных способностей. ЭИ может быть вписан в эту модель двумя путями. В первом случае как параллельная новая концептуальная категория, располагающаяся на одном уровне с когнитивными способностями и умственной скоростью, а 4 ветви модели Майера-Саловея-Карузо являются широкими способностями. Во втором случае ЭИ выписывается в модель Кеттелла-Хорна-Кэрролла как способности второго уровня, а сами ветви ЭИ составляют первый уровень (Mestre et al., 2016). Дэвид Хаггиз и Томас Эванс предложили дополнить модель включением в нее и черты ЭИ. Включение черты ЭИ в модель обеспечит важный нюанс в понимании регуляции эмоций. Д. Хаггиз и Т. Эванс указывают, что лица с высоким ЭИ выбирают определенные стратегии регуляции эмоций, но это не полная картина (Hughes, Evans, 2016). Люди с одинаковыми уровнями способности ЭИ предпочитают использовать различные стратегии регуляции эмоций, некоторые из которых не обязательно дают положительные или социально желательные результаты (Côté, et al., 2011).

Д. Хаггиз и Т. Эванс предполагают, что черта ЭИ является составной конструкцией, представляющей связанные с эмоциями черты личности (Petrides et al., 2007), и является важным детерминантом выбора стратегии регуляции эмоций. Таким образом, включение черты ЭИ в качестве модератора отношений между способностью ЭИ и регуляцией эмоций может обеспечить большую тонкость в понимании поведения, связанного с эмоциями. Местре в ответ на это дополнение отвечают, что включение черты ЭИ приведет к сбивке модели и отмечают проблематичность термина «черта ЭИ»: и теория и эмпирические данные показывают, что инструменты измерения черты ЭИ оценивают личность, а не интеллект (Roberts et al., 2008), и таким образом термин эмоциональный интеллект может ввести в заблуждение.

Одно из недавних исследований, посвященных спору о понимании ЭИ как черты и способности приходит к выводу о необходимости отказа от

понимания ЭИ как способности и переходу к интегрированным, взаимодополняющим моделям, объединяющим концепции ЭИ и регуляции эмоций, как конструктов направленных на использование эмоций для достижения цели (Hughes, Evans 2016). Однако новейшее экспериментальное исследование показывает, что ЭИ и эмоциональная регуляция вносят различный вклад, в частности в решение задачи на когнитивную переоценку: ЭИ приводит к смене валентности эмоций за счет внутри и межличностного использования эмоций, в то время как индивидуальные различия в эмоциональной регуляции оказывают более широкое влияние как на валентность эмоций, так и на их силу через эмоциональную ясность, осознанность и импульсивность (Bodrogi et al., 2020).

ЭИ связан с эмоциональной регуляцией. Известно, что некоторые стратегии регуляции эмоций являются более эффективными, чем другие в борьбе с негативными эмоциями, например, посмотреть на ситуацию с другой точки зрения, как правило эффективно, в то время как руминация неэффективна (Aldao et al., 2010), известно также, что лица с высоким эмоциональным интеллектом испытывают меньше негативных эмоций (Sanchez-Alvarez et al., 2016), но в значительной степени неясно, связаны ли индивидуальные различия в ЭИ с различиями в процессах регуляции эмоций, которые используют люди. М. Букич и К. МакКэнн исследовали связи ЭИ и процессов эмоциональной регуляции, ЭИ оценивался и как способность и как черта. Результаты исследования не показали никаких доказательств взаимосвязи между способностью ЭИ и регуляцией эмоций. Только черта ЭИ была связана с регулированием эмоций (Bucich, MacCann, 2019), это согласуется с результатами метаанализа (Pena-Sarrionandia et al., 2015), где регулирование эмоций было более тесно связано с чертой ЭИ, чем со способностью.

ЭИ связан с когнитивными стилями и копингами, однако нужно отметить, что существует относительно мало доказательств связи ЭИ и

определенных стратегий. Например, было показано, что ЭИ отрицательно связан с эмоционально-сфокусированными копингами, но положительно с копингом, ориентированным на решение проблем (Papa et al., 2018), ЭИ облегчает выбор стратегии совладания в условиях острого стресса (O'Connor et al., 2016), а также было показано, что лица с высокой чертой ЭИ обычно выбирают более адаптивные и активные копинг-стратегии – решение проблем, чем дезадаптивные, пассивные методы – избегание (Austin et al. 2010). Кроме того, люди с высокой чертой ЭИ оценивают задачи как вызов, а не угрозу (Mikolajczak, Luminet, 2008).

Поводя промежуточный итог обзора проблематики ЭИ нужно выделить следующие моменты: возможность разной трактовки ЭИ (черта, способность и смещенные модели), соотношение и взаимосвязи ЭИ, эмоциональной регуляции и копингов. Связи копингов и ЭИ не имеют однозначных результатов, однако можно оговорить о наличии тенденции у лиц с высоким ЭИ использовать адаптивные копинг-стратегии. Связи ЭИ и регуляцией эмоций (как двух разных конструктов), показывают, что ЭИ как черта, в большей степени связана с регуляцией эмоций, в связи с чем, мы ставим перед собой задачу проверки связей ЭИ как черты и как способности, измеренной через самоотчетную методiku с когнитивными стратегиями регуляции эмоций, так как в отечественной литературе подобных исследований не проводилось.

Далее мы рассмотрим понимание креативности. Существует понимание креативности, через протекание творческой деятельности (т.н. процессуальные теории), диагностические тесты в рамках этого подхода оценивают степень креативности по продукту творческой деятельности (Дж. Гилфорд, Е. Торренс и др.). Особенно подчеркивался тот факт, что мышление в любом своем проявлении задействует творческие процессы.

Понимание креативности мы подробно рассмотрели в публикации (Шестова, 2019в). В психологии творчества неоднократно поднимался вопрос об уровнях креативности, в частности как необходимость

различия «большой К» и «малой к». «Малую к» относят к повседневной креативности, а «большую К» относят к креативности на уровне гения (Kaufman, 2016). М. Боден предложил выделять психологическую креативность как аналог «к» и исторически оцененную креативность – «К» (Boden, 2004). Дж. Кауфман и Р. Беггетто предложили траекторию развития креативности, как сопутствующую жизненному пути человека и включающую 4 уровня (Kaufman, Beghetto, 2009): мини-креативность – каждодневные открытия; малую-креативность – творчество проявляющееся в определенном виде деятельности; ПРО-креативность – если творчество становится профессией и приносит доход и Большая креативность – если продукт творческой активности остается в истории.

Постепенно ученые пришли к пониманию того, что в понятие креативности заложено гораздо больше переменных нежели новизна и польза. Современные исследователи определяют креативность шире, в частности М. Боден, включает в понимание креативности новизну, ценность и удивление (Boden, 2004). Согласно Дину Саймонтону креативность включает еще «эврику», или удивление (Simonton, 2012). Б. Хеннеси и Т. Амабиле, также как и М. Боден добавляют компонент ценности в понимание креативности (Hennessey, Amabile, 2010). Р. Стернберг и Дж. Кауфман указывают, что для того, чтобы рассматривать продукт как креативного новизны и пользы недостаточно, необходимо, чтобы он был высокого качества (Kaufman, Sternberg, 2007).

Дж. Эверилл дополняет понимание креативности составляющей эффективности-аутентичности (Averill, 1999), включающей как пользу, так и оригинальность, понимаемую как подлинность, тождественность в переживании и выражении своих чувств. Основное отличие подхода Дж. Эверилла заключается в том, что эмоции выступают опосредующим звеном творческого продукта (вместо мотивации и когний); эмоции, с одной стороны, являются продуктом процесса креативности, а с другой стороны, опосредствуют процессы творчества (Averill, 2005). Эмоциональная

креативность включает: эффективное применение уже существующих эмоций или их комбинаций; модификацию («лепку») стандартной эмоции для удовлетворения потребностей отдельного человека или группы; разработку новых форм самовыражения с фундаментальными изменениями в убеждениях и правилах, по которым формируются «эмоциональные синдромы».

Исследования показывают, что ЭК взаимосвязана с такими видами творческой активности как писательство, рисование, исполнение драматической роли, сочинение музыки и стремлением к благоустройству дома (Trnka et.al., 2016). Эмоционально креативные лица лучше способны выражать необычные эмоции символически в словах и картинах (Gutbezahl, Averill, 1996), и извлекают больше пользы из одиночества, состояния, традиционно связанного с творчеством (Long, et.al., 2003).

Было показано, что эмоциональная креативность является лучшим предиктором написания креативных тестов и творческой активности (Ivcevic et al., 2007). В этом же исследовании была продемонстрирована положительная связь между шкалой ЭК *новизна* и когнитивной креативностью по тесту отдаленных ассоциаций Медника, а шкала *готовность* продемонстрировала связи с *пониманием эмоций* по тесту эмоционального интеллекта Майера-Саловея-Карузо (Ivcevic et al., 2007). Последнее исследование о связях ЭК с творчеством показывает, что ЭК оказывается предиктором творческой деятельности (creative performance) по тесту отдаленных ассоциаций Медника (Alzoubi et al., 2021). Однако на отечественной выборке эти результаты не подтверждаются: ЭК не была связана с креативностью по тесту Медника (Валуева, Ушаков, 2010).

Полученные результаты могут дать почву для трактовки ЭК, ЭИ и креативности, как единого фактора, однако, мы придерживаемся линии ученых, которые понимают креативность в мышлении (в интеллектуальной деятельности), эмоциональную креативность и ЭИ как разные конструкты (Ivcevic et al., 2007; Валуева, Ушаков, 2010; Корнилова, 2016а). Л. Фукс и

коллеги (Fuchs et al., 2007), в работе которых ЭК и креативность объединились в один фактор, однако авторы в обсуждении отмечают, что тем не менее не верно понимать их как одну единую способность именно в силу того, что эмоциональная креативность относится к сфере эмоций, а когнитивная креативность к интеллектуальной сфере. Эти данные согласуются с подтвержденным отсутствием связей ЭК с тестами, измеряющими интеллект (Averill, 1999).

Эмоциональная креативность связана с эмоциональным содержанием как эмоционально-личностной сферы человека, так и сферы его межличностных отношений. Когнитивная креативность связана в первую очередь с интеллектуально-личностной сферой и предполагает во многих случаях создание нового продукта. З. Ивкевич с коллегами с помощью структурного моделирования показали, что ЭК можно описать как совокупность когнитивных способностей и личностных черт, связанных с оригинальностью и уместностью *эмоционального опыта* (Ivcevic et al., 2007).

ЭИ требует конвергентного мышления и решения эмоциональных проблем, способствует точному распознаванию и хорошему управлению эмоциями, вместе это приводит к умению справляться с отрицательными эмоциями и способствует эффективному решению проблем и достижению целей (Mayer, 2001). ЭК задействует процессы дивергентного мышления и выработки уместного и оригинального ответа. ЭК может включать трансформацию эмоционального опыта, что способствует решению проблем в эмоциональной сфере. С этой точки зрения достаточно только нового опыта, чтобы эмоциональная реакция считалась творческой (Averill, 1999).

«Эмоциональная креативность находится с эмоциональным интеллектом примерно в таких же отношениях, в каком когнитивная креативность относится к когнитивному интеллекту» (Averill, 1999, стр. 332). Познание относится к приобретению знаний, в то время как эмоции

порождают оценки событий. Эверилл предположил, что одни и те же процессы (например, память, мышление, восприятие) опосредуют восприятие и эмоций, но эти процессы могут происходить в «различных сочетаниях и степенях, в зависимости от обстоятельств» (Averill, 1999, стр. 365). ЭК и ЭИ имеют несколько сходств: чувствительность к знаниям об эмоциях, способность отвечать эффективно и аутентично, а наибольшее различие Эверилл видел в возможной новизне реакции в случае с ЭК и в разных теоретических основах конструкторов (Averill, 2004). Позднее ученые показали, что ЭИ и ЭК – это две слабо отрицательно коррелирующие способности (Ivsevic et al., 2007; Валуева, Ушаков, 2010).

Связи ЭК с креативностью достаточно противоречивы: с одной стороны, ЭК не связана с когнитивной креативностью на российской выборке (Ушаков, Валуева, 2010), но на больших выборках других стран связана (Orkibi, Ram-Vlasov, 2019; Alzoubi et al., 2021). Задачей нашего исследования будет прояснение связей ЭК как черты с ЭИ как способностью (согласно опроснику ЭМИн) и ЭИ как чертой (согласно опроснику TEIQ).

Подводя итог, резюмируем, что ЭК, ЭИ и когнитивная креативность представляют собой разные способности, две из которых (ЭК и ЭИ) не исключают их трактовку как черты. ЭК в большей степени относится к творчеству, связанному с эмоциональной сферой, в то время как когнитивная креативность и ЭИ в большей степени относятся к интеллектуальной сфере и демонстрируют положительные связи с интеллектом (Корнилова, 2016а; Husin et al., 2013). Разведение понятий ЭК, ЭИ и креативности позволит нам показать взаимосвязи ЭК, являющейся отдельным самостоятельным компонентом эмоционально-личностной сферы интеллектуально-личностного потенциала, с другими личностными переменными.

1.3.2. Концептуализация эмоциональной креативности в структуре интеллектуально-личностного потенциала

Ученые активно изучают связи эмоциональной креативности с интеллектом, креативностью, личностными чертами (Большой пятеркой и др.). Дж. Эверилл показал, что среди черт Большой пятерки ЭК значительно коррелирует с открытостью к опыту и согласием (Averill, 1999), в дальнейшем эти данные подтверждались (Ivcevic et al., 2007). Лица, имеющие высокие баллы по эмоциональной креативности, более склонны к мистическим переживаниям и переживаниям травм от важных событий (Averill, 1999). Показана отрицательная связь между ЭК и алекситимией (Bagby, et al., 1994). Одним из интереснейших результатов является то, что эмоционально креативные люди наравне с теми, у которых диагностировалась алекситимия, могут испытывать сложности в распознавании и описании своих эмоций, но это происходит по разным причинам. У лиц с алекситимией скудный эмоциональный опыт, в то время как эмоционально креативным лицам сложно описывать и идентифицировать эмоции, поскольку их эмоциональный опыт сложен и оригинален.

Одно из исследований ЭК на русскоязычных выборках проведено И.Н. Андреевой в Белоруссии, в частности показавшей влияние ЭК на коммуникативные свойства личности (Андреева, 2020). Продемонстрированы связи ЭК с благополучием (Андреева, 2019) и уверенностью в себе (Андреева, Деревянко, 2020). К одним из последних исследований в области ЭК относится изучение коллегами из Китая влияния ЭК на инновационную деятельность сотрудников организации через звено внутренней мотивации (Wang, et al., 2015). А. Ориол с коллегами показали взаимосвязь ЭК и позитивных эмоций (благодарность, любовь и надежда), а также что ЭК является предиктором внутренней мотивации и академической вовлеченности (Oriol et al., 2016). М.

Мольтафет с коллегами при изучении влияния родительских стилей воспитания на ЭК у студентов показали, что теплые и структурированные стили позитивно, а такие стратегии как принуждение и хаос негативно предсказывают ЭК. Базовые потребности (необходимость в компетентности и автономности) выступают в роли посредника между родительским стилем воспитания и ЭК (Moltafet et al., 2018). ЭК отрицательно связана с апатией и положительно с растормаживанием и эмоциональной дисрегуляцией (Trnka et al., 2019).

Другие исследователи на основании регрессионного анализа показали, что устойчивость, самооффективность, эффективная эмоциональная регуляция повышают эмоциональную креативность, а дезадаптивная эмоциональная регуляция снижает эмоциональную креативность у художников-живописцев (Khastari, Asgari, 2019). Большое воздействие большего числа травматических событий связано с более высокими творческой самооффективностью, эмоциональной креативностью и дивергентным мышлением (Orkibi, Ram-Vlasov, 2019). Результаты метаанализа показывают, что женщины более эмоционально креативны, чем мужчины; выражена культурно-обусловленная специфика ЭК: китайцы показывают в целом меньшую ЭК (Kuška et al., 2020). В России работ, посвященных ЭК меньше, чем на Западе, и в основном они сводятся к установлению взаимосвязей ЭК с различными конструктами, например эмоциональным интеллектом (Валуева, Ушаков, 2010). В работе же по эмоциональной регуляции конструкт ЭК оказался упущен (Падун, 2019).

Предпосылкой изучения эмоциональной креативности в рамках интеллектуально-личностного потенциала (Корнилова, 2016а) являются выявленные связи креативности с толерантностью к неопределенности (ТН) и интуитивным стилем, с одной стороны, и интеллектом, с другой. ТН и интеллект предсказывают креативность. Особый интерес представляют связи конструктов креативности и эмоционального интеллекта с точки зрения их вкладов в процессы преодоления субъективной неопределенности

(Корнилова, Павлова, 2019; Андреева, Куксо, 2019; Корнилова и др., 2010; Kornilova, Kornilov, 2010). Утверждается понимание «позитивной триады» как связи ТН и эмоционального интеллекта с креативностью (Корнилова, 2016а; Павлова, Корнилова, 2012). В зарубежной психологии также появились работы, показывающие включенность ТН в эмоциональную сферу (Anderson et al., 2019). В частности показано, что более высокая ТН способствует снижению негативного аффекта (Garrison, Lee, Ali, 2017).

Таким образом, конструкт эмоциональной креативности находит свои предпосылки в двух направлениях исследований: связей ТН с креативностью и эмоциональной сферой. В психологической литературе также отражены попытки найти звенья, опосредствующие принятие решений в условиях неопределенности, например, мотивация или самосознание личности.

Т.В. Корнилова продолжила поиск «целостных, интегративных образований», включающих усилия, прилагаемые человеком для преодоления ситуации неопределенности (Корнилова, 2014). И в качестве таких переменных были предложены латентный фактор «Принятие неопределенности и риска» и эмоциональный интеллект (Корнилова, 2010а). Показано, что с ТН положительно связана «психологическая разумность» (*psychological mindedness*) которая относится к эмоционально-личностному компоненту интеллектуально-личностного потенциала. «Психологическая разумность» понимается как способность личности видеть взаимосвязи между своими чувствами, мыслями и действиями (Новикова, Корнилова, 2014). Дж. Холл дал несколько иное определение «психологическая разумность» – это интерес и способность быть в контакте и размышлять о своих психологических состояниях и процессах (Hall, 1992). Долгое время конструкт «психологической разумности» использовался в рамках психодинамического направления психотерапии и трактовался как некоторый залог успеха терапии. Дальнейшее раскрытие конструкта показало, что «психологическая разумность» схожа с

ментализацией, для которой саморефлексия и метапознание являются ключевыми аспектами (Grant, 2001). «Психологическая разумность» показывает, насколько человек заинтересован в анализе своей эмоциональной и интеллектуальной сферы, насколько для человека эффективно обсуждать свои эмоции и чувства с другими людьми. Наряду с ЭК (как способностью конструировать эффективные и аутентичные эмоциональные реакции) она вносит свой вклад в эффективность работы с внутренним планом переживаний. Показательными являются исследования, выявившие, что предикторами творческих достижений на протяжении всей жизни являются именно «психологическая разумность» и толерантность (Feist, Barron, 2003).

«Психологическая разумность» предсказывает и креативность, измеренную по тесту отдаленных ассоциаций С. Медника (LeBoutillier, Barry, 2018). Новизна-уникальность как составляющая эмоциональной креативности также показывает положительные связи с когнитивной креативностью по тесту С. Медника (Ivcevic et al., 2007). Д.В. Ушаковым и Е.А. Валуевой была построена структурная модель, включавшая положительные связи между эмоциональной креативностью (измеренной как черта и как способность) и когнитивной креативностью, но связи между тестом С. Медника и Опросником Дж. Эверилла отсутствовали (Валуева, Ушаков, 2010). С учетом этих косвенных данных мы можем предполагать прямые положительные связи между шкалой ОЭК *новизна-уникальность* и шкалой «психологической разумности» *открытость новому опыту*, а также *готовностью размышлять над эмоциями* и *заинтересованностью в сфере эмоциональных переживаний* (это предположение проверяется в главе 2, параграфе 2.4.).

Подводя итоги, скажем, что ЭК связана с показателями креативности и творческого мышления, а также с самовосприятием творческих способностей и разными видами творческой активности, что и позволяет предполагать выход процессов ЭК на верхний уровень самосознания

личности. Поскольку саморегуляция выполняет структурирование иерархии процессов динамической регуляции принятия решений и контроль приемлемости выборов (Корнилова, 2016а), то эмоциональная креативность, располагаясь на верхних уровнях самосознания, участвует в процессах регуляции ПР. В пользу возможности выхода ЭК на верхние уровни сознания говорит и наличие такой ее составляющей как *готовность*, отражающей вовлеченность личности в процессы рефлексии над своими чувствами и эмоциями.

Поскольку предиктором имплицитных теорий креативности является объективно измеренная креативность (Павлова, 2014), а ЭК связана с творческой активностью и дивергентным мышлением, мы предполагаем наличие положительных связей ЭК с имплицитными теориями креативности. Связи эмоционального интеллекта и регуляции эмоций, как поддержания оптимального эмоционального состояния определены (Падун, 2010; Peña-Sarrionandia, Mikolajczak, Gross, 2015), уже определялись. А связи эмоциональной регуляции и эмоциональной креативности - как способности работать со своими «эмоциональными реакциями», и порождать новые, аутентичные и эффективные эмоции - не изучена. Анализ литературы показывает, что остается не выясненным то, как интегрирована ЭК в процесс регуляции эмоций. На Рис.1 графически представлена наша концептуализация установленных связей ЭК с другими личностными переменными и намеченная линия новых исследований.

Рисунок 1. Концептуализация представленных в литературе связей ЭК с другими переменными интеллектуально-личностного потенциала и направления нашего исследования. Пунктирной линией на рисунке обозначены не исследованные связи, непрерывной – установленные. ИТ – имплицитные теории; ТН – толерантность к неопределенности; ИТН – интолерантность к неопределенности; ЭКч – эмоциональная креативность как черта; ЭИч – эмоциональный интеллект как черта; ЭКс – эмоциональная креативность как способность; ЭИс – эмоциональный интеллект как способность.

1.4. Постановка проблемы, общие гипотезы и схема исследования

Проведенный в теоретической части анализ литературы позволил нам выделить следующие проблемы. Изучение эмоциональной креативности на российской выборке ставит задачу апробации опросника ЭК Дж. Эверилла, поскольку имеющиеся варианты методики не отвечают требуемым современным стандартам адаптации (подробнее см. в главе 2, параграф 2.1.).

В рамках концепции множественной многоуровневой регуляции принятия решений было показано, во-первых, что толерантность к неопределенности и риску является общим латентным фактором, опосредствующим ПР (Корнилова, 2010а; Корнилова, Чумакова, 2014), а во-вторых, что ТН положительно связана как с ЭИ, так и с креативностью; и эти связи объединяются в «позитивную триаду», которая способствует более продуктивному процессу принятия решений (Корнилова, Павлова, 2019). Принятие гипотезы о связях ЭК – ЭИ - креативности подготовило почву для изучения ЭК в рамках единого интеллектуально-личностного потенциала; однако не ясным остается как именно, через какие компоненты креативности или эмоций ЭК содружественно с ЭИ и ТН может выходить на верхние уровни иерархий в динамических регулятивных системах ПР и способствовать более продуктивному принятию решений. Таким образом, необходимо выяснить связи ЭК и составляющих общего латентного фактора принятия ТН и риска, которые в исследованиях пока не представлены.

Описанные в литературе ранее связи ЭК и ЭИ инконсистентны, а связи ЭК с другими конструктами интеллектуально-личностного потенциала (ИЛП), относящимися к эмоционально-личностной сфере, вовсе не изучены. Поэтому мы ставим общей задачей прояснить связи ЭК и ЭИ, в том числе с ЭИ как чертой, а также связи ЭК с переменными, отражающими направленность личности на свою эмоциональную сферу («психологическая разумность»), поскольку частично ЭИ и ЭК относятся как к когнитивной, так и к эмоционально-личностной сфере единого ИЛП.

Анализ литературы показал, что недостаточно изученными оказываются связи ЭИ, ЭК и когнитивных стратегий регуляции эмоций. Ценность изучения этих связей заключается в том, что согласно модели множественной многоуровневой регуляции ПР на верхние уровни динамических регулятивных систем могут выходить различные составляющие ИЛП, а значит эмоциональная регуляция ПР может включать

любой из названных компонентов. Демонстрация связей ЭК, ЭИ и когнитивных стратегий регуляции позволила бы говорить о едином (функциональном) опосредствовании выборов стратегий когнитивной регуляции эмоций, и, их функционально едином участии в процессах эмоциональной регуляции.

В параграфе 1.3. мы показали, что ЭК позитивно связана с предпочтением различных видов творческой активности (Trnka et al., 2016), известны связи ЭК с художественной креативностью (Gutbezahl, Averill, 1996; Feist, Barron, 2003). ЭК более тесно связана с художественным творчеством, чем показатели способностей (Averill, Thomas-Knowles, 1991); ЭК связана с открытостью опыту, в том числе и с фасеткой «эстетики» (Averill, 1999; Ivcevic et al., 2007). Вместе эти результаты, а также то, что сама ЭК включает творчество, выступают предпосылками изучения связей ЭК и эстетической отзывчивости, а также предположения о том, что именно ЭК является предиктором эстетической отзывчивости.

Еще одной предпосылкой данного исследования является возможность участия ЭК в продуцировании эстетического опыта и эстетических эмоций, возникающих при встрече личности с произведением искусства, ввиду обоснования в теоретической части возможности выхода ЭК не только на бытийный слой сознания, но и на ценностный и духовный (В.П. Зинченко, 2011). В отечественной психологии мало изучены эстетический опыт и все связанные с ним конструкты, как следствие в нашем методическом инструментарии отсутствует методика, позволяющая выявлять эстетические эмоции после взаимодействия с предметом искусства, в связи с чем, одной из подзадач нашего исследования является апробация Шкалы эстетических эмоций (Shindler et al., 2017). Эта шкала понадобится нам и на этапе выявления вклада эстетических эмоций в эмоциональную регуляцию ПР.

Продолжая линию исследований О.К. Тихомирова о регулятивной роли эмоций в мышлении, мы ставим вопрос о вкладе эмоциональной

креативности и эстетических эмоций, как наиболее близких к творчеству, в процессы эмоциональной регуляции принятия решений. Для изучения роли эмоций в ПР адекватно использовать компьютерный вариант игровой задачи, задающей условия неопределенности. Продуктивность применения игрового материала для подобных целей показана рядом исследовательских программ (Красавцева, Корнилова, 2018; Смирнов и др., 2017; и др.).

Для моделирования ситуации ПР в условиях неопределенности мы выбрали экономическую игру «Доверие» и разработали ее компьютерный вариант, так как она хорошо моделирует поведение людей в ситуации принятия финансовых решений. Игра на доверие (“Trust Game”) представляет собой модифицированный вариант «дилеммы заключенного». В основе игры лежит социальная дилемма, предполагающая, что для получения большей выгоды игроки должны доверять друг другу. В долгосрочной перспективе стратегия обмана является убыточной (Berg et al., 1995). В нашем варианте игры игрокам не нужно примерять на себя роль «подозреваемых», которым нужно сотрудничать, чтобы получить наименьшее наказание. Основная задача заключается в принятии решения о том, доверить ли финансовые средства компьютерному противнику или нет.

В эксперименте используется парадигма маскированного аффективного прайминга. Аффективный прайминг, модулируя определенные эмоции, обеспечивает эмоциональную регуляцию, понимаемую нами как составную прогнозирования (более подробно о прайминге см. главу 4, параграф 4.1.). Предвосхищения возникающие в процессе ПР могут быть рассмотрены как *новообразования*, уменьшающие неопределенность и предполагают в том числе эмоционально-личностную регуляцию (Корнилова, Тихомиров, 1990). Вклад эмоциональной регуляции в ПР не только через предвосхищающие эмоции, но и другие виды эмоций (базовые, дискретные, эстетические и т.п.) недостаточно изучен. Целью нашего исследования является выявление роли эмоциональной креативности в регуляции ПР, что предполагается актуализировать

посредством модуляции эстетических эмоций (наиболее близких к креативности) с помощью экспериментальной процедуры прайминга.

Применение игровой задачи «Доверие» требует контроля таких дополнительных личностных переменных как склонность к риску, базовое доверие миру, импульсивность. Соответственно отдельное исследование будет посвящено выявлению вклада указанных личностных переменных в процессы принятия решений.

Общие гипотезы исследования:

1. Эмоциональная креативность интегрирована в интеллектуально-личностный потенциал через положительные связи с переменными эмоционально-личностной сферы и обеспечивает связи когнитивных и эмоциональных процессов.
2. Эмоциональная креативность опосредствует эмоциональную регуляцию принятия решений в условиях неопределенности.
3. Эстетические эмоции в зависимости от их валентности способствуют или препятствуют эффективным стратегиям принятия решений.

Общая схема исследований.

1. Первый этап исследования – апробация Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла (ОЭК). Результаты апробации методики представлены в главе 2.
2. Надежная и валидная методика диагностики ЭК позволит перейти к следующему этапу исследования – выявлению положения ЭК в структуре интеллектуально-личностного потенциала (ИЛП). ЭК содержит в себе две составляющие – эмоции и креативность и нами понимается как диспозициональная переменная, поэтому мы ожидаем положительные связи с переменными ИЛП, направленными на эмоционально-личностную сферу (ЭИ, «психологическая разумность» и когнитивные стратегии регуляции эмоций). Этим исследованиям посвящена глава 3.
3. На третьем этапе выявлялся вклад эмоциональной регуляции (эстетические эмоции модулировались с помощью процедуры прайминга), и вклад

других личностных переменных ИЛП (ЭК, импульсивность, склонность к риску, базовое доверие миру) в процесс принятия решений в игровой ситуации «Доверие». Для этих целей была разработана компьютерная программа, с помощью которой в рамках парадигмы маскированного эмоционального прайминга, модулировались эстетические эмоции разной валентности, и ситуация принятия решений о доверии. Для наглядности мы графически представили схему исследования (см. рис.2).

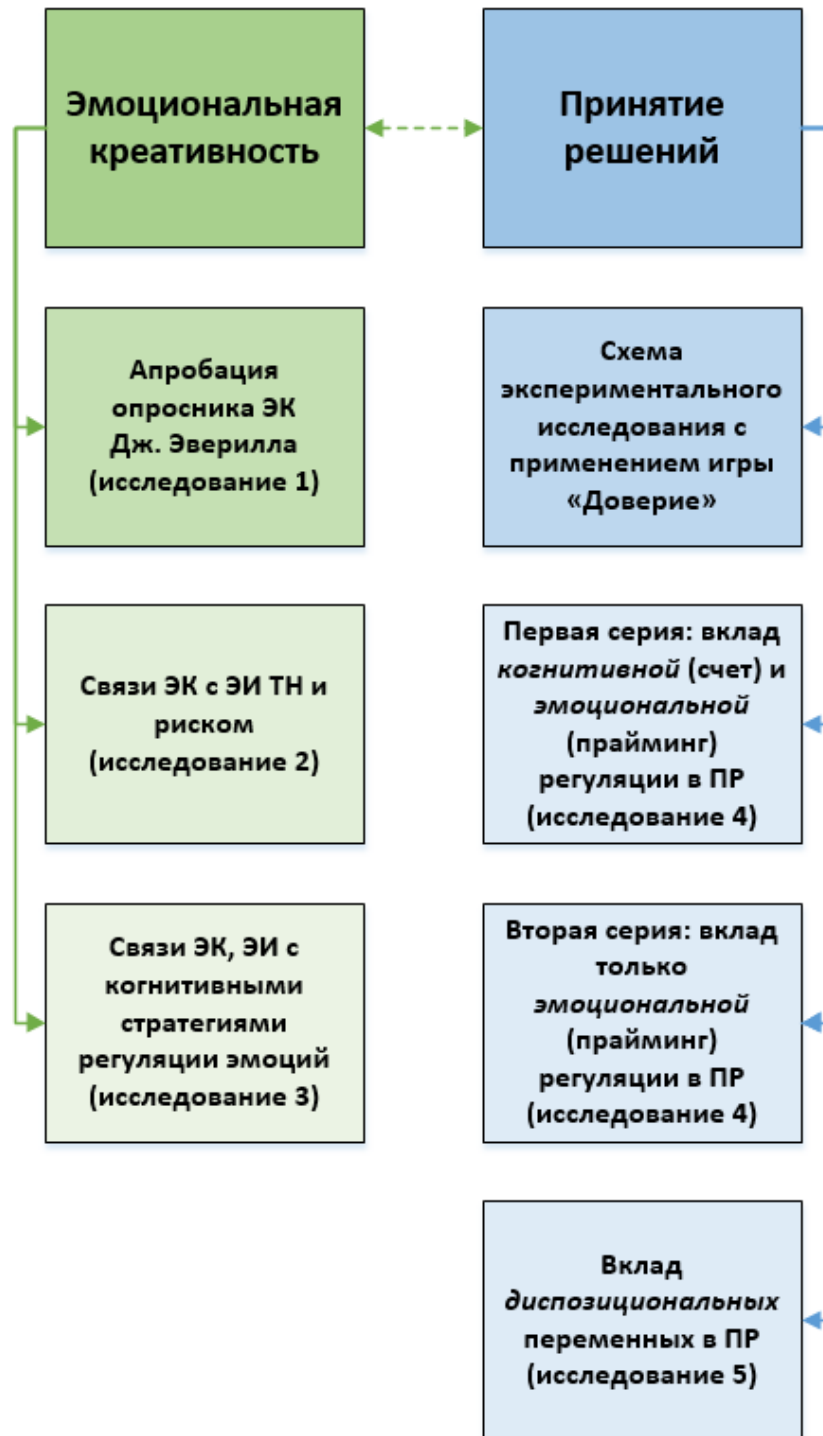

Рисунок 2. Схема эмпирических исследований

ГЛАВА 2. АПРОБАЦИЯ ОПРОСНИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ ДЖ. ЭВЕРИЛЛА НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ

2.1. Постановка проблемы исследования 1

Как мы показали в теоретической части исследования, эмоциональная креативность, наряду с креативностью и эмоциональным интеллектом, включена в функционирование единого интеллектуально-личностного потенциала и входит компонентом в его эмоционально-личностную сферу.

В отечественной методической литературе хорошо представлены различные тесты и опросники диагностики эмоционального интеллекта как способности (Сергиенко, Хлевная, Ветрова, 2019; Сергиенко, Ветрова, 2009; Люсин, 2009; Люсин, Овсянникова, 2013), широким спектром представлены и методики диагностики креативности как способности и как личностной черты (Корнилов, Григоренко, 2010; Воронин, Галкина, 1994 и др.).

Проблема заключается в том, что в диагностическом инструментарии отечественной психологии отсутствуют валидные и надежные методики, позволяющие измерять эмоциональную креативность не только как способность, но и как свойство эмоционально-личностной сферы (т.е. в более привычном названии как черты). Идея измерения ЭК как черты в отечественных исследованиях идет от различения способностей по операциональному составу (интеллект и креативность) и содержанию, которое может быть как предметным, так и эмоциональным. Вместе с тем включение ЭК в интеллектуально-личностный потенциал только как способности не позволит в полной мере изучить вклад ЭК в процессы регуляции личностного выбора, так как связи эмоциональной креативности как способности и как черты с эмоциональным интеллектом весьма противоречивые. ЭК, измеренная как способность, показывает слабые отрицательные связи с ЭИ как способностью, и в тоже время связи ЭК как

черты показывают положительные связи с ЭИ как способностью, но измеренной самоотчетной методикой (Валуева, Ушаков, 2010). Отрицательные связи получены между ЭИ как способностью («объективный» тест Майера-Саловея-Карузо) и ЭК как способностью, но не как чертой. А связи между ЭК по опроснику Эверилла и ЭИ как способностью в основном отсутствуют или слабоположительные (Ivcevic et al., 2007). Апробация ОЭК Дж. Эверилла поможет внести ясность в понимание взаимосвязей этих конструктов.

На основе идей социального конструктивизма Эверилл составил Опросник Эмоциональной Креативности (ОЭК), который в оригинальной версии состоит из 30 пунктов. Тридцать пунктов методики в оригинальной версии образуют 3 основных фактора: *готовность, новизна, аутентичность и эффективность.*

Готовность – важная детерминанта индивидуальных различий креативного потенциала, отражает необходимость длительной подготовки для достижения креативности в любой сфере. Лица, склонные к размышлению над своими эмоциональными переживаниями имеют более высокую степень эмоциональной подготовки, нежели лица, не проявляющие интереса к своей эмоциональной сфере. Готовность так же подразумевает, что человек стремится развивать свою эмоциональную сферу не меньше, чем интеллектуальную.

Новизна – наиболее часто упоминаемый критерий оценки креативности. Однако на практике этот критерий трудно применять. Что-то может быть новым только по сравнению с тем, что является обычным. Новой может быть эмоциональная реакция для определенного человека, если раньше он так не реагировал. Или эмоциональная реакция может быть новой, по сравнению с тем, что принято в определенной референтной группе. Любое научение и развитие включает приобретение нового поведения (с индивидуальной точки зрения) и, следовательно, некоторую степень креативности.

Эффективность – еще один общепризнанный критерий креативности. Творческая реакция должна быть не только иной, но и ценной, то есть потенциально полезной для индивида или группы. Дж. Эверилл называет этот критерий «эффективностью», а не более широко используемым термином «ценность», поскольку первый является более общим, нейтральным. Как и в случае с новизной, эффективность не может быть оценена абстрактно, но всегда предполагает контекст: эффективный в отношении чего? Чтобы еще больше усложнить ситуацию то, что считается эффективным в краткосрочной перспективе, может оказаться неэффективным в долгосрочной перспективе, и наоборот. Это приводит к выводу, что эффективность всегда зависит от времени и места.

Большинству эмоций, пишет Дж. Эверилл, присущи определенные цели, например, ревность имеет цель сохранить отношения, страх защищает от опасности, злость сигнализирует о том, что что-то сделано неправильно и т.п. С этой точки зрения эффективность, по крайней мере в ближайшей перспективе, зависит от достижения цели, присущей эмоции. Эмоциональная креативность на нижнем – простом – уровне предполагает эффективное использование уже существующих эмоций; на более сложном уровне – включает модификацию, то есть изменение существующих эмоций на благо группы или конкретного индивида; а на самом высоком уровне ЭК предполагает развитие новых форм эмоций, основанных на изменениях в жизненных (экзистенциальных) убеждениях и социальных нормах.

Аутентичность или подлинность реже упоминается в качестве критерия творчества, возможно, потому что она часто сочетается с новизной. Дж. Эверилл объясняет свое понимание фактора *подлинности* на примере подлинности картины. Только один определенный художник может создать произведение искусства, остальные картины, срисованные с оригинала, не являются подлинными. *Аутентичность* предполагает выражение ценностей и убеждений личности.

Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла апробировали на разных языках: китайском (Wang and Yan, 2017), басков (Soroa et al., 2016), испанском (Soroa et al., 2015), персидском (Abdi et al., 2010). Во всех вариантах, кроме венгерского, подтвердилась трехфакторная структура опросника, предложенная Дж. Эвериллом. Однако не во всех версиях удалось сохранить изначальное количество пунктов. Так, в персидском и испанском варианте он сократился до 17 пунктов, в версии на языке басков осталось только 25 пунктов, а в версии на китайском языке – 26 пунктов.

В представленной попытке апробации методики Е.А. Валуевой был отмечен тот факт, что эксплораторный факторный анализ позволяет выделить не 3 фактора, а 5, но ученые затруднились в их интерпретации и остановились на том, что этот факт требует детального выяснения и уточнения структуры опросника для российской выборки. Выявленная трехфакторная структура не была подтверждена методами структурного моделирования. Конвергентная валидность хотя и была подтверждена в исследовании И.Н. Андреевой, но включала исследования связей ЭК только с креативностью, что недостаточно для достоверного вывода о валидности методики ОЭК. Для уточнения факторной структуры Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла необходимо заново провести апробацию на большей выборке.

2.2. Исследование 1. Апробация опросника Дж. Эверилла

Выявление факторной структуры опросника является одним из основных этапов валидизации психологической методики.

Цель исследования 1 – выявление факторной структуры Опросника Эмоциональной Креативности Дж. Эверилла и его психометрических показателей на российской выборке.

Гипотеза: поскольку эмоциональная креативность культурно обусловлена мы ожидаем изменение факторной структуры Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла на русскоязычной выборке.

Схема исследования. Апробация ОЭК проводилась в несколько этапов.

На первом этапе мною был осуществлен перевод пунктов шкалы с английского языка на русский, при переводе учитывались два имеющихся перевода (Валуева, Ушаков, 2010; Андреева, 2011). Итоговый вариант перевода был отдан на редактуру профессиональным психологам и лингвистам, имеющим опыт в адаптации и разработке опросника. Для полученного варианта перевода с целью подтверждения семантического значения пунктов опросника был выполнен обратный перевод с русского на английский. Получившийся в итоге перевод отличается от имеющихся версий тем, что содержит формулировки, более близкие к оригинальным, например фраза: «emotional reactions», которая переведена Е.А. Валуевой как «эмоции», нами переведена как «эмоциональные реакции».

На втором этапе ОЭК в групповой форме заполнили 665 человек – студенты гуманитарных и естественнонаучных факультетов МГУ и Московского Института Психоанализа (Таблицы 1 и 2) в возрасте от 17 до 40 лет ($M = 21,3$; $SD = 4,3$; $Mod = 19$); из них 276 мужчин и 388 женщин (один респондент не указал пол).

Таблица 1. Описательные статистики для переменным «пол» и «возраст» по выборке исследования 1

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
До 19	92	46	138
19 – 21	113	211	324
22 – 25	44	81	125
26 – 40	27	50	77

Таблица 2. Описательные статистики для переменной «пол» по выборке исследования 1.

	Мужчины	Женщины
Среднее	20,8	21,6
Минимум	17	17
Максимум	39	40
Стандартное отклонение	4,3	4,2

На *третьем этапе* была осуществлена проверка факторной структуры опросника двумя методами: эксплораторным факторным анализом (ЭФА) – для выявления количества факторов, соответствующего полученным эмпирическим данным и конфирматорным факторным анализом (КФА) для проверки гипотез о лучшем соответствии эмпирических данных нескольким теоретическим моделям.

На *четвертом этапе* проверялась надежность и согласованность пунктов ОЭК Дж. Эверилла.

2.2.1. Результаты проверки психометрических показателей Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла

Для выявления факторной структуры опросника выборка была разделена случайным образом на примерно две равные половины: $N = 335$ и $N = 330$ человек, соответственно. Для данных по первой выборке из 335 человек был проведен ЭФА, на второй половине выборки был проведен КФА. Подобная процедура необходима, чтобы избежать неоправданной поддержки найденной в ЭФА модели (Cudeck, Browne, 1983). Результаты этого исследования опубликованы (Корнилова, Шестова, Павлова, 2020).

ЭФА выполнялся при помощи пакета SPSS v.22, методом максимального правдоподобия и прямоугольного вращения варимакс с нормализацией Кайзера. Адекватность данных (для 30 пунктов опросника) оценивалась при помощи теста Кайзера-Майера-Олкина ($KMO = 0,8$) и теста сферичности Бартлета ($N = 335$; Хи-квадрат = 3066, $p < 0,001$). Решение о

принятии пятифакторной модели нами было принято на основании критерия каменистой осыпи (график в Приложении 2).

Для пятифакторной модели первый фактор *Новизна-уникальность* объясняет 17,1% общей дисперсии; второй – *Готовность размышлять над эмоциями* объясняет 12,5%; третий – *Многообразие порождаемых эмоций* объясняет 8,5%; четвертый – *Аутентичность* – 5,5%; пятый фактор – *Эффективность* объясняет 5,3%. В Таблице 3 представлены результаты распределения факторных нагрузок.

Таблица 3. Факторные нагрузки пунктов для пятифакторного решения (взвешенным методом наименьших квадратов и прямоугольного вращения варимакс с нормализацией Кайзера).

№	Пункт методики	Факторная нагрузка
Фактор 1 «Новизна-Уникальность»		
8	Мои эмоциональные реакции уникальны и отличаются от эмоций других людей	0,57
11	Я испытывал такие сочетания эмоций, которые другие люди, вероятно, никогда не переживали	0,69
12*	Мне нравятся музыка, танцы и картины, которые вызывают новые и необычные эмоции	0,35
13	Я испытывал эмоциональные переживания, о которых можно сказать, что они необычны или выходят за рамки общепринятых	0,62
14	В эмоциональных ситуациях, я склонен реагировать не так, как другие люди	0,57
15	Мне нравится выдумывать ситуации, требующие необычных, редких, нетрадиционных эмоциональных реакций	0,43
16	В своих эмоциональных реакциях я довольно изобретателен и оригинален	0,55
17	Мне нужно было стать поэтом или романистом, чтобы описать те эмоции, которые я иногда испытываю, настолько они неповторимые	0,46
Фактор 2 «Готовность размышлять над эмоциями»		
1	Когда у меня возникают сильные эмоциональные реакции, я ищу их причины	0,70
2	Я считаю, что над эмоциональным развитием следует работать так же усердно, как и над интеллектуальным	0,45
3	Я размышляю о своих эмоциональных реакциях и стараюсь понять их	0,80
4	Меня не особенно интересует эмоциональная сторона	-0,40

	моей жизни	
5	Я обдумываю свой прошлый эмоциональный опыт, чтобы справиться с текущими эмоциональными проблемами	0,60
6	После переживания сильных эмоций я стараюсь отстраниться от них и объективно оценить	0,37
Фактор 3 «Многообразие порождаемых эмоций»		
9	Я могу представить себя одиноким, разгневанным и веселым одновременно	0,52
10**	Иногда я переживаю эмоции и чувства, которые нелегко описать обычными словами	0,40
18	Я могу испытывать множество разных эмоций одновременно	0,67
19	Я предпочитаю фильмы и книги, в которых изображаются сложные и невероятные эмоциональные ситуации	0,50
20	Многообразие моих эмоциональных реакций иногда превышает мои возможности описания того, что я чувствую	0,52
21	Я способен испытывать большое количество различных эмоций	0,53
Фактор 4 «Аутентичность»		
27	Я стараюсь быть честным в своих эмоциональных реакциях, даже если это создает мне проблемы	0,63
28	Мои эмоции почти всегда выражают мои подлинные мысли чувства	0,80
29	Мои внешние эмоциональные реакции точно отражают мои внутренние чувства	0,74
30	Я стараюсь маскировать и прятать свои эмоции	-0,50
Фактор 5 «Эффективность»		
7	Я внимателен к эмоциям других людей, так как мне это помогает лучше понимать свои чувства	0,37
22	Я хорошо приспосабливаюсь к ситуациям, которые вызывают новые или необычные эмоции	0,45
23	Мне хорошо удается выражать свои эмоции	0,57
24	В отношениях с другими людьми мне помогает то, как я переживаю и выражаю свои эмоции	0,73
25	Мои эмоции помогают мне достигать целей в жизни	0,60
26	Мои эмоции играют важную роль в моей жизни: без них она не имела бы смысла	0,43

Примечание. *Факторные нагрузки свыше |0,35| после вращения, представленные в Таблице 3, служили основой для разработки ключа к ОЭЖ и формулировки конфирматорных моделей. На основании этого критерия был исключен 12 пункт опросника, так как его факторная нагрузка оказалась равной |0,35|. ** 10 пункт идет с большей нагрузкой по 1 фактору, но нами было принято решение отнести его в фактор 3, так как по смысловому содержанию он подходит больше в фактор 3.

КФА проводился при помощи статистического пакета EQS 6.4. для Windows; проверялось несколько моделей. Использовался метод максимального правдоподобия. Результаты КФА отражены в Таблице 4.

Таблица 4. Индексы разных моделей русскоязычного варианта ОЭК (N=330)

Модель	χ^2	Df	χ^2/df	P	CFI	RMSEA
3 фактора (оригинал)	1272,271	402	3,2	<0,001	0,710	0,081
5 факторов	864,626	395	2,2	<0,001	0,843	0,060
5 факторов без 12 пункта	796,850	367	2,1	<0,001	0,853	0,060

Результаты КФА дают возможность утверждать, что наилучшей теоретической моделью, описывающей имеющиеся эмпирические данные, является пятифакторная.

Проверка надежности и согласованности пунктов ОЭК выполнялась с помощью критерия α -Кронбаха; для всех шкал α превышает 0,8, что говорит о высокой согласованности пунктов, принадлежащих к одной шкале.

Результаты проверки надежности представлены в Приложении 3. Для опросника ЭК Дж. Эверилла баллы по каждому пункту находятся в пределах от 1 до 5. Анализ надежности показал, что удаление пунктов имеет тенденцию к снижению надежности и согласованности пунктов поэтому все пункты (за исключением 12, который мы исключили на этапе эксплораторного факторного анализа) были сохранены. Большинство пунктов имеет отрицательную асимметрию – это означает, что большинство ответов испытуемых на пункты опросника сдвинуты от среднего в сторону больших значений. Кроме того, асимметрия и эксцесс больше 0 и в большинстве случаев превышают две свои стандартные ошибки по модулю из чего следует вывод о том, что распределение ответов участников исследования на пункты ОЭК Дж. Эверилла отличается от нормального. Нами были вычислены нормы для шкал ОЭК: общие по выборке и отдельно для мужчин и женщин. Результаты представлены в Приложении 4.

Вывод: Опросник Эмоциональной креативности Дж. Эверилла на русскоязычной выборке демонстрирует высокую согласованность пунктов.

2.2.2. Проверка конвергентной валидности ОЭК Дж. Эверилла

Обязательным этапом апробации опросника является поиск связей с переменными, близкими по содержанию к изучаемым процессам, то есть проверка конвергентной валидности методики. К валидации ОЭК можно подходить с нескольких позиций.

Во-первых, через поиск связей с креативностью, так как конструкт эмоциональной креативности предполагает совместное функционирование эмоций и креативности. Креативность, в свою очередь, нередко оценивают по продукту; таким образом, сопоставление И.Н. Андреевой результатов ОЭК с методикой «Диагностика личностной креативности» является допустимым: шкала *новизна* по ОЭК, отражающая способность переживать необычные эмоции, положительно связана со шкалой «Воображение», а шкала *эффективность* со «Сложностью» (Андреева, 2011).

Во-вторых, валидизацию ОЭК можно построить через поиск связей с индивидуальными особенностями эмоциональной сферы, куда включена направленность человека на сферу собственных эмоций и переживаний. Конвергентная валидность ОЭК при таком подходе, предполагает наличие положительных связей эмоциональной креативности с переменными эмоционального интеллекта (ЭИ) и «психологической разумности», которая понимается как способность личности видеть взаимосвязи между своими чувствами, мыслями и действиями (Новикова, Корнилова, 2014).

Оценка креативности предполагает наличие, с одной стороны, эксплицированного творческого продукта, а с другой – процессуальной регуляции, в которой можно выделять более «верхние», осознаваемые, и глубинные, имплицитные слои (Павлова, 2014). С этой точки зрения возможна валидизация ОЭК посредством выявления связей с

имплицитными теориями креативности. Имплицитные теории – это «наивные» теории, или неявные представления, которые образуются человеком в индивидуальном опыте и не полностью осознаваемы им. Имплицитные теории представляют таситное знание и выражают мнения и ожидания конкретного человека в отношении например, интеллекта и личности (Стернберг и др., 2002; Dweck, 2008), эмоций (Tamir et al., 2007; De France, Hollenstein, 2021), смелости и мужества (Rate et al., 2007; Greitemeyer et al., 2007), доверия (Damen, Toh, 2018; Аллахвердов, Гришина, 2013), морали (Hughes, 2015; Miller, Burgoon, Hall, 2007), риска (Богачева и др., 2017), креативности (Gralewski, Karwowski, 2020; Павлова, 2014; Лебедева, 2012; Runco, Johnson, 2002), а также ряда других конструктов.

Конструкт имплицитных теорий креативности (ИТК) был предложен Марком Рунко (Runco, 1984). Автор отмечал, что хотя эти теории никогда не могут быть явно выражены или формализованы, они поддерживаются и либо намеренно, либо непреднамеренно применяются при вынесении суждений об определенных характеристиках и поведении, в данном случае – о характеристиках креативности личности (подобные суждения не всегда носят объективный характер) и соответственно могут либо способствовать, либо препятствовать творчеству (Runco, Johnson, Bear, 1993). В современной литературе практически отсутствуют примеры исследования связей ИТК и других диспозициональных переменных. Исследования ИТК в основном носят кросс-культурный характер, так, например, было показано, что ИТК не стабильны и подвержены влиянию фактора культуры (Karwowski et al., 2020), кроме того, были показаны различия в восприятии преподавателями креативности студентов (Gralewski, Karwowski, 2018).

При проверке конвергентной валидности Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла (ОЭК) проверялись следующие гипотезы:

1. Поскольку эмоциональный интеллект положительно связан с креативностью, мы ожидаем положительные связи эмоциональной креативности и эмоционального интеллекта.
2. Эмоциональная креативность положительно связана с «психологической разумностью», так как обе переменные отражают направленность размышлений и рефлексии на сферу переживаний.
3. Эмоциональная креативность будет положительно связана с имплицитными теориями креативности, так как содержательно можно соотнести шкалы ОЭК и шкалы методики Имплицитные теории креативности – КИТ (новизна по ОЭК = оригинальности по КИТ, а аутентичность по ОЭК = креативному потенциалу по КИТ).

Метод

Участники исследования: в исследовании связей ЭК и ЭИ приняло участие 429 студентов - 253 женщины 176 мужчин. ($M = 20,5$; $Med = 20$; $SD = 3,4$), в исследовании связей ЭК и «психологической разумности» приняло участие 170 студентов: 126 женщин, 44 мужчины ($M = 21,5$; $Med = 20$; $SD = 3,7$), в исследовании связей ЭК и имплицитных теорий креативности приняло участие 127 студентов из них: 77 женщин и 50 мужчин ($M = 24,3$; $Med = 20$; $SD = 8$). Часть выборки из апробации методики, представленной в исследовании 1.

Психодиагностические методики:

1. Опросник Эмоционального Интеллекта – ЭМИн (Люсин, 2009). Концепция Д.В. Люсина построена на основе концепции ЭИ как способности в представлении Майера-Саловея-Карузо и предполагает трактовку ЭИ с одной стороны как способности, а с другой как черты, участвующей в регуляции эмоций. Методика содержит 46 вопросов и предполагает возможность ответов по шкале от «совсем не согласен» до «полностью согласен», испытуемый по каждому пункту может получить от 0 до 3 баллов. Опросник включает следующие шкалы: контроль экспрессии, эмоциональный интеллект, внутриличностный

интеллект, понимание эмоций, управление эмоциями и субшкалы понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями.

2. «Шкала психологической разумности» (Новикова, Корнилова 2014). Методика включает 45 вопросов и предполагает ответы в диапазоне от «полностью не согласен» до «полностью «согласен», испытуемый по каждому пункту может получить от 0 до 3 баллов. Опросник включает следующие шкалы: польза от обсуждения собственных проблем с другими, доступность сферы чувств, желание обсуждать свои проблемы с другими, заинтересованность в значении и мотивации собственного поведения и поведения окружающих, открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском.
3. ИмPLICITные теории креативности – КИТ (Павлова, 2014). Методика состоит из 32 пунктов, предполагает ответы по шкале от «Совсем не подходит» до «Полностью подходит». Каждый ответ испытуемого оценивается в баллах от 1 до 7. Опросник включает 4 шкалы: *оригинальность* – направленность на поиск оригинальных решений в обычных условиях, *креативный потенциал* – представление о креативности, как реализации своего интеллектуально-личностного потенциала, *новизна* – стремление к новизне и принятию неопределенных ситуаций, *активность* – креативность как способность, проявляющаяся в определенных видах деятельности.

2.2.3. Результаты проверки конвергентной валидности опросника

Для проверки гипотезы 1 – выявление связей ЭК с ЭИ как способностью был использован пакет SPSS v.22 и применен ранговый коэффициент корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 5. Нижеследующие результаты, представлены в публикации (Корнилова, Шестова, Павлова, 2020).

Таблица 5. Связи эмоционального интеллекта (способности по ЭМИн) с эмоциональной креативностью

	Шкалы опросников	Новизна - Уникальность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффективность	Аутентичность	Многообразие порождаемых эмоций
Шкалы ЭМИн	МЭИ	0,166**	0,221**	0,487**	0,235**	0,093
	МП	0,184**	0,219**	0,423**	0,179**	0,127**
	ПЭ	-0,001	0,229**	0,420**	0,216**	-0,088
	УЭ	0,002	0,109*	0,359**	0,029	-0,153**
	ВЭ	-0,103*	-0,036	-0,035	-0,237**	-0,200**
	ВЭИ	-0,163**	0,104*	0,254**	-0,002	-0,300**
	ВП	-0,199**	0,170**	0,279**	0,168**	-0,277**
	ВУ	-0,034	0,088	0,319**	0,004	-0,224**
	МУ	0,112*	0,186**	0,458**	0,230**	0,033

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. МЭИ – шкала межличностный эмоциональный интеллект; МП – субшкала понимание чужих эмоций; ПЭ – шкала понимание эмоций; УЭ – шкала управление эмоциями; ВЭ – шкала контроль экспрессии; ВЭИ – шкала внутриличностный эмоциональный интеллект; ВП – субшкала понимание своих эмоций; ВУ – субшкала управление своими эмоциями; МУ – субшкала управление чужими эмоциями.

Таблица 5 показывает, что шкалы ОЭК связаны положительно со многими компонентами ЭИ, за исключением шкалы *многообразие порождаемых эмоций*, которая в основном демонстрирует отрицательные связи с компонентами ЭИ. С межличностным ЭИ положительно связаны все шкалы ОЭК, кроме *многообразия порождаемых эмоций*. С *внутриличностным ЭИ* отрицательно связаны шкалы *новизна-уникальность* и *многообразие порождаемых эмоций*.

Для проверки гипотезы 2 – выявление связей ЭК с «психологической разумностью» был использован пакет SPSS v.22 и применен ранговый коэффициент корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Связи Шкал «психологической разумности» и эмоциональной креативности

	Шкалы опросников	Новизна - Уникальность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффективность	Аутентичность	Многообразие порождаемых эмоций
Шкалы ШПР	Заинтересованность в сфере переживаний	0,209**	0,407**	0,219**	0,222**	0,249**
	Доступность сферы переживаний	-0,067	-0,091	0,023	-0,079	-0,144
	Польза от обсуждения переживаний	-0,016	0,286**	0,326**	0,185*	0,111
	Желание обсуждать проблемы с другими	-0,127	0,087	0,237**	0,053	-0,024
	Открытость новому опыту	0,188*	0,084	0,255**	-0,006	0,100

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$

Как следует из Таблицы 6 все шкалы ОЭК демонстрируют положительные связи со шкалами психологической разумности (ШПР). В частности, *новизна-уникальность* прямо связана с *открытостью новому опыту* по ШПР, *готовность размышлять над эмоциями* положительно связана с *заинтересованностью в сфере переживаний*, а *польза от обсуждений переживания* положительно связана с *эффективностью* и *аутентичностью*. Отсутствуют связи шкал ОЭК с *доступностью сферы переживаний*.

Для проверки гипотезы 3 – выявление связей ЭК с имплицитными теориями креативности был использован пакет SPSS v.22 и применен ранговый коэффициент корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 7.

Таблица 7. Связи имплицитных теорий креативности с эмоциональной креативностью

	Шкалы опросников	Новизна - Уникальность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффективность	Аутентичность	Многообразие порождаемых эмоций
Шкалы КИТ	Оригинальность	0,041	0,102	0,187*	0,109	0,001
	Креативный потенциал	0,152	0,009	0,126	0,128	0,078
	Новизна	0,052	0,070	0,210*	0,159	0,058
	Активность	0,246**	0,168	0,181*	0,139	0,218**

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$

Корреляционный анализ показал, что шкала *новизна-уникальность* связана с *активностью* по КИТ, шкала *эффективность* положительно связана со всеми шкалами КИТ, кроме *креативного потенциала*. Шкала ОЭЖ *многообразие порождаемых эмоций* связана с *активностью*. Шкалы ОЭЖ *готовность размышлять над эмоциями* и *аутентичности* не связаны с имплицитными теориями креативности.

Выводы:

1. Продемонстрированные связи шкал Опросника эмоциональной креативности со шкалами эмоционального интеллекта (как способности) позволяют подтвердить конвергентную валидность ОЭЖ Дж. Эверилла и говорить о включенности ЭЖ в качестве опосредствующего звена в интеллектуально-личностном потенциале между когнитивной и эмоционально-личностной сферами.
2. Связи ОЭЖ с «психологической разумностью» схожи со связями ЭЖ с ЭИ и демонстрируют отсутствие интегрированности компонента *доступности сферы переживаний* в процесс конструирования новых, аутентичных эффективных эмоциональных реакций, ввиду сложности и многообразия эмоционального опыта.
3. Подтвердить конвергентную валидность ОЭЖ через связи с имплицитными теориями креативности, не удалось, так как

содержательно схожие шкалы не продемонстрировали связей (новизна по ОЭК ≠ оригинальности по КИТ, а аутентичность по ОЭК ≠ креативному потенциалу по КИТ).

2.3. Обсуждение результатов исследования 1

Полученные в результате апробации методики ОЭК Дж. Эверилла результаты, позволяют нам говорить о пятифакторной структуре опросника. Наши результаты согласуются с полученными ранее (Валуева, 2009), с той разницей, что нам удалось дать интерпретацию пятого выделенного фактора. *На основании этих данных, гипотеза 1, выдвинутая в исследовании 1.1. о пятифакторной структуре опросника принимается.* Ключевыми отличиями нашего варианта опросника от белорусского, выполненного И.Н. Андреевой и русского, выполненного Е.А. Валуевой являются, во-первых, более точный перевод пунктов опросника, во-вторых, разделение фактора «Эффективность/Аутентичность» на два: «Эффективность» и «Аутентичность», а, в-третьих, выделение нового специфичного для российской выборки пятого фактора «Многообразие порождаемых эмоций». Обращаем внимание, что Е.А. Валуева писала: «Наилучшим с точки зрения ряда статистических критериев является пятифакторное решение, однако его содержательная интерпретация представляется проблематичной» (Валуева, 2009, стр. 221).

В предварительной апробации (Шестова, 2019в) название нового пятого фактора звучало как «эмоциональная сложность». Изначально такое название было обусловлено тем, что согласно Эвериллу (Averill, 2005) ЭК подразумевает большую сложность с точки зрения эмоциональных процессов, лица, обладающие высоким уровнем ЭК проживают более сложную эмоциональную жизнь. Конструкт эмоциональной сложности (ЭС) понимается двояко и как эмоциональный диалектизм (возможность переживать позитивные и негативные эмоции одновременно, именно

поэтому ЭС часто измеряют через призму позитивного и негативного аффекта) и как эмоциональная дифференциация, характеризующаяся градиентным переживанием эмоций, отражающая большое разнообразие негативных и позитивных эмоций (Lewis, 2010).

Комплексное изучение связей новой шкалы с другими переменными интеллектуально-личностного потенциала позволило дать иную интерпретацию шкалы и, соответственно, иное название. Изменение в понимании шкалы обусловлено наличием отрицательных связей новой шкалы практически со всеми компонентами эмоционального интеллекта. Взятые вместе эти связи не позволяют интерпретировать конструкт как эмоциональную сложность, так как эмоциональная сложность положительно связана с ЭИ, измеренным самоотчетной методикой (Kang, Shaver, 2004), а также ветвь ЭИ – *понимание эмоций*, по результатам последнего метаанализа положительно связана с *негативным аффектом*, а *управление эмоциями* и *использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности* значительно предсказали динамику *позитивного аффекта* (MacCann et al., 2020).

В итоге выделенный нами пятый фактор получил название: *«Многообразие порождаемых эмоций»* и мы предлагаем его трактовать как возникающий диапазон эмоций до процесса их идентификации, как некоторый «первичный» диапазон эмоций, появляющийся до момента включения процессов переработки эмоциональной информации. Шкала *многообразие эмоций* позволяет «схватить» нижние слои эмоциональной регуляции – этап зарождения эмоций, когда аспекты становления, выражения и опознания эмоций слиты воедино. Дж. Эверилл полагал, что эмоциональные синдромы являются результатом социальных представлений и норм, а также экзистенциальных верований и убеждений. Наши данные позволяют дополнить эту схему новым, «пропущенным» источником – актуалгенезом эмоций. Подводя итог, шкала *многообразие порождаемых эмоций* позволяет зафиксировать индивидуальные различия в

диапазоне порождаемых эмоций до их закрепления в идентифицированных с теми или иными названиями.

В русскоязычной версии ОЭК нам удалось сохранить исходные 30 пунктов опросника, что бесспорно является еще одним преимуществом нашей апробации.

Результаты анализа связей опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла с показателями, отражающими направленность личности на работу со своей эмоциональной сферой (ЭИ и ПР), позволяют говорить в пользу его конвергентной валидности и включенности ЭК в сферу эмоциональных способностей и в интеллектуально-личностный потенциал. Нами показано наличие отрицательных связей шкалы *многообразие порождаемых эмоций* со шкалами внутриличностного ЭИ, что говорит о способности человека к *одновременному* переживанию широкого спектра эмоций и невозможности идентификации или управления ими. Шкалы *аутентичность* и *готовность размышлять над эмоциями* продемонстрировали положительные корреляции с *межличностным ЭИ* и *внутриличностным ЭИ*. Шкала *эффективность* не проявила своей специфичности, продемонстрировав положительные связи почти со всеми шкалами ШПР и ЭМИн. *На основании этих результатов мы принимаем гипотезу 1, выдвинутую в исследовании 1.2. о положительных связях между ЭК и эмоциональным интеллектом как способностью.* Полученные в нашем исследовании данные, согласуются с предыдущими (Ушаков, Валеева, 2010).

Подтвердилась связь между шкалой *открытость новому опыту* по ШПР и шкалой *новизна-уникальность* по ОЭК. Подтверждены положительные связи шкалы *многообразия порождаемых эмоций* со шкалой «психологической разумности» *заинтересованность в сфере переживаний*; этот результат позволяет говорить о том, что лица с направленностью на свою эмоциональную сферу стремятся к анализу своих переживаний. *На основании этих результатов мы принимаем гипотезу 2,*

выдвинутую в исследовании 1.2. о положительных связях ЭК с психологической разумностью. Полученные данные подтверждают важность процессов заинтересованности в «работе» над эмоциональным планом и рефлексии в ЭК. Для того, чтобы сконструировать уникальную, эффективную и аутентичную эмоциональную реакцию человеку нужно быть заинтересованным в познании собственных чувств и эмоций, а также необходимо уметь понимать чужие эмоции.

Показаны положительные связи между шкалами *новизна-уникальность* и *многообразие порождаемых эмоций* с активностью по КИТ, которая фиксирует креативность как способность, проявляющуюся в определенных видах деятельности и в этом аспекте гипотеза 3, выдвинутая в исследовании 1.2. принимается, но отвергается в аспекте отсутствия связей между новизной по ОЭК и оригинальностью по КИТ (связей нет). Конвергентная валидность здесь не подтверждается, так как имплицитные теории креативности не включены в конструирование новых, аутентичных и эффективных эмоциональных реакций по Дж. Эвериллу.

2.4. Выводы по главе 2 и заключение

Исследование апробации ОЭК Дж. Эверилла и проверка конвергентной валидности показали, что:

1. Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла в русскоязычном варианте имеет пятифакторную структуру. Четыре шкалы соответствуют предложенным Дж. Эвериллом: *новизна-уникальность*, *готовность размышлять над эмоциями*, *эффективность*, *аутентичность*, выделена и новая пятая шкала: *многообразие порождаемых эмоций*.
2. Опросник Дж. Эверилла в русскоязычной адаптации обладает необходимыми психометрическими характеристиками валидности и надежности, что позволяет включить его в отечественный методический инструментарий.

3. Продемонстрированные связи шкал опросника Дж. Эверилла со шкалами эмоционального интеллекта как способности (по опроснику эмоционального интеллекта Д.В. Люсина) и «психологической разумностью», свидетельствуют о конвергентной валидности шкал методик и позволяет говорить о пересечении процессов, обеспечивающих эмоциональный интеллект и ЭК.

Исследование 1 продемонстрировало валидность нового методического инструмента – Опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла на русскоязычной выборке. Подтвержденные с помощью новой методики положительные связи эмоциональной креативности с эмоциональным интеллектом и «психологической разумностью» позволяют предполагать включенность ЭК в единый интеллектуально-личностный потенциал.

Это подтверждается, во-первых, включенностью в эмоциональную креативность рефлексивных процессов, способствующих сознательному конструированию новых, эффективных и аутентичных эмоциональных реакций, а, во-вторых, через отрицательные связи эмоциональной креативности с контролем экспрессии эмоций. Снижение контроля позволяет личности более подлинно, аутентично выражать свои эмоции, а значит и более глубоко погружаться в свою эмоциональную сферу через переживание и проживание эмоций во всей полноте их проявлений.

Если связи ЭК как черты и ЭИ как способности уже изучались (Ушаков, Валуева, 2010; Ivcevic et al., 2007), то связи ЭК с ЭИ как чертой еще не изучены. Не изученными остаются и связи ЭК с регуляцией эмоций, а ЭК, предполагающая, что эмоции являются продуктом креативности, может быть включена в эти процессы, так как позволяет конструировать новые, аутентичные и эффективные эмоциональные реакции. Связи ЭК с толерантностью к неопределенности также ранее не изучались и для нас эти связи представляют особый интерес, так как толерантность к неопределенности является ключевым звеном принятия решений в условиях

неопределенности, а изучение вклада ЭК в ПР является одной из основных целей нашего исследования. Исследование 2, изложенное в главе 3 ставит целью проверку связей ЭК как относящей к эмоционально-личностной сфере с чертой ЭИ, ТН и риском, и когнитивными стратегиями регуляции эмоций.

ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

3.1. Постановка проблемы исследований 2-3

В исследовании 1 мы показали включенность эмоциональной креативности (ЭК) в интеллектуально-личностный потенциал через связи с эмоциональным интеллектом как способностью и «психологической разумностью» как переменными, отражающими направленность личности на свою эмоциональную сферу. Ориентируясь на обоснованность комплекса «позитивной триады», включающей связи креативности и ЭИ с положительным отношением к неопределенности (Корнилова, Павлова 2020), а также обнаруженные ранее положительные связи ТН и креативности (Корнилова, 2010б; Любарт, 2009), мы поставили цель выявить аналогичные связи эмоциональной креативности с этими составляющими – ТН и ЭИ. Соответственно мы предположили, что ЭК, продуктом которой является новая, аутентичная и эффективная эмоциональная реакция, показавшая положительные связи с ЭИ, будет также положительно связана с ТН и готовностью к риску. Кроме того, мы решили перейти к другому измерению ЭИ – как черты (Furnhum, Petridies, 2003), предполагая, что ЭК также понимается двояко – и как способность, и как черта. Исследование 2 посвящено проверке гипотез о связи ЭК с ТН, готовностью к риску и чертой ЭИ.

Другим исследовательским аспектом стали связи ЭК и ЭИ с когнитивными стратегиями регуляции эмоций. Предпосылками этого

исследования являются результаты, показавшие включенность копинг-стратегий в функционирование интеллектуально-личностного потенциала (Корнилова, 2010б) и связи эмоционального интеллекта с регуляцией эмоций (Pena-Sarrionandia et al., 2015; Bucich, MacCann, 2019 и др.).

В контексте развития идеи единства интеллекта и аффекта интерес представляют исследования в области стресса и совладающего поведения, или копингов. Как правило, подобные исследования сосредоточены на выявлении и изучении определенных стратегий совладания с трудной жизненной ситуацией. Р. Лазарус показал, что ведущая роль в оценке ситуации отдается когнитивно-аффективным механизмам. Модель, предложенная Н. Гарнефски и коллегами, предлагает иной путь: через определение влияния эмоциональных реакций на протекание когнитивных процессов (Garnefski et al., 2002). Регуляция эмоций включает в себя процессы мониторинга, воздействия и изменения эмоций и эмоциональных реакций при достижении цели (Gross, 1998, 2008). Эффективная регуляция эмоций требует понимания последствий потенциальных реакций в эмоционально нагруженных ситуациях и знания эффективных стратегий влияния на ход эмоциональных переживаний (Brackett, Rivers, Salovey, 2011).

Концепция интеллектуально-личностного потенциала позволяет изучать процессы когнитивной регуляции эмоций в единстве «процессов когнитивного оценивания, переживания и выбора путей разрешения проблемной (или стрессовой) ситуации» (Корнилова, 2010в, стр. 46). Любые переменные, входящие в состав интеллектуально-личностного потенциала (эмоциональный интеллект, психологическая разумность, эмоциональная креативность, толерантность к неопределенности и др.), могут актуализироваться в процессах совладания наряду с копингами.

Эмоциональный интеллект во многих концепциях включает такой параметр как управление эмоциями (Goleman, 1995; Bar-On, 2007; Mayer, Salovey, Caruso, 2008; Furnhum, Petridies, 2003, Mikolajczak, 2009; Люсин,

2009). Процессы, связанные с управлением эмоциями, интенсивно изучались и обсуждались в течение последнего десятилетия в литературе по регуляции эмоций (Gross, 2007; Gross, Thompson, 2007). Когнитивная регуляция эмоций относится к сознательному, когнитивному способу обработки поступающей эмоционально возбуждающей информации (Garnefski et al., 2001; Thompson, 1991) и может рассматриваться как часть более широкой концепции регуляции эмоций, определяемой как «все внешние и внутренние процессы, ответственные за мониторинг, оценку и модификацию эмоциональных реакций, особенно их интенсивных и временных особенностей» (Thompson, 1994, p. 27). Многолетние исследования показали, что регуляция эмоций посредством познания или мыслей неразрывно связана с человеческой жизнью и помогает людям сохранять контроль над своими эмоциями во время или после переживания угрожающих или стрессовых событий (Garnefski et al., 2002).

В контексте проблематики копингов проведен ряд исследований связей с эмоциональным интеллектом, которые показывают, что эмоциональный интеллект облегчает выбор стратегии совладания в условиях острого стресса (Salovey et al., 2002; Matthews et al., 2006). Лица с высоким ЭИ обычно выбирают более адаптивные и активные методы совладания, например, решение проблем, чем дезадаптивные, пассивные методы - избегание (Austin et al., 2010). Кроме того, лица с высоким ЭИ оценивают задачи как вызов, а не угрозу (Mikolajczak, Luminet, 2008). М. Букич и К. МакКэнн исследовали связи ЭИ и процессов эмоциональной регуляции, ЭИ оценивался и как способность и как черта. Результаты исследования не обнаружили связи между способностью ЭИ и регуляцией эмоций в повседневной жизни. Только черта ЭИ была связана со стратегиями регулирования эмоций, такими как социальный обмен, прямой модификацией ситуации и переоценкой (Bucich, MacCann, 2019). Это согласуется с результатами метаанализа, в котором было показано, что регуляция эмоций связана в большей степени с чертой ЭИ, чем со способностью ЭИ (Pena-Sarrionandia et al., 2015). Также было показано, что

лица с высоким ЭИ используют стратегии регуляции эмоций гибким и адаптивным образом и учитывают долгосрочные преимущества (Busich, MacCann, 2019). Эффективная регуляция эмоциональных реакций раскрывается в том числе через умение гибко использовать стратегии в зависимости от ситуации. Эффективная эмоциональная регуляция невозможна без направленности личности на свою эмоциональную сферу, эту направленность фиксирует такой конструкт как «психологическая разумность».

«Психологическая разумность» (psychological mindedness) – это «способность человека видеть взаимосвязи между мыслями, чувствами и действиями с целью изучения значений и причин своего опыта и поведения» (С.А. Аппельбаум, цит. по Корнилова, Новикова, 2014, с. 63). Психологическая разумность, при такой интерпретации предполагает способность личности к поиску взаимосвязей между своими чувствами, мыслями и действиями, отражает степень заинтересованности в рефлексии над эмоциональной и интеллектуальной сферами. Предпосылкой возможных связей стратегий когнитивной регуляции эмоции и шкалами психологической разумности стало исследование, показавшее, что «психологическая разумность» отрицательно связана с дезадаптивными когнитивными схемами (Secero et al., 2008). «Психологическая разумность» включает компонент эффективности обсуждения своих эмоций с другими людьми, что является одной из стратегий совладающего поведения. О возможном наличии связей между «психологической разумностью» и регуляцией эмоций можно судить по исследованию, в котором студенты с высоким уровнем «психологической разумности» демонстрировали более низкий уровень дистресса в чрезвычайных ситуациях (Beitel et. al., 2005), а также другому, в котором были показаны средние и сильные отрицательные связи между шкалами «психологической разумности» и алекситимией (Nyklíček, Denollet, 2009).

Как показывает обзор, в литературе достаточно примеров изучения связей когнитивных стратегий регуляции эмоций (КСРЭ) и эмоционального

интеллекта, но не изученными остаются связи КСРЭ с эмоциональной креативностью и психологической разумностью. Поскольку ЭК позволяет конструировать новые, аутентичные и эффективные эмоциональные реакции, то может быть задействована в процессах регуляции эмоций. На этом основании мы ожидаем, что ЭК будет положительно связана с эффективными стратегиями регуляции эмоций.

3.2. Исследование 2. Эмоциональная креативность в связях с эмоциональным интеллектом и толерантностью к неопределенности

Цель: установить связи эмоциональной креативности с переменными интеллектуально-личностного потенциала: чертой эмоционального интеллекта, толерантностью к неопределенности и готовностью к риску.

Гипотезы:

1. Эмоциональная креативность положительно связана с чертой эмоционального интеллекта
2. Эмоциональная креативность положительно связана с толерантностью к неопределенности и риском
3. Эмоциональный интеллект, измеренный как черта, положительно связан с толерантностью к неопределенности

Метод

Участники исследования. Студенты гуманитарных и естественнонаучных факультетов МГУ (часть выборки из исследования 1). Гендерное и возрастное распределение выборки представлено в Таблице 8.

Таблица 8. Гендерное и возрастное распределение выборки

Пересечения	Опросник Эмоциональной Креативности Дж. Эверилла	Мужчин	Женщин	M	Min	Max	SD
Новый опросник толерантности к неопределенности	281	42	239	20	17	43	3,2

Опросник черты эмоционального интеллекта	475	138	337	20	17	35	3,0
Импульсивность-7	79	38	41	20,8	18	43	4,80
ЛФР	219	35	184	21	18	43	3,60

В исследовании связей ЭИ и ТН по методикам Trait Emotional Quotient - ЧЭИ и Нового опросника толерантности к неопределенности приняло участие 233 студента, из них 37 мужчин и 196 женщин ($M = 19,7$; $Med = 19$; $SD = 2,5$).

Психодиагностические методики:

1. Опросник Эмоциональной креативности Дж. Эверилла (ОЭК) (Корнилова, Шестова, Павлова, 2020).
2. Новый опросник толерантности к неопределенности (НТН) (Корнилова, 2010а) – русскоязычная апробация методики А. Фернхема, соединившего три предыдущие опросники (О’Коннора, Райделл–Розена и Баднера) Методика содержит 33 пункта, образующие 3 шкалы: *толерантность к неопределенности – ТН* (отражает принятие неопределенности, желание идти новыми путями, поиск новизны и оригинальности в решениях, стремление выйти за рамки ограничений и предпочтение сложных задач простым), *интолерантность к неопределенности – ИТН* (стремление к ясности, упорядоченности во всем, черно-белый взгляд на мир) и *межличностную интолерантность к неопределенности – МИТН* (невозможность принять неопределенность и неупорядоченность в сфере межличностных отношений). Методика предполагает выражение участником согласия или несогласия с предложенным утверждением по шкале от 1 – «полностью не согласен» до 7 – «полностью согласен».
3. Импульсивность-7 Г. и С. Айзенков. В русскоязычной апробации включает 28 пунктов и содержит шкалы: *импульсивности, эмпатии и склонности к риску* (Корнилова, Долныкова, 1995). Измеряет *импульсивность* как снижение контроля, *эмпатию* и *склонность к риску* как стремление к поиску новых, экстремальных ощущений. В

работе использовались только шкалы *импульсивность* и *склонность к риску*.

4. Опросник Личностные Факторы Принятия Решений – ЛФР-21. Шкалы *готовность к риску* - готовность действовать и принимать решения при заведомой недостаточности или недоступности необходимых ориентиров и *рациональность* - готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно более полной ориентировке в ситуации (Корнилова, 2003).
5. Опросник Черты Эмоционального Интеллекта – ЧЭИ (Trait Emotional Intelligence Quotient – TEIQ). Опросник разработан А. Фернхемом и К. Петридесом и предполагает понимание ЭИ в качестве личностной черты. Методика содержит 30 пунктов с балльной оценкой от 1 до 7. Включает 4 шкалы: *благополучие* – общее ощущение благополучия, базирующееся на прошлых достижениях и будущих начинаниях, а также ощущения успеха и наполненности и позитивного настроения; *самоконтроль* – выраженность контроля желаний, порывов, а также устойчивость к давлению и стрессу; *социальность* – направленность личности на социум, характеризует успешные межличностные отношения и уверенность в общении; *снижение эмоциональности* – отражает трудности дифференциации эмоциональных состояний, как своих так и чужих (Крюкова, Шестова, 2020; Панкратова, 2020).

Процедура: участники в течение нескольких встреч заполняли опросники в групповой форме. Применялся корреляционный анализ.

3.2.1. Результаты исследования 2

Для проверки гипотезы 1 - выявления связей ЭК с чертой ЭИ использовался пакет SPSS v.22 с использованием рангового коэффициента корреляции ρ Спирмена. Результаты представлены в Таблице 9. Матрицу

интеркорреляций ЭК, ЭИ как черты и способности с ТН смотри в Приложении 5). Представляемые результаты частично отражены в работе (Шестова, 2021а).

Таблица 9. Связи эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности

	Благополучие	Самоконтроль	Снижение эмоциональности	Социальность
Новизна-уникальность	-0,002	-0,176**	0,099*	0,141**
Готовность размышлять над эмоциями	0,104*	0,126**	-0,061	0,066
Эффективность	0,351**	0,125**	-0,339**	0,425**
Аутентичность	0,266**	-0,049	-0,220**	0,170**
Многообразие порождаемых эмоций	-0,050	-0,224**	0,110	0,067

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Применялся ρ Спирмена.

По результатам корреляционного анализа эмоциональная креативность связана с чертой эмоционального интеллекта. Шкала ОЭК *эффективность* положительно связана со всеми переменными черты ЭИ, кроме *снижения эмоциональности*. *Новизна-уникальность* отрицательно связана с *самоконтролем* и положительно с *социальностью* и *снижением эмоциональности*. *Готовность размышлять над эмоциями* положительно связана с *благополучием* и *самоконтролем*. *Аутентичность* положительно связана со всеми компонентами ЧЭИ, кроме *самоконтроля*. Многообразие порождаемых эмоций отрицательно связано с *самоконтролем*.

Для проверки гипотезы 2 - выявления связей ЭК с ТН и риском использовался пакет SPSS v.22 с использованием рангового коэффициента корреляции ρ Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 10.

Таблица 10. Связи толерантности неопределённости и эмоциональной креативности

Методика	Шкала	ТН	ИТН	МИТН
Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла	Новизна-уникальность	0,353**	-0,038	0,124*
	Готовность размышлять над эмоциями	0,250**	-0,024	0,165**
	Эффективность	0,404**	-0,058	-0,121*
	Аутентичность	0,131*	0,036	-0,130*
	Многообразие порождаемых эмоций	0,365**	-0,096	0,223**

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Применялся r Спирмена.

Как видно из Таблицы 10, все шкалы ОЭК Дж. Эверилла положительно связаны с *толерантностью к неопределенности*. *Эффективность* и *аутентичность* демонстрируют отрицательные связи с *межличностной интолерантностью к неопределенности* (МИТН), а остальные шкалы ОЭК связаны с МИТН положительно. В Таблице 11 представлены связи эмоциональной креативности с риском.

Таблица 11. Связи импульсивности и личностного риска с эмоциональной креативностью

Шкалы ЭК	Импульсивность-7			ЛФР	
	Импульсивность	Склонность к риску	Эмпатия	Готовность к риску	Рациональность
Новизна-уникальность	0,291*	0,213	-0,026	0,167*	-0,129
Готовность размышлять над эмоциями	0,030	0,145	0,192	0,11	0,118
Эффективность	-0,013	0,099	0,122	0,198**	0,02
Аутентичность	-0,125	-0,038	0,062	0,111	0,049
Разнообразие порождаемых эмоций	0,267*	0,245*	0,082	0,055	-0,013

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Применялся r Спирмена

Как следует из Таблицы 11, Шкалы ЭК *новизна* и *разнообразие эмоций* значимо положительно связаны с *импульсивностью*, а *многообразие*

порождаемых эмоций, новизна и эффективность - со склонностью к риску и готовностью к риску.

Результаты проверки гипотезы 3 - выявления связей черты ЭИ с ТН представлены в Таблице 12.

Таблица 12. Связи толерантности к неопределенности и эмоциональной креативности

Методика	Шкала	ТН	ИТН	МИТН
Опросник Черты Эмоционального Интеллекта	Благополучие	0,161*	0,103	-0,175**
	Самоконтроль	-0,066	0,006	-0,275**
	Снижение эмоциональности	-0,104	0,028	0,256**
	Социальность	0,219**	-0,119	-0,289**

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Применялся r Спирмена.

Как следует из Таблицы 12, компоненты черты ЭИ *благополучие* и *социальность* положительно связаны с *толерантностью к неопределенности*. Анализ так же показал отсутствие связей между шкалами ЧЭИ и шкалой *ИТН*. Все шкалы ЧЭИ отрицательно с связаны с *МИТН*, кроме *шкалы снижение эмоциональности*, она связана с *МИТН* положительно.

В исследовании 3 мы показали, что ЭК связана со снижением контроля, что в свою очередь может приводить к трудностям в регуляции эмоций, а значит такая шкала ЭК как *многообразие порождаемых эмоций* продемонстрирует свою исключительность и окажется положительно связан с дезадаптивными стратегиями регуляции эмоций. Для проверки этих положений мы провели исследование 3.

3.3. Исследование 3. Эмоциональная креативность в связях с адаптивными когнитивными стратегиями регуляции эмоций

Анализ литературы, проведенный нами в параграфе 1.2 позволил выявить, недостаточность изучения связей ЭИ, ЭК и когнитивных стратегий регуляции эмоций. Ценность изучения этих связей заключается в том, что согласно модели множественной многоуровневой регуляции ПР, на верхние уровни ДРС могут выходить различные составляющие ИЛП, а значит эмоциональная регуляция ПР может включать: ЭК и ЭИ и когнитивные стратегии регуляции эмоций. Таким образом демонстрация связей ЭК, ЭИ и когнитивных стратегий регуляции позволила бы говорить о едином (функциональном) опосредствовании выборов стратегий когнитивной регуляции эмоций.

Цель: выявить связи эмоциональной креативности, эмоционального интеллекта и «психологической разумности» со стратегиями когнитивной регуляции эмоций.

Гипотезы:

1. Эмоциональная креативность связана с адаптивными стратегиями когнитивной регуляции эмоций: (1.1) *готовность, эффективность и аутентичность* будут положительно связаны с адаптивными стратегиями, а (1.2) *многообразие порождаемых эмоций* с дезадаптивными стратегиями когнитивной регуляции эмоций.
2. Более высокий эмоциональный интеллект как черта и как способность будет связан с когнитивными стратегиями регуляции эмоций: (2.1) *внутриличностный и межличностный ЭИ, управление эмоциями, самоконтроль, благополучие и социальность* положительно связаны с адаптивными стратегиями когнитивной регуляции эмоций, а (2.2) *снижение эмоциональности* положительно связан с дезадаптивными стратегиями.

3. Шкалы «психологической разумности» будут положительно связаны с адаптивными стратегиями когнитивной регуляции эмоций.

Метод

Участники исследования. 299 студентов гуманитарных и естественнонаучных факультетов МГУ. Гендерное и возрастное распределение выборки представлено в Таблице 13.

Таблица 13. Распределение выборки по полу и возрасту

Пересечения	СКРЭ Всего	Мужчин	Женщин	М	Min	Max	SD
Эмоциональная креативность	299	103	196	19,4	17	35	2,5
Эмоциональный Интеллект	220	92	128	19,9	17	35	2,7
Черта Эмоционального Интеллекта	282	97	185	19,4	16	35	2,5
Психологическая Разумность	124	75	49	19,3	17	25	1,5

Психодиагностические методики:

1. Опросник Когнитивных стратегий регуляции эмоций. Разработан Н. Гарнефски и Ф. Крайгом, которые предполагали, что регуляция эмоций осуществляется посредством включения познавательных процессов, и это включение делает возможным совладание с эмоциональными переживаниями в трудных жизненных ситуациях. Опросник состоит из 36 вопросов, ответы даются по шкале от «никогда» до «всегда», каждый ответ оценивается от 1 до 5 баллов. Методика содержит 9 шкал, каждая из которых определяет один из типов стратегий регуляции эмоций: *самообвинение, принятие, руминации, позитивная перефокусировка, фокусирование на планировании, позитивная переоценка, рассмотрение в перспективе, катастрофизация, обвинение других* (Расказова, Леонова, Плужников, 2011).

2. Опросник Черты Эмоционального Интеллекта – ЧЭИ (Trait Emotional Intelligence Questionnaire) в русскоязычной апробации (Крюкова, Шестова, 2020).
3. Опросник Эмоционального Интеллекта – ЭМИн (Люсин, 2009).
4. Шкала «психологической разумности» (Новикова, Корнилова, 2014).
5. Опросник Эмоциональной Креативности Дж. Эверилла – ОЭК (апробация: Корнилова, Шестова, Павлова, 2020).

Процедура: участники в течение нескольких встреч заполняли методики в групповой форме.

3.3.1. Результаты Исследования 3

Результаты **проверки гипотезы 1** – выявлении связей когнитивных стратегий регуляции эмоций с эмоциональной креативностью представлены в Таблице 14.

Таблица 14. Связи когнитивных стратегий регуляции эмоций с эмоциональной креативностью

	Самообвинение	Принятие	Руминации	Позитивная перефокусировка	Фокусирование на планировании	Позитивная переоценка	Рассмотрение в перспективе	Катастрофизация	Обвинение других
Новизна-Уникальность	0,047	0,036	0,247**	0,072	0,019	0,128*	0,058	0,189**	0,072
Готовность размышлять над эмоциями	0,060	0,174**	0,491**	-0,102	0,332**	0,223**	0,028	-0,033	0,029
Эффективность	-0,097	-0,015	0,187**	0,076	0,272**	0,282**	0,116*	-0,146*	0,008
Аутентичность	-0,087	0,007	0,088	0,058	0,165**	0,189**	0,127*	-0,188**	-0,055
Многообразие порождаемых эмоций	0,055	0,082	0,259**	-0,016	-0,040	0,058	0,114*	0,169**	0,095

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Применялся r Спирмена.

Как следует из Таблицы 14, адаптивные стратегии когнитивной регуляции эмоций положительно связаны с эмоциональной креативностью. *Фокусирование на планировании, позитивная переоценка, рассмотрение в перспективе* положительно связаны с ЭК по шкалам *эффективности и аутентичности*. *Готовность размышлять над эмоциями* положительно связана и с *принятием*.

Деадаптивная стратегия регуляции эмоций *катастрофизация* отрицательно связана с *эффективностью и аутентичностью* и положительно с *многообразием порождаемых эмоций и новизной*. *Руминация* положительно связаны со всеми шкалами ЭК кроме *аутентичности*.

Таблица 15. Связи с эмоционального интеллекта как черты и как способности с когнитивными стратегиями регуляции эмоций

	Самообв инение	Прин ятие	Румина ции	Позит ивная переф окуси ровка	Фоку сиров ание на плани рован ии	Позит ивная перео ценка	Рассм отрен ие в персп ектив е	Катас троф изаци я	Обвин ение других
Понимание чужих эмоций	-0,027	-0,017	0,248**	0,056	0,124	0,153*	0,069	-0,099	-0,160*
Управление чужими эмоциями	-0,188**	-0,129	0,023	0,030	0,180*	0,214*	0,013	-0,181*	-0,147*
Понимание своих эмоций	-0,116	-0,072	-0,145*	0,030	0,228*	0,258*	0,075	-0,207*	-0,161*
Управление своими эмоциями	-0,134*	-0,015	-0,156*	0,271*	0,230*	0,392*	0,045	-0,316*	-0,142*
Контроль экспрессии	0,016	0,034	-0,135*	0,097	0,112	0,163*	0,056	0,000	-0,036
Межличностный эмоциональный интеллект	-0,116	-0,062	0,179**	0,062	0,162*	0,201*	0,052	-0,165*	-0,182**

Внутриличностный эмоциональный интеллект	-0,117	-0,020	-0,177**	0,152*	0,260*	0,349*	0,088	-0,231*	-0,141*
Понимание эмоций	-0,093	-0,039	0,086	0,063	0,203*	0,249*	0,097	-0,181*	-0,210**
Управление эмоциями	-0,183**	-0,070	-0,119	0,205*	0,230*	0,342*	0,048	-0,236*	-0,127
Благополучие	-0,161**	-0,084	-0,039	0,183*	0,218*	0,274*	0,009	-0,328*	-0,151*
Самоконтроль	-0,074	-0,041	0,000	0,134*	0,282*	0,273*	-0,035	-0,184*	-0,069
Снижение эмоциональности	0,152*	0,114	0,010	-0,107	-0,249*	-0,232*	0,009	0,274*	0,178**
Социальность	-0,253**	-0,149*	-0,097	0,113	0,106	0,198*	-0,020	-0,234*	-0,069

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Применялся ρ Спирмена. Светло-серым выделены шкалы опросника, измеряющего эмоциональный интеллект как способность, а светло-голубым, как черту.

Как следует из Таблицы 15, адаптивные стратегии когнитивной регуляции эмоций положительно связаны и с отдельными компонентами эмоционального интеллекта, например, *фокусирование на планировании и позитивная переоценка* положительно связаны с *внутриличностным (ВЭИ) и межличностным (МЭИ) эмоциональным интеллектом и управлением своими эмоциями*, а также с *благополучием и самоконтролем*. *Позитивная перефокусировка* положительно связана с эмоциональным интеллектом, по шкалам *ВЭИ, и управлением своими эмоциями, благополучию, самоконтролю*.

Деадаптивные стратегии когнитивной регуляции эмоций: *самообвинение, катастрофизация и обвинение других* отрицательно связаны со следующими компонентами ЭИ: *управлением как своими, так и чужими эмоциями, благополучием, и положительно со снижением эмоциональности*.

«Психологическая разумность» также демонстрирует положительные связи с адаптивными стратегиями (Табл. 16). Со шкалой *желание и готовность обсуждать переживания* положительно связаны такие адаптивные стратегии как: *фокусирование на планировании* и *позитивная переоценка*, а со шкалой психологической разумности *открытость новому опыту* положительно связаны такие адаптивные стратегии как *позитивная перефокусировка* и *позитивная переоценка*. Компоненты психологической разумности: *польза от обсуждения переживаний*, *желание и готовность обсуждать переживания*, *открытость новому опыту* отрицательно связаны с *катастрофизацией*.

Таблица 16. Связи психологической разумности с когнитивными стратегиями регуляции эмоций

	Заинтересованность в сфере переживаний	Доступность переживаний	Польза от обсуждения переживаний	Желание и готовность обсуждать переживания	Открытость новому опыту
Самообвинение	0,182*	0,042	-0,08	-0,017	0,026
Принятие	0,147	-0,107	0,121	-0,015	0,108
Руминации	0,550**	-0,207*	0,114	0,154	0,062
Позитивная перефокусировка	-0,327**	0,213*	0,173	-0,028	0,246**
Фокусирование на планировании	0,207*	0,107	0,017	0,193*	0,154
Позитивная переоценка	0,01	0,061	0,088	0,263**	0,351**
Рассмотрение в перспективе	-0,064	0,034	0,014	-0,076	0,102
Катастрофизация	0,021	0,007	-0,195*	-0,221*	-0,198*
Обвинение других	-0,117	-0,113	-0,053	-0,072	-0,066

Примечание: *p < 0,05; **p < 0,01.

3.4. Обсуждение результатов исследований 2-3

На основании полученных результатов о положительных связях шкал ЭК с компонентами черты ЭИ *благополучием* и *социальностью* мы принимаем гипотезу 1 исследования 2 с уточнением, что ЭК не по всем шкалам положительно связана с ЭИ как чертой: со *снижением эмоциональности* и *самоконтролем* ЭК связана отрицательно. Отрицательные связи ЭК со *снижением эмоциональности* вносят вклад в дивергентную валидность ОЭК, так как ЭК, напротив, предполагает работу с эмоциональной сферой и многообразие эмоций.

Конструирование новых, эффективных и аутентичных эмоциональных реакций способствует повышению благополучия и успешному построению межличностных отношений. ЭК в шкалах *новизны*, *готовности* и *многообразия эмоций* положительно связана с *межличностной интолерантностью*, что является неожиданным результатом. Т.В. Корниловой обосновано понимание шкалы МИТН как двухполюсной, отражающей принятие и непринятие неопределенности в отношениях (Корнилова, 2010а). Взятые вместе эти связи можно интерпретировать следующим образом: подлинное выражение своих эмоций и конструирование эмоциональных реакций эффективных как для личности, так и для общества – относящиеся к категории креативности способствуют снижению непринятия неопределенности в межличностных отношениях. Напротив, когда включаются эмоции, отражающиеся прежде всего в шкале ЭК *многообразии порождаемых эмоций* (шкала фиксирует актуалгенез эмоций, который отрицательно связан с самоконтролем), в меньшей степени в шкале *готовности* (отражающей стремление сознательно развивать свою эмоциональную сферу) это приводит к повышению *интолерантности в межличностных отношениях*.

Эмоциональное творчество требует в значительной степени снижения контроля (см. главу 2, параграф 2.3 и главу 3, параграф 3.2), что может

приводить к более сильным переживаниям и сложностям в регуляции эмоций (это предположение будет проверяться в исследовании 3), а поскольку человек начинает более остро реагировать на события, происходящие в межличностной сфере, поэтому ему сложнее принять неопределенность. На основании этих результатов **мы принимаем гипотезу 2 исследования 2 с уточнением**, что связи ЭК зависят от области, в которой может проявляться отношение к неопределенности: при положительной связи с ТН в предметном мире и мире идей, ЭК связана с повышением *интолерантности к неопределенности* в сфере межличностных отношений (МИТН).

Исследование показывает, что черта ЭИ положительно связана с ТН, что согласуется с данными о положительных связях ЭИ как способности с ТН (Корнилова, 2016а; Павлова, Корнилова 2019). Черта ЭИ демонстрирует отсутствие связей с ИТН, но отрицательные связи с МИТН, эти результаты так же согласуются с полученными ранее (способность ЭИ, измеренная по опроснику ЭИ Д.В. Люсина, также демонстрирует отсутствие связей со шкалой ИТН по Корнилова, 2016а). На основании этих результатов **мы принимаем гипотезу 3** исследования 2 о положительных связях черты ЭИ с ТН.

Поскольку ЭИ положительно связан с готовностью к риску, мы ожидали и положительных связей ЭК с риском. Исследование 2 показало, что только по шкале *многообразие порождаемых эмоций* ЭК связана с *готовностью к риску* как снижением контроля, что хорошо согласуется с полученными нами ранее результатами об отрицательных связях ЭК с *контролем экспрессии и самоконтролем* (см. главу 2, параграф 2.3 и главу 3, параграф 3.2). Связи ТН и риском как готовностью принимать решения в условиях неопределенности показывают, что ЭК включается в процессы принятия решений через *шкалы новизны и эффективности*. Полученные результаты согласуются с имеющимися, в том, что готовность к риску

положительно связана с эффективностью принятия решений (Корнилова, Павлова, 2020).

Эмоциональный интеллект, эмоциональная креативность и психологическая разумность как переменные интеллектуально-личностного потенциала (ИЛП) связаны со стратегиями когнитивной регуляции эмоций. Полученные связи наглядно демонстрируют принцип единства интеллекта и аффекта, предложенный Л.С. Выготским, положенный в основу динамических регулятивных систем – ДРС (Корнилова, 2016а). Образование ДРС, происходящее «здесь и сейчас», структурируемое процессами саморегуляции в ситуации принятия решения, в том числе и в условиях стресса или трудной жизненной ситуации, в компоненте эмоционально-личностной сферы наряду с ЭИ, ЭК и ПР включает и когнитивные стратегии регуляции эмоций. В ситуации принятия решения могут быть актуализированы, как осознанно, так и неосознанно те стратегии регуляции эмоций, которыми человек привык пользоваться. Эти результаты позволяют еще раз подтвердить справедливость принятия множественности процессов, способных опосредствовать принятие решений (Корнилова, 2013).

На основании того, что эмоциональная креативность положительно связана с адаптивными стратегиями регуляции эмоций и отрицательно с дезадаптивными, **мы принимаем гипотезу 1.1. исследования 3.** Исследование подтверждает и положительные связи шкалы *многообразие порождаемых эмоций* с дезадаптивными стратегиями, **в результате гипотеза 1.2. исследования 3 принимается полностью.** Результаты исследования 3 частично отражены в публикации (Шестова, 2019б).

Адаптивная стратегия *позитивной перефокусировки*, предполагающая умение извлекать опыт, выявлять позитивный смысл из сложившейся ситуации включает в том числе, направленность личности на свои переживания положительно связана с ЭИ, что в совокупности и приводит к восстановлению психологического благополучия. При такой стратегии весь

опыт, в том числе эмоциональный доступен, но *самоконтроль* не позволяет углубиться в эмоциональную сферу. *Самоконтроль* помогает избежать излишних переживаний и стойко перенести случившиеся события.

Основываясь на полученных результатах, **мы принимаем гипотезу 2.1. исследования 3** о положительных связях ЭИ с адаптивными стратегиями и отрицательных связях с дезадаптивными стратегиями.

Гипотеза 2.2. исследования 3 также принимается, так как были установлены положительные связи компонента эмоционального интеллекта *снижение эмоциональности с дезадаптивными стратегиями регуляции эмоций*.

Адаптивная стратегия регуляции эмоций – *принятие* положительно связана с *готовностью размышлять над своими эмоциями* и отрицательно с *социальностью*. *Принятие* требует размышлений над ситуацией и эмоциями, которые возникли в этой ситуации и этот процесс предполагает уединенность, погруженность в себя и временное отстранение от социума. Стратегия *рассмотрение в перспективе* положительно связана только со шкалами эмоциональной креативности: *эффективностью, аутентичностью и многообразием эмоций*. Поскольку *рассмотрение в перспективе* предполагает сравнение текущей ситуации с возможными событиями, а это в свою очередь, требует умения представить какие бы эмоции испытал человек, оказавшись в другой ситуации, то есть включались бы процессы конструирования возможной эмоциональной реакции. В момент первичного представления возможной ситуации могут возникнуть самые разнообразные эмоции, это значит, что на первый план выходит актуалгенез эмоций. Такое конструирование требует также *аутентичности* – подлинности чувств, человек должен представить, какие эмоции он бы испытал, оказавшись в другой ситуации. *Эффективность* может способствовать выработке уместной и полезной эмоциональной реакции на текущую ситуацию уже после сравнения с воображаемой: «вот

если бы случилось то, что я представил, я бы действительно расстроился, но поскольку этого не произошло, то я могу этому порадоваться».

Полученные в нашем исследовании результаты согласуются с предыдущими, ранее демонстрировались положительные связи между способностью ЭИ (по тесту MSCEIT) и такими адаптивными стратегиями регуляции эмоций как: *фокусирование на планировании, позитивная переоценка и рассмотрение в перспективе*, и отрицательно с дезадаптивной стратегией *катастрофизация* (Extremera et al., 2020). Несмотря на то, что тесты, использованные в нашем исследовании и Экстремеры разные, мы получили согласованные результаты и в том, что касается позитивных связей ЭИ с дезадаптивной стратегией *руминации*. Связи ЭИ и *руминаций*, понимаемой как «пережевывание» эмоций, являются неоднозначными, так в нашем исследовании были получены положительные связи ЭИ, измеренной как способности в компонентах *межличностного ЭИ* и *понимания чужих эмоций*, а ЭИ измеренный как черта в компоненте *социальность* отрицательно связан с *руминацией*, что соответствует результатам метаанализа, в котором были обнаружены отрицательные связи ЭИ и как черты и как способности с *руминацией* (Peña-Sarrionandia et al., 2015).

Психологическая разумность связана и с проблемно-ориентированными копингами (Folkman, Moskowitz, 2004), результаты нашего исследования согласуются с этими данными, так как были получены связи «психологической разумности» и *фокусировании на планировании*, как стратегии, направленной на размышление о том, какие шаги целесообразно предпринять для преодоления сложившейся ситуации. На основании этих результатов **мы принимаем гипотезу 3** о положительных связях «психологической разумности» с *адаптивными стратегиями когнитивной регуляции эмоций* и отрицательных с *дезадаптивными*, с уточнением: *шкала заинтересованность в сфере переживаний* положительно связана с *такими дезадаптивными стратегиями как: руминации и самообвинение*.

Как мы отмечали, демонстрация связей ЭК, ЭИ и когнитивных стратегий регуляции позволила бы говорить о едином (функциональном) опосредствовании выборов стратегий когнитивной регуляции эмоций, и, их функционально едином участии в процессах эмоциональной регуляции. Полученные связи ЭИ, ЭК, «психологической разумности» и когнитивных стратегий регуляции эмоций позволяют принять это положение. Образование ДРС как единиц функционирования единого интеллектуально-личностного потенциала, происходящее «здесь и сейчас», структурируемое процессами саморегуляции в ситуации принятия решения, в том числе и в условиях стресса или трудной жизненной ситуации, в компоненте эмоционально-личностной сферы наряду с ЭИ, ЭК и ПР включает и когнитивные стратегии регуляции эмоций. В ситуации принятия решения могут быть актуализированы те стратегии регуляции эмоций, которые свойственны человеку в условиях его жизнедеятельности.

3.5. Выводы по главе 3 и заключение

Выводы:

1. Лица с большими ЭК и ЭИ обладают большей *толерантностью к неопределенности и готовностью к риску*, при этом *аутентичное (подлинное) выражение своих эмоций и конструирование эмоциональных реакций эффективных* как для личности, так и для общества, способствуют снижению *непринятия неопределенности в межличностных отношениях*, и напротив, когда эмоций много, что отражается в шкале ЭК *многообразии порождаемых эмоций*, а также при высоких показателях *новизны и готовности размышлять над эмоциями* – это наоборот связано с повышением *интолерантности в межличностных отношениях*.
2. Эмоциональная креативность положительно связана с *толерантностью к неопределенности и межличностной*

интолерантностью к неопределенности, т.е. проявление ЭК ситуативно и может способствовать принятию нового и неизвестного, а в межличностных отношениях, напротив, затруднять преодоление неопределенности.

3. Шкала ЭК *многообразие порождаемых эмоций* связана с риском как снижением контроля, а риск как готовность принимать решения в условиях неопределенности положительно связан со шкалами *новизны* и *эффективности*, т.е. в ситуации возникновения многообразия эмоций лица склонны терять контроль и принимать более рискованные решения.
4. Лица, обладающие высокими показателями ЭК, «психологической разумности» и ЭИ (измеряемого в качестве черт или способности), склонны использовать адаптивные стратегии когнитивной регуляции эмоций (нежели дезадаптивные); эти связи позволяют говорить о единых динамических регулятивных системах как интеграции процессов, опосредствующих становление стратегий когнитивной регуляции эмоций.

Заключение: полученные результаты расширяют данные о связях копинг-стратегий с переменными интеллектуально-личностного потенциала, дополняя включением когнитивных стратегий регуляции эмоций. Копинги и стратегии регуляции эмоций имеют общее звено – способствуют совладанию с трудной жизненной ситуацией: копинги – на уровне поведения, а стратегии регуляции эмоций – на уровне эмоций. Демонстрация связей стратегий регуляции эмоций с ЭИ, ЭК и «психологической разумности» позволяют говорить о едином функциональном опосредствовании выборов стратегий когнитивной регуляции эмоций и становлении динамических регулятивных систем как интегративных единиц эмоционально-личностной регуляции принятия решений.

Полученные результаты позволяют принять все выдвинутые гипотезы: адаптивные стратегии регуляции эмоций положительно связаны как со шкалами эмоциональной креативности и эмоционального интеллекта, так и со шкалами «психологической разумности», дезадаптивные стратегии положительно связаны со снижением эмоциональности, и отрицательно с со шкалами эмоциональной креативности и эмоционального интеллекта.

Исследования 2-3 позволили показать, что понятие эмоциональной сферы является «зонтичным» термином и включает широкий спектр конструктов: эмоциональный интеллект, стратегии регуляции эмоций и эмоциональную креативность (Корнилова, 2016а; Корнилова и др. 2020). Эстетический опыт (ЭО), возникающий в результате встречи субъекта с объектом искусства, включающий внимание, когниции и эмоции можно отнести к эмоциональной сфере, так как большинство авторов, разрабатывающих концепции ЭО включают в него эмоции (Cupchik, Winston, 1996; Marcovic, 2012; Mastandrea, 2014). Эстетический опыт можно рассматривать также как и эмоциональный интеллект – как единство аффекта и интеллекта, в виду того, что ряд концепций ЭО наряду с эмоциями, включает и процессы оценки, относящиеся к сфере когниций (см. когнитивные теории ЭО: Leder et al., 2004; Locher, Overbeeke, Wensveen, 2010; Pelowski, Akiba, 2011; Redies, 2015 и др.).

ЭК, как мы показывали в параграфе 1.3. демонстрирует связи с вовлеченностью в искусство (Trnka, et al., 2016), а также с открытостью опыту – фасеткой «эстетики» (Averill, 1999; Ivcevic et al., 2007). Поскольку ЭК и эстетический опыт относятся к одной сфере мы ожидаем, что ЭК будет предсказывать эстетическую отзывчивость, а также что ЭК может участвовать и в возникновении эстетической отзывчивости, понимаемой как эмоциональное переживание красоты (Armstrong, Detweiler-Bedell, 2008) и эстетических эмоций. Эмоции, в том числе, более специфические – эстетические напрямую не входят в интеллектуально-личностный потенциал, но через включение в эмоциональную креативность могут

оказывать влияние на процесс принятия решений в условиях неопределенности. В связи с чем необходимо отдельно изучить вклад эстетических эмоций в процессы принятия решений. Ценность такого исследования определяется в том числе отсутствием работ, посвященных изучению вклада эмоциональной креативности и эстетических эмоций в процессы принятия решений.

ГЛАВА 4. ВКЛАД ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ В ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

4.1. Постановка проблемы исследований 4-5

4.1.1. Проблематика изучения роли эмоций в принятии решений с использованием игровых моделей

Ряд исследований показывает, что эмоции, в том числе и эстетические, влияют на принятие решений (Lerner, 2015; Menninghaus et al., 2019; Silvia, 2009; Silvia, Brown, 2007). Так, эмоции влияют на принятие финансовых решений (Zaleskiewicz, Traczyk, 2020), медицинских решений (Kozlowski et al., 2017), моральных выборов (Tao et al., 2020), на участие в азартных играх (Kushnir et al., 2016), мотивируют потребительское поведение (Achar et al., 2016). Эмоции влияют и на выбор доверять или нет: положительные инцидентные эмоции (счастье и благодарность возникшие в результате получения подарка) повышают уровень доверия, напротив негативные эмоции (злость) понижает уровень доверия (Dunn, Schweitzer, 2005). Другие авторы критикуют последнее исследование и показывают, что негативные эмоции могут снизить доверие, но только в случае, если человека одолевает чувство неуверенности (Mayers, Tingley, 2016).

Исследование Дж. Данна и М. Швейцера строилось на классификации эмоций по основанию контроля, это значит, что есть чувства и эмоции, которые характеризуются индивидуальным контролем и заставляют человека верить в то, что именно он контролирует ситуацию, к таким эмоциям относится, например, тревога. Гнев, напротив характеризуется тем, что заставляя человека верить, что ситуацией управляет не сам индивид, а другой человек (Smith, Ellsworth, 1985). Предполагалось, что лица, испытывающие эмоции, которые заставляют их верить, что другой человек контролирует ситуацию, будут использовать свое эмоциональное состояние, чтобы решить, доверять или нет. Ученым удалось показать, что гнев (отрицательная валентность) и благодарность (положительная валентность),

эмоции с сильной оценкой «Индивидуальный контроль - Другой», влияют на уровень доверия, в то время как чувство гордости и вины, аналогично валентные эмоции с сильной оценкой «Индивидуальный контроль - Я», не влияют на доверие (Dunn, Schweitzer, 2005).

Не умаляя полученных результатов, Дэниэл Майерс и Дастин Тингли критиковали это исследование за то, что не был учтен важный фактор – уверенность, понимаемая как «степень, в которой будущие события кажутся предсказуемыми и понятными (высокими) по сравнению с непредсказуемыми и непонятными (низкими)» (Lerner, Keltner, 2000, p. 479). В связи с этим было выдвинуто новое предположение: когда человек испытывает эмоцию высокой уверенности, его эмоциональное состояние мало повлияет на доверие, измеренное методикой “Trust Game”. Однако, когда участники исследования испытывают эмоцию низкой уверенности, они будут использовать валентность своего текущего аффективного состояния, чтобы предсказать исход будущего события. Ученым удалось показать, что тревога – эмоция с низкой степенью уверенности, оказывает негативное влияние на доверие, в то время как гнев и чувство вины, две эмоции, которые отличаются в своих оценках контроля, но вызывают одинаковый высокий уровень уверенности, не оказывают никакого явного влияния на доверительное поведение (Mayers, Tingley, 2016).

Как мы видим, в двух исследованиях были получены весьма противоречивые результаты влияния эмоций на доверие. Эти различия в первую очередь могут быть связаны с процедурой измерения доверия: опросником и моделируемой игровой ситуацией, провоцирующей реальные поведенческие паттерны. Вполне вероятно, что эти два метода на самом деле измеряют различные конструкции; как отмечалось ранее, показатели доверия, измеренного анкетой, в большей степени предсказывают поведение, заслуживающее доверия, чем доверительное поведение в “Trust Game” (Glaeser et al., 2000). Еще одно исследование, в котором изучалось влияние эмоций, через эмоциональный прайминг на доверие, измеренное методикой

“Trust Game” (в качестве партнера по игре показывалось изображение гневного или улыбающегося лица) показало, что испытуемые доверяют меньше при игре с партнером, который показывает гневное лицо, а вот улыбающийся партнер не способствует повышению доверия (Campellone, Kring, 2013) и эти данные разошлись с предыдущими результатами, показавшими, что улыбающиеся лица способствуют большему доверию, нежели нейтральные (Scharlemann et al., 2001). Эти различия, возможно могут быть объяснены количеством игр, в исследовании Т. Кампеллони и А. Кринга участники играли 16 игр, в исследовании Дж. Шарелеманна только одну.

Материал, на котором можно изучать принятие решений (ПР), весьма разнообразен. Экономические игры, подробно описаны К. Чиваи и Д. Хьюис (Civai, Hawes, 2016), который пишет, что такие игры как: «Ультиматум», «Диктатор», «Доверие» чаще всего используются специалистами в области нейроэкономики и нейробиологии для исследования когнитивных и нейронных основ соблюдения социальных норм. Так, например, игра «Диктатор» используется для изучения справедливости, «Ультиматум» игра – для изучения альтруизма, «Доверие» для изучения доверия или социального капитала.

Как показал обзор литературы, эмоции способны влиять и на принятие решений о доверии в том числе. Доверие как феномен включает три составляющие: (1) уверенность, например, в том, что личные потребности будут удовлетворены, (2) вложения личных ресурсов (например, эмоций, времени, денег) с ожиданием будущих преимуществ, (3) риск, поскольку тот, кому мы доверяем, может не оправдать ожиданий или злоупотребить инвестициями (Couch, Jones, 1997).

Искусство способно вызывать эмоции: «Восприятие произведения искусства — активный творческий процесс воссоздания зрителем идей, образов, видения мира и отношения к нему художника. Как процесс творческого воспроизведения, он опосредован личностью зрителя, его имплицитной теорией мира, себя и других и, следовательно, несет в себе

дифференциально психологические аспекты» (Петренко, 2014, стр. 16). Встреча с арт-объектом вызывает эмоциональный отклик и личностную включенность у смотрящего. У ученых не вызывает сомнения тот факт, что искусство способно порождать эмоции (Выготский, 1925; Дорфман, 1996; В.М. Аллахвердов, 2001; Д.А. Леонтьев, 1992; Марцинковская, 2008; и др.).

В психологии искусства и эстетики принято выделять несколько основных направлений исследований: к *первой* линии относится изучение личности творца и процесса создания произведения искусства, *вторая* линия изучает само произведение искусства (методология, предложенная Л.С. Выготским), а *третья* – восприятие субъектом объектов искусства (Петренко, 2014; Tinio, Smith, 2014; Locher et al., 2020). Наше исследование идет по третьей линии, и предполагает изучение *влияния демонстрируемых картин – художественных изображений – на принятие решений в моделируемой игровой ситуации «Доверие» через эстетические эмоции.*

В приведенных в предыдущем параграфе исследованиях в основном изучалось влияние инцидентных и интегральных эмоций (которые возникают в ситуации принятия решения и могут быть либо немедленно ощутимы в момент выбора, либо предвосхищены как потенциальный аффективный результат принятия решения). Мы же ставим перед собой задачу изучить влияние специфического вида эмоций – эстетических эмоций, которые могут возникнуть, когда человек воспринимает и оценивает некоторый стимул, с точки зрения его эстетической привлекательности, чаще всего при восприятии объектов искусства (Tinio, Smith, 2014) на принятие решений в моделируемой игровой ситуации «Доверие». Предметом исследования выступает именно вклад эстетических эмоций в предпочтение стратегий принятия решений. Во-первых, про роль базовых, дискретных или интегральных эмоций достаточно изучена, а во-вторых, эстетические эмоции наиболее близки к процессу творчества. Дж. Эверилл, при разработке конструкта эмоциональной креативности не ставил акцент на том, какие именно эмоции могут выступать продуктом

творческой активности. В связи с чем мы предполагаем, что ЭК задействована в большей степени при конструировании новых, аутентичных и эффективных эстетических эмоций.

Анализ литературы (см. главу 1, параграф 1.2.3.) показывает, что связи ЭК с различными видами творческой активности изучались, однако неизвестным остается вклад ЭК в эстетическую отзывчивость или сопричастность к красоте как основу эстетического опыта и вовлеченности в искусство разных видов в целом. Мы предполагаем, что именно ЭК является предиктором эстетической отзывчивости, а не наоборот, так как ЭК относится к более высоким уровням самосознания и предполагает возможность включения процессов рефлексии. А эстетическая отзывчивость оказывается свойством второго порядка, надстройкой над ЭК, возникающей в результате умения личности конструировать новые и эффективные эмоциональные реакции. В пользу наличия возможных связей ЭК и сопричастности к красоте говорят исследования, показавшие положительные связи между эстетическим опытом и креативностью (Myszkowski et al., 2014; Stojilović, 2017) и связи ЭК с когнитивной и художественной креативностью (Averill, 2005; Fuchs, et al., 2007; Валуева, Ушаков, 2010; Gutbezahl, Averill, 1996; Feist, Barron, 2003).

Как мы отмечали, на принятие решений могут влиять не только эстетические эмоции, но и личностные особенности участников исследования. Так авторами игры «Доверие» отмечалась необходимость измерения склонности к риску при использовании игры «Доверие». Однако на принятие решений, в частности о доверии, могут влиять и другие диспозициональные переменные, например, импульсивность, понимаемая нами вслед за Г. Айзенком как снижение контроля, эмоциональная креативность, а также базовые убеждения о доверии миру, отражающие глубинный уровень самосознания личности и не всегда доступные рефлексии.

Исследования 4 – 5 включают не только игровую ситуацию «Доверие», позволяющую моделировать ситуацию принятия решения и изучать реальное поведение участников исследования, и модулирование эстетических эмоций, но и предполагают измерение личностных свойств участников. Связь эмоциональной и когнитивной сферы опосредствована в искусстве смысловой сферой личности, из этого следует, что искусство затрагивает в человеке все основные сферы: личностную, когнитивную, эмоциональную и духовную (Юнг, 1987).

В список измеряемых личностных переменных включены: эмоциональная креативность – способная, за счет составляющих рефлексии, выходить на верхние уровни самосознания личности; импульсивность как переменная, отражающая снижение контроля и склонность к риску, относящиеся к нижним уровням самосознания человека; а также базисные убеждения о доверии миру, отражающие глубинные уровни самосознания личности. Названные выше личностные переменные включены для выяснения их вклада в процессы принятия решений в условиях неопределенности.

Эстетические эмоции могут возникать в ответ на различный спектр стимулов от музейных экспонатов до природных ландшафтов (Tinio, Smith, 2014). Так, например, ученые показали, что произведения искусства (картины художников П. Мондриана и В. Кандинского) по-разному влияют на принятие решений, в случае демонстрации картин направления неопластицизма П. Мондриана у испытуемых выше вероятность подвергнуться влиянию эвристик и совершить неверный выбор (за счет истощения когнитивных ресурсов), чем в случае демонстрации картин экспрессионизма В. Кандинского (Kim et al., 2020).

В нашем исследовании, с целью исключения возможной заданности восприятия стимулов (картины великих творцов узнаваемы, и вместе с тем располагают к определенному отношению и эмоциональным реакциям) было решено отобрать картины малоизвестных современных художников.

Критерий современности позволяет исключить влияние эпохи, в которой творил мастер. Поскольку были использованы цветные изображения стимулов, невозможно исключить влияние цвета.

Исследование влияния эстетических эмоций на принятие решений в парадигме прайминга ставит перед нами ряд вопросов, во-первых, сколько времени необходимо демонстрировать стимул, чтобы содержание картины было воспринято и воспринято верно; во-вторых, как обосновать, что воспринятый стимул действительно осознавался или не осознавался; в-третьих, различаются ли эффекты прайминга в зависимости от включения маски. Далее мы постараемся последовательно ответить на поставленные вопросы, но прежде изложим понимание прайминга в отечественной психологии.

Проблематика прайминга является одной из актуальнейших тем для исследований. Статья, написанная А. Койфман, поднимающая вопрос о соотношении прайминга и более близкого понятия установки, породила дискуссию. А.Г. Асмолов отметил, что за такими понятиями как антиципация, сенсорная и моторная преднастройка, установка, прайминг скрывается механизм преадаптации к неопределённости, а сам прайминг понимается как: «частный случай перцептивной готовности, обусловленный операционализацией экспериментальных процедур в когнитивной психологии» (Асмолов, 2016, стр. 27). При этом подчеркивается важность усмотрения в прайминге механизма предвосхищения. Преднастройка способствует преодолению ситуации неопределенности. И мы предположили, что преднастройка, заданная валентностью, предъявляемой перед принятием решения картины, может повлиять на предпочтение стратегий выборов во взаимодействии с игровым противником.

Для ответа на первый вопрос о том, сколько времени достаточно для извлечения содержания прайминга обратимся к специальной литературе. Парадигма аффективного прайминга работает с использованием широкого спектра стимулов, включая слова (Fazio et al., 1986) и изображения (Hermans

et al., 1994). М. Лочер в серии экспериментов показал, что длительность предъявления прайминга в 100 мс достаточна для того, чтобы субъект воспринял аффективное содержание произведения искусства (Locher et al., 2008). Тот факт, что средняя продолжительность фиксации взгляда в этом исследовании составляла около 300 мс, указывает на то, что первые впечатления от произведений искусства были основаны на информации, полученной не более чем с первых нескольких взглядов на картину. Кроме того, доказательством того, что общее впечатление от произведения искусства действительно было достигнуто с первого взгляда, является тот факт, что оценки удовольствия для ограниченного и неограниченного времени просмотра высоко коррелировали. Это предполагает, что оценка произведения искусства может быть произведена очень быстро. Так же в качестве стимула могут выступать изображения лиц (Murphy, Zajonc, 1993).

Исследования аффективного прайминга с использованием мимики лица показывают, что мимика может действовать как непосредственный возбудитель аффекта: испытуемые способны обнаруживать эмоциональные выражения лица, даже если прайминг неосознаваемый, и это обнаружение влияет на оценки целевых стимулов (Niedenthal, 1990). Эти данные подтверждают недавнее исследование, в котором стимул (лицо) демонстрировался на протяжении 200 мс и 1,000 мс, и в этом случае не совсем правомерно говорить о подпороговом прайминге, в исследовании не была обнаружена разница в эффектах прайминга (Yang et al., 2018). В другом новейшем исследовании было показано, что подпороговый аффективный прайминг (стимул – испуганные лица – демонстрировался на протяжении 16 мс) с маской оказывает конгруэнтное влияние на последующий стимул (Tanaka et al., 2021). Схожие результаты были получены и на детях, с той разницей, что на оценку последующего стимула влияли радостные и злые лица, а лица нейтральные и зашумленные не оказывали значимого эффекта (Nava, Turati, 2020).

Сознательный аффективный прайминг тоже демонстрирует более сильный эффект в начальных предъявлениях, однако в дальнейшем он сохраняется в силе (Wong, Root 2003). Другие исследования показали, что эмоциональный прайминг срабатывает только тогда, когда человек сообщает хотя бы о кратком проблеске (когда длительность прайминга составляет порядка 25-42 мс). Если испытуемый сказал, что он вообще ничего не видел, даже мельком, то делается вывод о том, что прайминг не оказал никакого воздействия (Lohse, Overgaard, 2019). Это открытие бросает вызов «классической» парадигме прайминга, постулирующей возможность неосознанного восприятия стимула.

Прайминг можно понимать в том числе через категорию подсказки (Лаптева, Валуева, 2011). В нашем исследовании применяется парадигма маскированного прайминга. Предполагается, что стимул (картины) разной валентности будет модулировать эстетические эмоции и, как следствие, дальнейшее принятие решений будет осуществляться под влиянием вызванного эмоционального состояния. *Прайминг, в нашем исследовании призван модулировать эмоциональные состояния и посредством механизма эмоционального предвосхищения включен в эмоциональную регуляцию ПР.*

Вторым вопросом было то, как определить степень осознаваемости прайминга. Как измерить бессознательную обработку обсуждается давно, как и различные плюсы и минусы субъективных и объективных показателей (Sterzer et al., 2014). Не существует общепринятого «золотого стандарта» для измерения осознанности, поэтому важно уточнить степень измеряемой бессознательной обработки (Rothkirch, Hesselmann, 2017). В нашем исследовании степень осознанности предъявляемых стимулов оценивалась в самом начале эксперимента с помощью шкалы перцептивной осведомленности (Ramsøy, Overgaard, 2004).

Третий вопрос, который требует ответа, связан с маской. Стандартная процедура предъявления прайминга включает в себя предъявление до и после основного стимула зашумленную картинку, которая маскирует

прайминг. Парадигма с маской обычно используются для создания эффектов подпорогового прайминга. В таких исследованиях маска, демонстрируется в течение более длительного периода времени, чем стимул. Маска нужна для обеспечения того, чтобы стимулы, вызывающие эмоциональные реакции не воспринимались сознательно. Обе маски должны быть изображениями, которые не содержат узнаваемого объекта (Peláez et al., 2016). В целом в ситуации исследования подпорогового эмоционального прайминга чаще используют парадигму с маской (Balconi, Ferrari, 2012; Kongthong et al., 2013). Однако была показана спорная роль предъявления маски в эффектах когнитивного прайминга: были получены два критических результата: (1) значительный эффект прайминга возникал даже, когда он замаскирован, и (2) выраженность прайминга не зависела от наличия или отсутствия маски. Другими словами, несмотря на то, что маска снижала точность вербального сообщения до случайного уровня, она практически не влияла на величину эффекта семантического прайминга (Cheesman, Merikle, 1984).

Подводя итог, можно сказать, что однозначных ответов на вопросы мы получить не смогли, в связи с чем, в нашем исследовании используется вариант с маской для минимизации сознательного восприятия прайминга, два времени предъявления стимула: короткий (33 мс) и длинный (500 мс), а для контроля осознаваемости стимулов мы воспользовались шкалой перцептивной осведомленности (Ramsøy, Overgaard, 2004).

Цель исследований 4 – 5: изучить вклад когнитивной и эмоциональной регуляции (посредством эстетических эмоций) и индивидуальных различий участников (по переменным эмоциональной креативности, импульсивности, риска, базового доверия миру) на процесс принятия решений в игре «Доверие», а также выявить связи эмоциональной креативности с эстетической отзывчивостью как личностной диспозициональной переменной.

Общая гипотеза исследований 4 – 5. В ситуации неопределенности на верхние уровни иерархии динамических регулятивных систем может

выходить как когнитивная регуляция (построение критериев ПР на основе учета стратегии компьютерного противника), так и эмоционально-личностная регуляция: эстетические эмоции (позитивные, нейтральные и негативные), модулируемые праймингом, а также личностные диспозициональные переменные (эмоциональная креативность, склонность к риску и базовое доверие миру) будут влиять на ЗП *«Количество решений с ориентацией на доверие»* и *«Выигрыш»* в моделируемой игровой ситуации, а эмоциональная креативность будет предсказывать эстетическую отзывчивость, благодаря чему возможно влияние эмоционального прайминга, представленного в форме картин современных художников.

Гипотезы исследования 4:

1. Эмоциональная регуляция, осуществляемая посредством позитивных эстетических эмоций, увеличивает, а посредством негативных – уменьшает *«Количество решений с ориентацией на доверие»* и *«Выигрыш»* в моделируемой игровой ситуации.
2. Чем больше время предъявления прайма (33 мс, 66 мс или 500 мс), тем в большей степени участник ориентируется на актуализируемые эстетические эмоции при принятии решений в моделируемой игровой ситуации.
3. Когнитивная регуляция процессов принятия решений, проявляющаяся в учете участником стратегии компьютерного противника (*«Имитатор»*, *«Детектив»* и *«Злопамятный»*), приводит к изменению стратегии участника.

Гипотезы исследования 5:

1. Эмоциональная креативность положительно связана с эстетической отзывчивостью;
2. Эмоциональная креативность является предиктором эстетической отзывчивости.
3. Предикторами *«Количества решений с ориентацией на доверие»* и *«Выигрыша»*, в моделируемой игровой ситуации являются эмоциональная

креативность, импульсивность, склонность к риску и базовые убеждения о доверии миру.

В связи с тем, что запас знаний относительно теории игр может оказать влияние на успешность в игре «Доверие», мы проведем дополнительное исследование, в котором сравним психологов, далеких от знаний о теории игр и имеющих мало представлений о теории ожидаемой полезности, и экономистов, обладающих специальными знаниями в этой области.

Дополнительно мы провели исследование 6. Оно понадобилось, поскольку можно было предполагать, что профессиональная принадлежность участников будет сказываться на ПР; так экономисты, лучше знакомые с экспериментальным материалом, могут выигрывать большее количество условных монет, используя выгодные стратегии доверия. Следующим предположением стало то, что личностные свойства склонности к риску, импульсивности, эмоциональной креативности наряду с убеждениями личности в доброту мира будут включены в процессы принятия решений в игре «Доверие». Результаты проверки гипотез дополнительного исследования 6 представлены в Приложении 6.

4.1.2. Общая схема исследований. Экспериментальная модель игры «Доверие» и личностные переменные

Игра «Доверие» относится к классу бескоалиционных (игроки не имеют возможности договориться заранее о том, как будут ходить) статических игр (участники ходят одновременно, а после каждого хода узнают как ходил другой игрок) с ненулевой суммой (игра предполагает выигрыш и проигрыш участников), неполной информацией (это значит, что игроки, по крайней мере один из игроков не располагает полной информацией о платежных функциях других игроков) и конечным числом

возможных стратегий (кооперация и предательство). В нашем исследовании мы использовали вариант расширенной «дилеммы заключенного» – повторяющаяся «дилемма заключенного», особенностью которой является то, что игроки заранее не знают сколько ходов им нужно будет сделать, что в свою очередь расширяет количество возможных стратегий. Доверие в теории игр, понимается как результат расчета максимальной полезности и рационального выбора.

Использование игры «Доверие» ставит перед вопросом: а действительно ли игра измеряет такую переменную как доверие, или же иные конструкты, например альтруизм и риск? Ответы на эти вопросы мы нашли в следующих исследованиях. Первое показало, что игра «Доверие» не измеряет альтруизм (Brülhart, Usunier, 2012), а другое исследование, что в итоговых результатах игры действительно присутствует смешение переменных доверие и риска, и ученые отмечают необходимость контроля личностной черты риска для валидного измерения доверия (Chetty et al., 2021). Стоит отметить, что хотя валидность игры была проверена авторами (Chetty et al., 2021) впервые, существует ряд исследований, которые в свое время показали связи риска и доверия; так, например, в ситуации низкого риска доверие значимо ниже, чем в ситуации высокого риска (Koller, 1988). Одно из последних исследований подтверждает найденные ранее закономерности о связях риска и доверия. Исследователи (Marth et al., 2020) показали, что доверие связано не только с риском, но и с регулированием, понимаемом как создание определенных правил внутри сообщества совместного пользования. Наличие мягкого регулирования приводит к повышению уровня обоснованного доверия и увеличивает неявное доверие на вертикальном уровне (Marth et al., 2020). При разработке схемы исследования мы учитывали не только влияния склонности к риску, но и импульсивности и базового доверия / недоверия миру, как дополнительных переменных.

Метод

Участники. Выборку составили 79 студентов (41 женщин и 38 мужчин в возрасте от 17 до 39 лет, $M = 20,8$; $SD = 4,8$). Из них 25 обучались на экономическом факультете и 54 – на психологическом факультета.

Экспериментальная модель. Для эксперимента была написана компьютерная программа. Прототипом нашей компьютерной программы выступила онлайн игра «Эволюция доверия» бостонского геймдизайнера Ника Кейса (расположенная по адресу: <https://ncase.me/trust/>). И хотя код нашей программы был написан с нуля, идея графического дизайна нашей игры была заимствована у оригинальной версии. На личном сайте Ника Кейса есть разрешение на использование и модификацию его продукции в некоммерческих целях (<https://ncase.me/>).

Схема предъявления стимулов: в ситуации предъявления стимула на 33 мс: сначала испытуемому демонстрируется инструкция к задаче: «Что ты выберешь: довериться или обмануть?», затем предъявляется фиксационная точка (700 мс), затем маска (200 мс), после стимул (33 мс), снова маска (200 мс) и затем на экране появляются две активные кнопки: «довериться» и «обмануть», делая выбор, испытуемый нажимает на соответствующую кнопку (см. рис. 3). Между сериями перерыв 10 секунд. В ситуации предъявления стимула на 500 мс, схема эксперимента сохраняется, меняется только время демонстрации стимула с 33 мс до 500 мс и время показа маски с 200 мс до 500 мс.

Мы отобрали 36 картин, написанных художниками, отвечающими следующим критериям: а) это современные художники (творившие на рубеже 20-21 веков); б) картины художников выставлялись в музеях или частных коллекциях; в) имеют профессиональное художественное образование или они являются членами профессиональных художественных сообществ. Предварительно отобранные картины, которые использовались в качестве прайма, были оценены 23 экспертами. Отобранные на первом этапе 36 картин (по 12 картин на каждый тип прайма) оценивались

экспертами по шкале от -3 до +3, где -3 определенно негативное содержание, а +3 определенно позитивное, 0 – нейтральное. В эксперимент были включены только те картины, которые более 80% экспертов оценили строго на +3, 0 или -3. В итоге в эксперимент было включено 18 картин, по шесть картин на каждую валентность (с полным набором праймов можно ознакомиться в Приложении 7).

Процедура основного эксперимента

Эксперимент проводился в групповой форме: каждый участник сидел за персональным компьютером. Все участники знали, что у них разные условия игры, но никто не знал, чем условия отличаются между собой.

Эксперимент состоял из нескольких этапов:

1. *Первый этап эксперимента* заключался в выяснении степени осознаваемости испытуемыми предъявляемых стимулов (длительность показа 33 мс и 500 мс). На этом этапе предъявлялись стимулы из другого набора (не вошедшие в итоговый набор стимулов, демонстрируемых в эксперименте). Участники сообщали о степени своей перцептивной осведомленности по шкале перцептивной осведомленности (Ramsøy, Overgaard, 2004) в следующем диапазоне: (1) отсутствие опыта, (2) краткий проблеск, (3) почти ясный опыт, (4) ясный опыт.
2. После оценки степени перцептивной осведомленности испытуемые на экране монитора видели инструкцию к игре «Доверие», затем играли пробную серию без стимулов, чтобы освоиться с игрой, а после пробной серии игр, начиналась стадия эксперимента.
3. После того как участники завершали этап игры, они заполняли опросники.

Дизайн. Применялся смешанный факторный план эксперимента: $3 \times 3 \times 3$, включающий три управляемых фактора (3 независимые переменные): время предъявления прайма (33 мс, 66 мс и 500 мс); тип компьютерного противника («Имитатор» – копирует ходы испытуемого;

«Детектив» – при первом ходе доверяет, затем обманывает, оставшиеся 3-4 хода доверяет; «Злопамятный» – всегда начинает с доверия, но, если испытуемый хотя бы раз его обманет, далее всегда не доверяет); валентность прайма (нейтральная, позитивная, негативная). Время предъявления прайма – межгрупповая переменная, а время предъявления и валентность прайма – интраиндивидуальные.

Последовательность предъявления стимулов: в ситуации предъявления прайма на 33 мс: сначала испытуемому демонстрируется инструкция к задаче: «Что ты выберешь: довериться или обмануть?»; затем предъявляется фиксационная точка (700 мс), затем маска (200 мс), после – прайм (33 мс); снова маска (200 мс) и затем на экране появляются две активные кнопки: «довериться» и «обмануть». Совершая выбор, испытуемый нажимает на соответствующую кнопку (см. рис. 3). Между сериями (игра с одним типом компьютерного противника) перерыв 10 секунд – для устранения эффектов последовательности, в это время на экране демонстрируется обратный отсчет времени от 10 до 1. В ситуации предъявления прайма другой длительности (66 мс и 500 мс), последовательность предъявления стимулов такая же, изменяется только время показа маски – 140 мс и 500 мс соответственно.

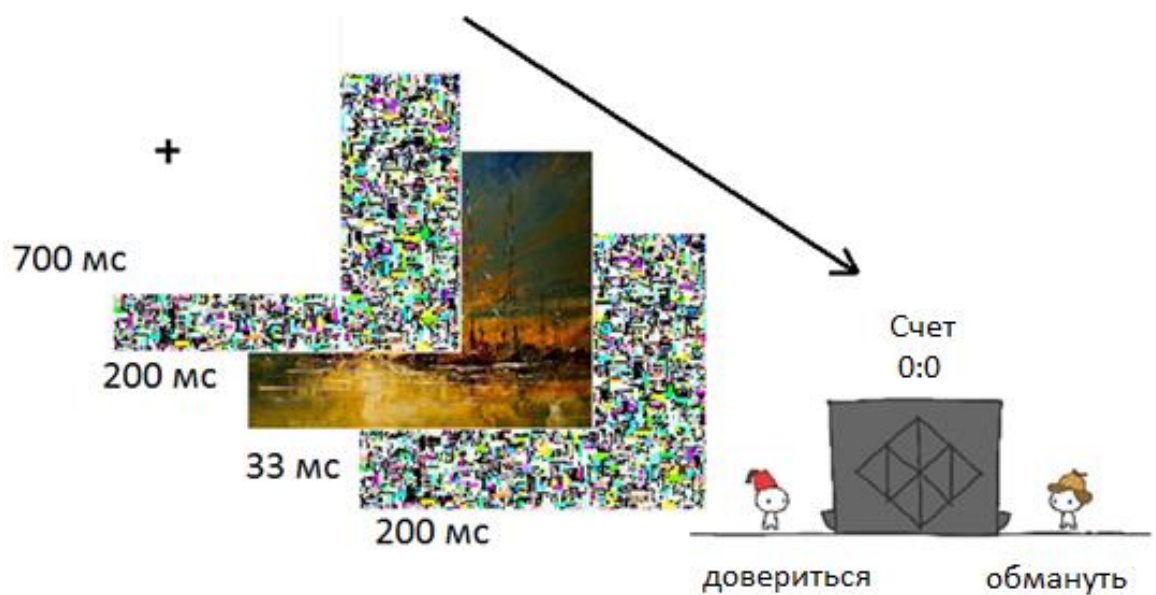

Рисунок 3. Последовательность предъявления стимулов

Таблица 17. Схема эксперимента

№ серии	Условие №1		Условие №2		Условие №3		Условие №4	
	Игрок	Стимул	Игрок	Стимул	Игрок	Стимул	Игрок	Стимул
1	1	1	1	2	3	1	3	2
2	1	0	1	0	3	0	3	0
3	1	2	1	1	3	2	3	1
4	2	1	2	2	2	1	2	2
5	2	0	2	0	2	0	2	0
6	2	2	2	1	2	2	2	1
7	3	1	3	2	1	1	1	2
8	3	0	3	0	1	0	1	0
9	3	2	3	1	1	2	1	1
Порядок	прямой	прямой	прямой	обратный	обратный	прямой	обратный	обратный

Примечание. В условиях 1,2,3,4 – длительность показа стимула - 33 мс, а в условиях 5,6,7,8 – 500 мс. Последовательность стимулов и игроков в усл. №1 равна усл. №5, в усл. 2 равна усл. №6, в усл. №3 равна усл. №7, а в усл. №4 равна усл. №8.

Типы стратегий компьютерных игроков были взяты из книги Р. Аксельрода «Эволюция доверия» (Axlerod, 2006), на первом шаге основанием выбора стратегий служила возможность ее реализации за 5 ходов, на втором шаге – возможность представить противоположные: кооперирующиеся и обманывающие стратегии.

Стратегии компьютерных противников: противник 1 – «Имитатор», копирует ходы испытуемого. Если испытуемый доверяет, то противник 1 тоже доверяет, если испытуемый обманывает противника 1, то в следующий ход противник 1 обманывает испытуемого. Игрок 2 – «Детектив»: первый ход доверие, затем обман, оставшиеся 3-4 хода доверяет. Если испытуемый его обманывает хотя бы раз, то играет как «имитатор», если более одного раза, то всегда жульничает. Игрок 3 – «Злопамятный», всегда начинает с доверия, но, если испытуемый хотя бы раз его обманет, далее всегда жульничает.

Зависимые переменные: количество выборов доверия (сумма выборов доверия по каждой серии из 5 игр с одним и тем же игроком и стимулом), выигрыш (сумма выигранных условных монет после серии из 5 игр с одним

и тем же игроком и стимулом), время, затраченное на принятие решения (записывается от момента завершения демонстрации стимула, до нажатия на кнопку «довериться» или «обмануть»). Еще несколькими зависимыми переменными стали суммы выборов доверия (сумма выборов доверия со всеми тремя типами игроков, но при одной валентности стимула), и сумма выигрыша (сумма выигранных условных монет со всеми тремя типами игроков, но при одной валентности стимула), итого еще 6 переменных.

Эксперимент включал две серии. В первой серии – исследование 4.1. демонстрируется счет и прайминг, модулирующий эмоции, а во второй серии только прайминг. Тем самым исключается когнитивная регуляция. Первая серия экспериментов построена таким образом, что в ней не заданы критерии выборов, то есть испытуемому нужно будет их самостоятельно сконструировать и определиться на что он будет опираться при принятии решения: на когнитивную регуляцию (стратегию противника и счет) или на эмоциональную регуляцию (на эмоции, модулируемые праймингом). Вторая серия экспериментов – исследование 4.2. – построена таким образом, чтобы выявить именно эмоциональную регуляцию процесса ПР, поэтому во второй серии демонстрируется только прайминг.

Психодиагностические методики:

1. Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла в нашей апробации (Корнилова, Шестова, Павлова, 2020).
2. Опросник Импульсивность-7 Г. и С. Айзенков в русскоязычной апробации включает 28 пунктов и содержит шкалы: *импульсивности, эмпатии и склонности к риску*, предполагает разную обработку баллов для мужских и женских выборок (Корнилова, Долныкова, 1995). Измеряет *импульсивность* как снижение контроля, *склонность к риску* – как стремление к поиску новых, экстремальных ощущений. В работе использовались только две шкалы: *импульсивность* и *склонность к риску*.

3. Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман (в адаптации Падун, Котельниковой, 2008). Методика разработана в рамках когнитивной концепции базовых убеждений личности, Опросник содержит пять субшкал, отражающих убеждения о *доброжелательности / враждебности окружающего мира* (доверять безопасно), *справедливости* (каждый человек получает то, что заслуживает), *контроле* (я могу контролировать то, что происходит в моей жизни), *ценности и значимости собственного Я* (я хороший и достойный человек) и об *удаче* (я удачлив, мне везет). В исследовании использовалась только шкала доброжелательности/враждебности окружающего мира.
4. Шкала Эстетических Эмоций (ЭстЭм), разработанная группой ученых, занимающихся проблематикой эмпирической эстетики (Schindler, Hosoya, Menninghaus, Beermann, Wagner, 2017). Авторы придерживались позиции, что эстетические эмоции являются отдельным, специфическим видом эмоций. В оригинальном варианте методика включает семь шкал, которые охватывают *прототипические эстетические эмоции* (например, чувство красоты, волнение, восхищение и благоговение), *эпистемические эмоции* (например, интерес и понимание) и *эмоции, указывающие на развлечение* (юмор и радость). Кроме того, субшкалы отражают как *активирующие* (энергия и жизненная сила), так и *успокаивающие* (расслабление) эффекты эстетических переживаний, а также *негативные эмоции*, которые могут вызывать эстетическое недовольство (например, чувство уродства, скуки и замешательства). Методика представлена в нашей апробации и включает 5 шкал: (с бланком методики и ее психометрическими показателями можно ознакомиться в Приложении 8).

4.2. Исследование 4. Когнитивная и эмоциональная регуляция процесса принятия решений

Цель исследования 4.1 изучить влияние когнитивной и эмоциональной регуляции (посредством эстетических эмоций) на процесс принятия решений в игре «Доверие».

Гипотезы исследования 4.1:

1. Эмоциональная регуляция, осуществляемая посредством позитивных эстетических эмоций, увеличивает, а посредством негативных – уменьшает ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш», в моделируемой игровой ситуации.
2. Чем дольше предъявление праймирующих стимулов (500 мс или 33 мс), вызывающих эстетические эмоции, тем в большей степени участник ориентируется на эстетические эмоции при принятии решений в моделируемой игровой ситуации.
3. Когнитивная регуляция принятия решений проявляется в учете участником стратегии компьютерного игрока: в условиях с «Имитатором» и «Злопамятным» - кооперирующимися противниками, участники склонны выбирать аналогичные стратегии, а в условиях с «Детективом» - обманывающим первым, участники склонны выбирать конкурирующие стратегии.

4.2.1. Результаты первой серии экспериментов

Прежде, чем перейти описанию результатов необходимо показать, что эстетические эмоции, модулируемые отобранным набором стимулов, во-первых, действительно оказывали влияние, а во-вторых, оказывали различное влияние. Каждый участник после основного этапа эксперимента заполнял Шкалу Эстетических Эмоций (ЭстЭм) три раза. Сначала участнику предъявлялись нейтральные стимулы – отобранный комплект картин современных художников. На экране компьютера случайным

образом появлялись картины из набора «нейтральные» и после просмотра всех 6 картин участник заполнял ЭстЭм. Затем, участнику предъявлялся второй набор картин – «позитивный» и после просмотра всех 6 картин участник снова заполнял ЭстЭм. И наконец, в третий раз шкала заполнялась после просмотра «негативного» набора стимулов. Стимулы предъявлялись испытуемому с частотой 1 стимул раз в 5 секунд, такая частота была выбрана не случайно.

Как показал Лочер, предъявления картины в течение 100-300 мс достаточно, чтобы испытуемый воспринял аффективное содержание работы, то есть произвёл эстетическую оценку произведения искусства (Locher et al., 2008). С другой стороны, 5 секунд будет явно недостаточно для включения в процесс оценки рефлексии и размышлений над увиденным, то есть у испытуемого останется некоторое первое аффективное впечатление от произведения. Психометрические показатели Шкалы Эстетических Эмоций и бланк методики можно увидеть в Приложении 8. При помощи критерия Фридмана были сравнены баллы, полученные испытуемым после просмотра каждого из набора картин. Результаты парных сравнений представлены в Таблице 18. Выборка включает 78 человек вместо 79, так как один участник не заполнил психодиагностические методики.

Таблица 18. Сравнение баллов по шкале ЭстЭм в зависимости от валентности предъявляемого стимула

Шкала ЭстЭм: Негативно-эпистемические эстетические эмоции	N	Ранг	χ^2	df	Значимость
Нейтральные эстетические эмоции	78	1,61	91,407	2	0,000
Позитивные эстетические эмоции		1,53			
Негативные эстетические эмоции		2,87			
Шкала ЭстЭм: Позитивно-расслабляющие эстетические эмоции	N	Ранг	χ^2	df	Значимость
Нейтральные эстетические эмоции	78	2,51	90,600	2	0,000
Позитивные эстетические эмоции		2,35			
Негативные эстетические эмоции		1,14			

Шкала ЭстЭм: Позитивно-заряжающие эстетические эмоции	N	Ранг	χ^2	df	Значимость
Нейтральные эстетические эмоции	78	2,26	24,508	2	0,000
Позитивные эстетические эмоции		2,19			
Негативные эстетические эмоции		1,56			
Шкала ЭстЭм: Негативные эстетические эмоции	N	Ранг	χ^2	df	Значимость
Нейтральные эстетические эмоции	78	2,94	111,659	2	0,000
Позитивные эстетические эмоции		1,57			
Негативные эстетические эмоции		1,49			
Шкала ЭстЭм: Прототипические эстетические эмоции	N	Ранг	χ^2	df	Значимость
Нейтральные эстетические эмоции	78	2,83	89,659	2	0,000
Позитивные эстетические эмоции		1,76			
Негативные эстетические эмоции		1,41			

Как показывает Таблица 18, участники исследования набирают разные баллы по шкалам опросника Эстетических Эмоций в зависимости от предъявляемого стимула, поэтому для уточнения обнаруженных различий было выполнено попарное сравнение см. Табл. 19.

Таблица 19. Post-hoc анализ баллов по шкале ЭстЭм в зависимости от валентности предъявляемого стимула

Выборки	Статистика критерия	Значимость
Шкала ЭстЭм: Негативно-эпистемические эстетические эмоции		
Позитивные эстетические эмоции Нейтральные эстетические эмоции	-0,83	0,603
Негативные эстетические эмоции Позитивные эстетические эмоции	1,340	0,000
Нейтральные эстетические эмоции Негативные эстетические эмоции	1,256	0,000
Шкала ЭстЭм: Позитивно-расслабляющие эстетические эмоции		
Позитивные эстетические эмоции Нейтральные эстетические эмоции	-0,167	0,894
Негативные эстетические эмоции Позитивные эстетические эмоции	-1,205	0,000
Нейтральные эстетические эмоции Негативные эстетические эмоции	-1,372	0,000
Шкала ЭстЭм: Позитивно-заряжающие эстетические эмоции		
Позитивные эстетические эмоции Нейтральные эстетические эмоции	-0,071	0,660
Негативные эстетические эмоции Позитивные эстетические эмоции	-0,628	0,000
Нейтральные эстетические эмоции	-0,699	0,000

Негативные эстетические эмоции		
Шкала ЭстЭм: Негативные эстетические эмоции		
Позитивные эстетические эмоции Нейтральные эстетические эмоции	-1,365	0,000
Негативные эстетические эмоции Позитивные эстетические эмоции	-0,077	0,631
Нейтральные эстетические эмоции Негативные эстетические эмоции	-1,442	0,000
Шкала ЭстЭм: Прототипические эстетические эмоции		
Позитивные эстетические эмоции Нейтральные эстетические эмоции	-1,077	0,000
Негативные эстетические эмоции Позитивные эстетические эмоции	-0,346	0,092
Нейтральные эстетические эмоции Негативные эстетические эмоции	-1,423	0,000

Таблица 19 показывает, что отобранный набор стимулов модулирует эстетические эмоции разной валентности, статистически значимые различия обнаружены почти по всем шкалам опросника для негативных и позитивных стимулов, и для нейтральных и негативных стимулов.

Для проверки гипотезы 1 мы использовали критерий Фридмана и сравнили «Количество решений с ориентацией на доверие» в условиях демонстрации разных стимулов: «позитивных», «нейтральных» и «негативных». Различий в «Количестве решений с ориентацией на доверие» в условиях демонстрации стимулов, моделирующих разные эстетические эмоции не выявлено: $\chi^2 = 1,117$; $df = 2$; $p = 0,572$.

При помощи критерия Фридмана также сравнивались «Выигрыши» участников в условиях демонстрации стимулов, вызывающих позитивные, нейтральные или негативные эмоции», различия не выявлены: $\chi^2 = 0,183$; $df = 2$; $p = 0,913$.

Для проверки гипотезы 2 применялся критерий Манна-Уитни, отвечающий на вопрос: различаются ли две независимые выборки по ЗП «Выигрыши» и «Количество решений с ориентацией на доверие» в разных сериях игр в зависимости от времени предъявления стимула. Применение критерия Манна-Уитни не выявило значимых различий между «Количеством решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыши» при

разной длительности предъявления стимула (результаты расчета см. Приложениях 9 и 10). С учетом того, что в первой серии экспериментов прайминг не оказал влияния – эти результаты являются ожидаемыми.

Для проверки 3 гипотезы – выяснении есть ли различия в распределении частот ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» в разных экспериментальных условиях применялся критерий согласия χ^2 Пирсона (см. Табл. 20).

Таблица 20. Результаты расчета хи-квадрата Пирсона для ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш»

Зависимые переменные	χ^2	df	Значимость
Выигрыш_Игрок1_Стимул0	191	9	0,000
Выигрыш_Игрок1_Стимул1	150	7	0,000
Выигрыш_Игрок1_Стимул2	156	8	0,000
Выигрыш_Игрок2_Стимул0	37	7	0,000
Выигрыш_Игрок2_Стимул1	18	6	0,010
Выигрыш_Игрок2_Стимул2	29	7	0,000
Выигрыш_Игрок3_Стимул0	245	10	0,000
Выигрыш_Игрок3_Стимул1	152	7	0,000
Выигрыш_Игрок3_Стимул2	248	11	0,000
Доверие_Игрок1_Стимул0	90	5	0,000
Доверие_Игрок1_Стимул1	96	5	0,000
Доверие_Игрок1_Стимул2	84	5	0,000
Доверие_Игрок2_Стимул0	21	5	0,001
Доверие_Игрок2_Стимул1	32	5	0,000
Доверие_Игрок2_Стимул2	11	5	0,063
Доверие_Игрок3_Стимул0	103	5	0,000
Доверие_Игрок3_Стимул1	65	4	0,000
Доверие_Игрок3_Стимул2	89	5	0,000

Как следует из Таблицы 20, различия между теоретическими и эмпирическими частотами значимы, а значит условия эксперимента различаются между собой.

Для проверки гипотезы 3 был применен критерий χ^2 Фридмана: сравнивались ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» в серии игр с разными противниками (результаты в Таблице 21).

Во всех условиях прайминга «Количество решений с ориентацией на доверие» больше при игре со «Злопамятным» и «Имитатором», чем с «Детективом», который обманывает первым. «Выигрыш» в условии нейтрального прайминга больше с «Имитатором», чем с «Детективом», в условиях позитивного и негативного прайминга.

Таблица 21. Результаты сравнений по ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» с одним и тем же праймингом, но разным компьютерным противником

Сравниваемые условия	Ранги	Стандартная статистика критерия	Скорректированная значимость
Нейтральный прайминг $\chi^2 = 21,054$; df = 2; p = 0,000			
Выигрыш «Детектив» - «Злопамятный»	1,65 - 2,03	-2,322	0,061
Выигрыш «Детектив» - «Имитатор»	1,65 - 2,32	4,163	0,000
Выигрыш «Имитатор» - «Злопамятный»	2,32 - 2,03	1,841	0,197
Нейтральный прайминг $\chi^2 = 30,796$; df = 2; p = 0,000			
Доверие «Детектив» - «Злопамятный»	1,59 - 2,14	-3,443	0,002
Доверие «Детектив» - «Имитатор»	1,59 - 2,27	4,243	0,000
Доверие «Имитатор» - «Злопамятный»	2,27 - 2,14	0,423	1,000
Позитивный прайминг $\chi^2 = 14,298$; df = 2; p = 0,001			
Выигрыш «Детектив» - «Злопамятный»	1,69 - 2,10	-2,602	0,028
Выигрыш «Детектив» - «Имитатор»	1,69 - 2,21	3,282	0,003
Выигрыш «Имитатор» - «Злопамятный»	2,21 - 2,10	0,681	1,000
Позитивный прайминг $\chi^2 = 18,816$; df = 2; p = 0,000			
Доверие «Детектив» - «Злопамятный»	1,68 - 2,13	-2,842	0,013
Доверие «Детектив» - «Имитатор»	1,68 - 2,19	3,163	0,005
Доверие «Имитатор» - «Злопамятный»	2,19 - 2,13	0,749	1,000
Негативный прайминг $\chi^2 = 14,826$; df = 2; p = 0,001			
Выигрыш «Детектив» - «Злопамятный»	1,69 - 2,08	-2,442	0,044
Выигрыш «Детектив» - «Имитатор»	1,69 - 2,24	3,443	0,002
Выигрыш «Имитатор» - «Злопамятный»	2,24 - 2,08	0,317	0,951
Негативный прайминг $\chi^2 = 25,071$; df = 2; p = 0,000			
Доверие «Детектив» - «Злопамятный»	1,63 - 2,21	-3,603	0,001
Доверие «Детектив» - «Имитатор»	1,63 - 2,15	3,243	0,004
Доверие «Имитатор» - «Злопамятный»	2,15 - 2,21	0,719	1,000

Итак, результаты первой серии показывают, что ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» в серии игр с

«Детективом», обманывающим первым, значительно меньше, чем в сериях игр с «Имитатором» и «Злопамятным». В случае, если у участников эксперимента есть возможность выбрать, на что опираться в ситуации неопределенности, предпочтение отдается когнитивной, но не эмоциональной регуляции. В итоге проведения первой серии экспериментов принимается только 3 гипотеза о влиянии типа компьютерного игрока на принятие решений. В связи с тем, что дизайн эксперимента не позволил проверить 2 другие гипотезы, нами будет проведена вторая серия экспериментов, включающая только предъявление эмоционального прайминга, но не счета, чтобы исключить возможную опору на когниции.

4.2.2. Результаты второй серии экспериментов

Ввиду того, что экспериментальная модель с последовательным предъявлением эмоционального прайминга и счета не позволила выявить влияние именно эмоциональной регуляции, нами была построена *вторая серия* экспериментов, включающая только предъявление эмоционального прайминга, модулирующего эстетические эмоции.

Цель исследования 4.2. изучить влияние эмоциональной регуляции (посредством эстетических эмоций) на процесс принятия решений в игре «Доверие».

Гипотеза исследования 4.2:

1. Эстетические эмоции («позитивные», «нейтральные» и «негативные»), влияют на ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» в моделируемой игровой ситуации.
2. Чем больше время предъявления прайминга (500 мс, 66 мс или 33 мс), тем в большей степени участник ориентируется на эстетические эмоции при принятии решений в моделируемой игровой ситуации.

Мы не выдвигаем снова гипотезу о влиянии компьютерного игрока потому, что без демонстрации счета у участников исследования не будет

возможности оценить стратегию компьютерного игрока, и как следствие ориентироваться на нее.

Метод

Участники. 108 студентов (88 женщин и 20 мужчин в возрасте от 18 до 43 лет, $M = 22,7$; $SD = 6,2$). Все студенты психологического факультета МГУ.

Процедура. Одной части выборки (30 студентов в возрасте от 18 до 30 лет; $M = 20,26$; $SD = 3,1$) предъявлялся прайминг с длительностью 33 мс, второй части (38 студентов в возрасте от 18 до 26 лет; $M = 20,1$; $SD = 1,65$) – 500 мс, а третьей части выборки (40 студентов в возрасте от 18 до 43 лет; $M = 27,0$; $SD = 8,05$) – 66 мс.

Результаты

Во второй серии экспериментов для проверки гипотезы 1 был применен критерий Фридмана: сравнивались ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» в серии игр с разным праймингом, который демонстрировали в течение 500 мс (см. Табл. 22).

Таблица 22. Результаты сравнений по ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» с одним и тем же компьютерным противником, но разным праймингом, демонстрируемым 500 мс.

Сравниваемые условия	Ранги	Стандартная статистика критерия	Скорректированная значимость
«Имитатор» $\chi^2 = 17,397$; $df = 2$; $p = 0,000$			
Выигрыш «Негативный» - «Нейтральный»	1,50 - 2,12	2,696	0,021
Выигрыш «Негативный» - «Позитивный»	1,50 - 2,38	3,843	0,000
Выигрыш «Позитивный» - «Нейтральный»	2,38 - 2,12	-1,147	0,754
«Имитатор» $\chi^2 = 23,045$; $df = 2$; $p = 0,000$			
Доверие «Негативный» - «Нейтральный»	1,41 - 2,28	3,785	0,000
Доверие «Негативный» - «Позитивный»	1,41 - 2,32	3,957	0,000
Доверие «Позитивный» - «Нейтральный»	2,32 - 2,28	0,863	1,000
«Детектив» $\chi^2 = 6,244$; $df = 2$; $p = 0,044$			
Выигрыш «Негативный» - «Нейтральный»	2,30 - 1,89	-1,778	0,226
Выигрыш «Негативный» - «Позитивный»	2,30 - 1,80	-2,179	0,088
Выигрыш «Позитивный» - «Нейтральный»	1,80 - 1,89	0,401	1,000
«Детектив» $\chi^2 = 18,403$; $df = 2$; $p = 0,000$			

Доверие «Негативный» - «Нейтральный»	1,49 - 2,25	3,327	0,003
Доверие «Негативный» - «Позитивный»	1,49 - 2,26	3,384	0,002
Доверие «Позитивный» - «Нейтральный»	2,26 - 2,25	-0,057	1,000
«Злопамятный» $\chi^2 = 9,892$; df = 2; p = 0,007			
Выигрыш «Негативный» - «Нейтральный»	1,62 - 2,24	2,696	0,021
Выигрыш «Негативный» - «Позитивный»	1,62 - 2,14	2,294	0,065
Выигрыш «Позитивный» - «Нейтральный»	2,14 - 2,24	-0,401	1,000
«Злопамятный» $\chi^2 = 23,045$; df = 2; p = 0,000			
Доверие «Негативный» - «Нейтральный»	1,34 - 2,28	4,072	0,000
Доверие «Негативный» - «Позитивный»	1,34 - 2,38	4,513	0,000
Доверие «Позитивный» - «Нейтральный»	2,38 - 2,28	-0,459	1,000

Когда у участников актуализируются *негативные* эстетические эмоции, они реже выбирают кооперирующиеся стратегии (меньше доверяют противнику) и, как следствие, выигрывают *меньше условных монет* (для игры с противниками «Имитатор» и «Злопамятный»).

А когда у участника актуализируются *позитивные* или *нейтральные* эстетические эмоции он чаще выбирает *кооперирующиеся* стратегии и выигрывает *больше монет* (для игры с противниками «Имитатор» и «Злопамятный»).

Во второй серии экспериментов для проверки гипотезы 2 был также применен критерий Фридмана: сравнивались ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» в серии игр с разным праймингом, который демонстрировали в течение 66 мс (см. Табл. 23).

Таблица 23. Результаты сравнений по ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» с одним и тем же компьютерным противником, но разным праймингом, демонстрируемым 66 мс.

Сравниваемые условия	Ранги	Стандартная статистика критерия	Скорректированная значимость
«Имитатор» $\chi^2 = 15,516$; df = 2; p = 0,000			
Выигрыш «Негативный» - «Нейтральный»	1,60 - 2,01	1,845	0,195
Выигрыш «Негативный» - «Позитивный»	1,60 - 2,39	3,522	0,001
Выигрыш «Позитивный» - «Нейтральный»	2,39 - 2,01	0,094	0,281
«Имитатор» $\chi^2 = 11,034$; df = 2; p = 0,004			
Доверие «Негативный» - «Нейтральный»	1,64 - 2,12	2,180	0,088

Доверие «Негативный» - «Позитивный»	1,64 - 2,24	2,683	0,022
Доверие «Позитивный» - «Нейтральный»	2,24 - 2,12	-0,503	1,000
«Детектив» $\chi^2 = 10,463$; df = 2; p = 0,005			
Выигрыш «Негативный» - «Нейтральный»	2,36 - 1,84	-2,516	0,036
Выигрыш «Негативный» - «Позитивный»	2,36 - 1,80	-2,348	0,057
Выигрыш «Позитивный» - «Нейтральный»	1,84 - 1,80	-0,168	1,000
«Детектив» $\chi^2 = 20,243$; df = 2; p = 0,000			
Доверие «Негативный» - «Нейтральный»	1,52 - 2,12	2,683	0,022
Доверие «Негативный» - «Позитивный»	1,52 - 2,35	3,384	0,002
Доверие «Позитивный» - «Нейтральный»	2,35 - 2,12	-0,057	1,000
«Злопамятный» $\chi^2 = 15,016$; df = 2; p = 0,001			
Выигрыш «Негативный» - «Нейтральный»	1,89 - 1,69	-0,894	1,000
Выигрыш «Негативный» - «Позитивный»	1,89 - 2,42	2,404	0,049
Выигрыш «Позитивный» - «Нейтральный»	2,42 - 1,69	-3,298	0,003
«Злопамятный» $\chi^2 = 20,069$; df = 2; p = 0,000			
Доверие «Негативный» - «Нейтральный»	1,65 - 1,88	1,006	0,943
Доверие «Негативный» - «Позитивный»	1,65 - 2,48	3,690	0,001
Доверие «Позитивный» - «Нейтральный»	2,48 - 1,88	-2,683	0,022

Как показывает таблица 23 при демонстрации аффективного прайминга длиной 66 мс различия обнаруживаются преимущественно между позитивным и негативным условием (для игры с противниками «Имитатор» и «Злопамятный»). Различия между позитивным и нейтральным праймингом обнаруживаются при игре со «Злопамятным» и «Детективом»: и «Выигрыш» и «Количество решений с ориентацией на доверие» меньше в случае с нейтральным праймингом.

При демонстрации прайминга длиной 33 мс значимых различий обнаружено не было.

4.3. Исследование 5. Эмоциональная креативность в личностной регуляции принятия решений

Цели исследования:

1. выявить связи эмоциональной креативности и с эстетической отзывчивостью, как личностной диспозициональной переменной;

2. выявить вклад эмоциональной креативности в личностную регуляцию принятия решений.

Гипотезы:

1. Эмоциональная креативность положительно связана с эстетической отзывчивостью;
2. Эмоциональная креативность является предиктором эстетической отзывчивости.
3. Предикторами зависимой переменной «Количество решений с ориентацией на доверие» в моделируемой игровой ситуации являются диспозициональные переменные: эмоциональная креативность, импульсивность, склонность к риску и базовые убеждения о доверии миру.

Участники исследования для проверки гипотез 1 и 2 – новая выборка: 317 студентов (248 женщин и 69 мужчин в возрасте от 17 до 45 лет, $M = 20,8$; $SD = 6,0$)

Для проверки гипотезы 3 – те же, что и в исследованиях 4.1. Выборку составили 79 человек (42 женщин и 36 мужчин в возрасте от 17 до 39 лет, $M = 20,3$; $SD = 4,7$). Из них 20 – студентов экономического факультета и 58 – студента психологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Для двух участников не сохранились данные эксперимента, но сохранились данные опросников, поэтому выборка по составу отличается от той, что представлена в исследовании 4 на несколько человек.

Методики:

1. Игра «Доверие» (Bergman, 1995);

Психодиагностические методики:

1. Опросник Импульсивность-7 (Корнилова, Долянкина, 1995).
2. Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла (Корнилова, Шестова, Павлова, 2020).
3. Шкала базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульманн (Падун, Котельникова, 2008).

4. Шкала сопричастности к красоте адаптирована на российской выборке (Сабадош, 2017). Методика измеряет меру эстетической отзывчивости в компоненте сопричастности красоте (акцент в этом термине делается только на аффективной составляющей переживания). Опросник в русскоязычной версии состоит из 18 пунктов, образующих четыре шкалы сопричастности красоте разных видов: *природы, искусства, поступков и идей*. Каждая из этих шкал фиксирует различные аспекты сопричастности: *когнитивный, телесный, эмоциональный, и духовный*. Кроме того, шкалы видов красоты образуют шкалу второго порядка — общей красоты.

4.3.1. Результаты исследования 5

Таблица 24. Связи эмоциональной креативности и эстетической ОТЗЫВЧИВОСТЬЮ

Красота	Новизна-уникальность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффективность	Аутентичность	Разнообразие порождаемых эмоций
Природы	0,306***	0,279***	0,304***	0,184*	0,321***
Искусства	0,163*	0,207**	0,287***	0,169*	0,202**
Поступков	0,220***	0,258***	0,314***	0,211**	0,292***
Идей	0,155***	0,193*	0,255***	0,164*	0,165**
Домен	Новизна-уникальность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффективность	Аутентичность	Разнообразие порождаемых эмоций
Когнитивный	0,108	0,241***	0,348***	0,190*	0,195**
Соматический	0,273***	0,242***	0,316***	0,237***	0,280***
Эмоциональный	0,165*	0,268***	0,333***	0,249***	0,253***
Духовный	0,233***	0,240***	0,349***	0,226***	0,220***

Примечание: результаты в Таблице даны с учетом поправки Бонферрони: * $p < 0,01$ ** $p < 0,0003$; *** $p < 0,00005$.

Как видно из Таблицы 24, эмоциональная креативность во всех шкалах демонстрирует положительные связи с эстетической отзывчивостью и, что для нас особенно актуально с отзывчивостью в сфере искусства. Аутентичность связана в большей степени с конкретными аспектами сопричастности к красоте, чем с красотой в общем. Аутентичность связана с эстетической отзывчивостью в теле, эмоциональной и духовной сферах.

Таблица 25. Результаты проверки регрессионных моделей предикторов эстетической отзывчивости

Модель 1	<i>B</i>	<i>SE</i>	<i>β</i>	<i>P</i>
Эффективность	0,215	0,053	0,270	0,000
Новизна-Уникальность	0,130	0,051	0,170	0,012
Adj-R ²	0,159			
Модель 2	<i>B</i>	<i>SE</i>	<i>β</i>	<i>P</i>
Эффективность	1,019	0,214	0,348	0,000
Готовность размышлять над эмоциями	0,494	0,242	0,149	0,042
Adj-R ²	0,218			
Модель 3	<i>B</i>	<i>SE</i>	<i>β</i>	<i>P</i>
Эффективность	1,037	0,199	0,354	0,000
Многообразие порождаемых эмоций	0,413	0,187	0,150	0,028
Adj-R ²	0,221			

Как показал регрессионный анализ, наилучшей моделью является – третья, шкалы эмоциональной креативности *эффективность* и *многообразие порождаемых эмоций* объясняют около 22-х процентов вариации переменной *эстетического опыта*.

Таблица 26. Модели предикторов *Количества решений с ориентацией на доверие*

Предикторы	Коэффициент <i>B</i>	Стандартная ошибка	Бета (<i>β</i>)	T	Значимость
Новизна-Уникальность	-0,614	0,282	-0,248	-2,174	0,033
Доверие миру	0,493	0,215	0,258	2,292	0,025
Склонность к риску	-0,603	0,281	-0,228	-2,146	0,035
R²	0,243				

Результаты регрессионного анализа (Табл. 26) демонстрируют, что модель, в которой предикторами выборов доверия являются переменные *склонность к риску*, *базовое доверие* и эмоциональной креативности – *новизна-уникальность* объясняет около 24% вариации ЗП. Чем больше *склонность к риску* и *новизна-уникальность*, тем меньше количество решений с ориентацией на доверие; чем больше *доверие к миру* у участников исследования, тем больше количество решений с ориентацией на доверие.

4.4. Обсуждение результатов исследований 4-5

Статистический анализ показал значимые различия в «Количестве решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыше» в сериях с одинаковым стимулом, но разными компьютерными игроками. «Количество решений с ориентацией на доверие» в условии с противником «Детективом» (обманывающим первым) значимо меньше, чем в сериях игр с противниками «Имитатор» и «Злопамятный». На основании этих результатов мы принимаем гипотезу 3, выдвинутую в исследовании 4.1. о том, что тип компьютерного противника, и, стоящая за ориентацией на стратегию противника когнитивная регуляция, включена в принятие решений о доверии в моделируемой игровой ситуации.

Гипотеза 2 отвергается, так как первая серия экспериментов не показала значимых статистических различий по ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» в зависимости от длительности предъявления прайминга.

Гипотеза 1, выдвинутая в исследовании 4.1. – первой серии эксперимента, проверяется заново во второй серии экспериментов 4.2. Вторая серия эксперимента, напомним, содержит только предъявление аффективного прайминга, модулирующего эстетические эмоции, то есть исключается когнитивная регуляция (счет во второй серии не

демонстрируется). Результаты первой серии экспериментов отражены в публикации (Shestova, Kornilova, 2021).

Сравнения показывают, что ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» и «Выигрыш» значимо больше в сериях игр со стимулом, вызывающим позитивные и нейтральные эстетические эмоции, чем со стимулами, модулирующими негативные эстетические эмоции. На основании этих результатов мы *принимаем 1 гипотезу исследования 4.2. (вторая серия экспериментов) о том, что эмоциональная регуляция включена в процесс принятия решений, в моделируемой игровой ситуации.*

Интересным является тот факт, что была выявлена разница между влиянием на принятие решений нейтральных и позитивных эстетических эмоций при длительности показа прайминга 66 мс (влияние нейтральных стимулов схоже с влиянием негативных стимулов), но эти различия нивелируются при демонстрации прайминга 500 мс. Напомним, что картины были отобраны в эксперимент после предварительной оценки, группу экспертов просили оценить валентность содержания картин (положительная, нейтральная и негативная) и в сам эксперимент были включены только стимулы оцененные строго на 0 – нейтральные, +3 – положительные и -3 негативные, но в условиях оценки экспертам стимулы предъявлялись на 5 секунд, а в эксперименте участникам стимулы демонстрировались значительно меньше. Однако в литературе мы встречаем противоположное мнение. Используя картины классического искусства (Ван Гога, Сезанна, Шагалла, Кирchnera и др.) и парадигму маскированного прайминга ученые показали, что содержание произведения обрабатывается даже при длительности показа стимула равной 10 мс, а время, затраченное на опознание стиля равно 50 мс (Augustin et al., 2008). Важно отметить, что в приведенном эксперименте приняло участие 26 студентов, каждый из которых высказывался 384 раза, относительно сходства праймирующего и целевого стимула. Совместно эти данные согласуются с новейшим исследованием, показавшим, что стимул будет

влиять, даже если испытуемые сообщали о коротком проблеске (Lohse, Overgaard, 2019). Вместе наши результаты поддерживают положение, согласно которому для опознания содержания (в том числе и аффективного) произведения искусства достаточно короткого знакомства, (Augustin et al., 2008; Locher et al., 2008), в нашем случае короткое знакомство составляет 66 мс. В приведенных выше исследованиях, однако, не указывается, что стимулы были заранее разделены на имеющие позитивное, негативное или нейтральное содержание. Возможно распознавание близких содержаний (нейтральных и позитивных), требует большего времени, чем краткое знакомство. 66 мс достаточно для распознавания негативного и позитивного содержания, при этом нейтральное содержание картин влияет на принятие решений также, как негативное, а вот в случае 500 мс нейтральное содержание влияет на ПР также как позитивное.

Так же возможно стоило в качестве нейтральных стимулов взять картины с размытым рисунком, они были бы лишены вообще какого бы то ни было смысла, в отличие от отобранных нами нейтральных стимулов, явно имеющих некоторое содержание, которое испытуемые могли трактовать как положительное. Но тогда нарушилась бы однородность стимульного ряда.

Далее стоит оговорить не совсем корректное использование термина «нейтральные» эстетические эмоции, точнее было бы говорить о нейтральном состоянии, которое могло бы выступить в качестве контрольного условия, в случае если бы были обнаружены различия между позитивными и негативными стимулами.

Вторая серия экспериментов показала учет участниками эстетических эмоций при ПР. Мы предполагаем, что эмоциональная креативность как ВПФ может определять такие личностные особенности как эстетическая отзывчивость, участвующие в продуцировании вовлеченности во взаимодействие с объектами искусства разных видов, то есть по сути являться предиктором эстетической отзывчивости. Это предположение

основано, во-первых, на показанной в нескольких исследованиях способности ЭК предсказывает вовлеченность в искусство (Gutbezahl, Averill, 1996; Trnka et al., 2016; Zahradnik, Kuška, 2016). А, во-вторых, на выявленных связях ЭК с когнитивной (Averill, 2005; Fuchs, et al., 2007; Валуева, Ушаков, 2010) и художественной креативностью (Gutbezahl, Averill, 1996; Feist and Barron, 2003). Следующее исследование было посвящено проверке этого предположения.

Исследование 5 показало, что эмоциональная креативность взаимосвязана и способна предсказывать эстетическую отзывчивость, как мы и предполагали, *в результате гипотезы пятого исследования 1 и 2 принимаются полностью*. Мы ожидали, что среди шкал ЭК предикторами эстетической отзывчивости будет в том числе и *готовность размышлять над эмоциями*, но модель с предиктором *многообразие порождаемых эмоций* по статистическим показателям оказывается лучше. Это можно объяснить большей отнесенностью *готовности размышлять* к когнитивной сфере, нежели эмоциональной, а шкала *многообразие порождаемых эмоций*, напротив, отражает момент зарождения эмоций, когда они еще не идентифицированы. Встреча с искусством, особенное первое впечатление, запускает актуалгенез эмоций, и чем он более выражен и насыщен, тем в большей степени человек восприимчив к красоте. Шкала *эффективности* показывает, насколько конструируемые эмоциональные реакции полезны, как для самой личности, так и для общества в целом, и способствуют ли они достижению некоторой цели. Как показывают наши исследования *эффективность* связана с большим количеством переменных: с ЭИ, ТН, ПР, с эффективными стратегиями когнитивной регуляции эмоций (см. главу 2, исследование 1.3. и главу 3, исследование 2), что не позволяет сделать достоверный вывод о роли этой составляющей непосредственно в сопричастности к красоте, но можно предполагать, что эффективность представляет собой некоторый общий (генеральный) фактор, обуславливающий адаптивное функционирование эмоциональной сферы

личности. Стоит отметить, что даже после применения поправки Бонферрони, почти все составляющие ЭК остаются связанными с сопричастностью к красоте.

Проверка гипотезы 3 пятого исследования показала, что предикторами выборов доверия в моделируемой игровой ситуации оказываются не только склонность к риску и базовое доверие, но и новизна-уникальность, а также импульсивность. Чем у испытуемого выше базовое доверие, тем чаще он выбирает довериться, нежели обмануть в условиях игры. Чем ниже у испытуемого склонность к риску, тем чаще он склонен довериться, нежели обманывать. Чем выше у испытуемого новизна-уникальность, тем менее он склонен доверять. Чем выше импульсивность, тем чаще испытуемые склонны обманывать, нежели доверять. *На основании этих данных мы принимаем гипотезу 3, выдвинутую в исследовании 5, о том, что индивидуальные различия влияют на процесс принятия решений: могут как способствовать, так и препятствовать выбору кооперирующихся стратегий.*

4.5. Выводы по главе 4 и заключение

Выводы:

1. Актуализация *позитивных* эстетических эмоций увеличивает выбор *кооперирующихся стратегий*, что как следствие приводит к большему выигрышу; актуализация *негативных* эстетических эмоций *снижает* выбор *кооперирующихся стратегий*, направленных на доверие противнику, и вследствие этого приводит к меньшему выигрышу.
2. Стратегия, применяемая компьютерным противником, учитывается при принятии решений: условия с «Имитатором» и «Злопамятным» – кооперирующимися противниками способствуют выбору участниками исследования аналогичных стратегий, а игра с «Детективом» – обманывающим первым, способствует выбору участниками исследования

конкурирующих стратегий, то есть поведение компьютерного противника порождает стратегию участника.

3. ЭК является предиктором эстетической отзывчивости, вследствие чего может участвовать в процессах возникновения эстетических эмоций.
4. Снижение использования кооперирующихся стратегий сопряжено у участников с большей *склонностью к риску, новизной-уникальностью (шкала ЭК)* и меньшим *доверием*, и напротив, увеличение использования кооперирующихся стратегий сопряжено у участников с меньшей *склонностью к риску и новизной-уникальностью* и большим *доверием к миру*.

Заключение: экспериментальные исследования, изложенные в главе 4 ставили цель показать вклад эмоциональной регуляции в процессы принятия решений в ситуации неопределенности, через модуляцию эстетических эмоций с помощью прайминга (исследования 4.1 – 4.2). А также показать роль когнитивной регуляции (через учет стратегии противника) и эмоциональной креативности в личностной регуляции ПР (исследование 5).

Эмоциональная креативность через шкалу новизны-уникальности интегрирована в процессы ПР и в соответствии с теорией динамических регулятивных систем имеет выход на верхние уровни иерархии.

В процессе ПР в условиях неопределенности, наиболее востребованным оказывается именно креативный аспект новизны-уникальности, способствующий принятию личностью неопределенности. В пользу этого положения свидетельствуют полученные положительные связи новизны-уникальности с открытостью новому опыту, сопряженному с риском (по шкале психологической разумности, см. главу 2, параграф 2.3.), а также положительные связи с ТН и риском, понимаемым как готовность принимать решения и действовать в условиях неопределенности (см. главу 3, параграф 3.2).

Исследования 4.1-5 позволили расширить представления о влиянии эмоций на процессы принятия решений. Специфические эстетические эмоции,

возникающие при просмотре произведений искусства, наряду с эмоциональной креативностью интегрированы в процесс принятия решений. Это подтверждается тем, что ЭК прямо предсказывает степень эстетической отзывчивости.

Полученные результаты поддерживают идею множественной многоуровневой регуляции ПР посредством ДРС, в которых на верхние уровни иерархии могут выходить различные компоненты интеллектуально-личностного потенциала.

Исследование 5 показало, что чем более личность эмоционально креативная, тем в меньшей степени она склонна принимать решения с ориентацией на доверие, а больше склонна рисковать, реализуя познавательную потребность. Эти результаты поддерживают положение о «позитивной триаде» и соответствуют положению о том, что креативность связана с риском (Корнилова, 2016а; Tyagi et al., 2017).

Полученные результаты позволяют говорить об одновременном включении в принятие решений целого комплекса компонентов ИЛП: эмоциональной регуляции посредством эстетических эмоций, личностной регуляции (через переменные: эмоциональной креативности в компоненте новизны-уникальности, склонности к риску, базового доверия миру) и когнитивной регуляции (через учет стратегии противника).

ОБСУЖДЕНИЕ, ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обсуждение результатов исследований 1-5

В теоретической части исследования мы обосновывали эмоциональную креативность с точки зрения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Нам удалось показать, что эмоциональные схемы, кристаллизирующие правила и нормы, выступают опосредствующим звеном эмоциональной креативности. Однако при таком понимании опосредствующее звено оказывается включенным только в регуляцию эмоций, проявляемых личностью в обществе. В качестве дальнейшего направления исследований можно выделить линию поиска обоснования эмоциональных схем применительно к саморегуляции, когда человек остаётся один на один со своими эмоциями. Так как ВПФ не только опосредованы и социальны, но еще и произвольны.

Исследование 1 продемонстрировало пятифакторную структуру Опросника Эмоциональной креативности Дж. Эверилла на многочисленной русскоязычной выборке. Одно из преимуществ нашего исследования состоит в том, что благодаря двум существующим вариантам перевода, наш перевод оказался более точным, во-вторых, нам удалось дать интерпретацию нового пятого фактора, в чем затруднились наши коллеги (Валуева, 2009), в-третьих, нами сохранены все пункты опросника, что удалось сделать далеко не во всех апробациях (Soroa et al., 2015; Abdi et al., 2010). Нами показана конвергентная валидность методики через связи с переменными, отражающими направленность личности на свою эмоциональную сферу («психологической разумностью» и эмоциональным интеллектом как чертой, связи ЭК с чертой ЭИ до нашего исследования не демонстрировались), ранее конвергентная валидность подтверждалась только на белорусской выборке и через связи с креативностью (Андреева, 2011).

Исследования 2 и 3 были направлены на обоснование включенности эмоциональной креативности как переменной относящейся к эмоционально-личностной сфере интеллектуально-личностного потенциала, через обнаружение связей с диспозиционными личностными переменными (толерантностью к неопределенности, импульсивностью и риском), а также через обнаружение связей с переменными интеллектуально-личностного потенциала (ИЛП), отражающими направленность личности на свою эмоциональную сферу (эмоциональный интеллект, «психологическая разумность», когнитивные стратегии регуляции эмоций). Отметим, что нами впервые были продемонстрированы связи ЭК с чертой ЭИ по опроснику А. Фернхема и К.В. Петридеса.

В целом полученные нами данные согласуются с предыдущими: ЭК положительно связана с эмоциональным интеллектом как способностью, но измеренной через самоотчётную методику (Ушаков, Валуева, 2010). Обнаруженные связи ЭК с ТН и риском, как ключевыми переменными (Корнилова, 2016а), задействованными в принятии решений в условиях неопределенности, позволяют принять положение о включенности ЭК в процессы принятия решений. Полученные результаты поддерживают гипотезу позитивной триады «креативность-эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности» (Корнилова, 2016; Корнилова, Павлова, 2019). Положительные связи ЭК с адаптивными стратегиями когнитивной регуляции эмоций позволяют принять положение о включенности ЭК и в процессы регуляции эмоций.

Исследование 5 показывает, что эмоциональная креативность, наряду с базовым доверием миру, склонностью к риску участвует в принятии решений. *Новизна-уникальность* как составляющая ЭК оказывается в большей степени включена в процессы принятия решений: чем выше у испытуемого *новизна-уникальность*, тем менее он склонен доверять в условиях игры, что согласуется с результатами по шкале риска: чем большая у испытуемого склонность к риску, как снижения контроля, тем

больше он склонен не доверять. Указанная составляющая эмоциональной креативности органически вписывается в процесс принятия решения в условиях неопределенности и может отвечать за поиск новых альтернатив. Исследование 5 также позволило показать, что эмоциональная креативность действительно способна участвовать в продуцировании эстетического опыта и эмоций, так как является предиктором эстетической отзывчивости.

Как нами было показано в исследовании 1, новизна-уникальность положительно связана со шкалой *открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском* по шкале психологической разумности, а та в свою очередь связана с *открытостью опыту* по большой пятерке (Beitel, Сесеро, 2003). *Открытость новому опыту* как черта Большой пятерки предсказывает поведение игроков “Trust Game”: чем выше *открытость опыту*, тем больше денег способен доверить игрок (Müller, Schwieren, 2020). Что позволяет говорить о наличии положительных связей между эмоциональной креативностью, Большой пятеркой и доверием, через конструкт *открытость новому опыту*, однако эти данные требуют дальнейшего уточнения и проведения медиаторного анализа.

Контроль *склонности к риску* показал, что чем у испытуемого ниже склонность к риску, тем чаще он склонен доверяться, нежели обманывать в условиях игры. Вместе с тем, отечественные исследования показывают, что личностная готовность к риску (этот конструкт не является тождественным склонности к риску, как поиску новых ощущений) не обязательно будет проявляться в рискованных выборах или поведении (Корнилова, Павлова, 2020; Корнилова, 2016а; Каменев и др., 2018), за это отвечают шкалы глубинной мотивации (по опроснику Эдвардса) (Корнилова, 2015). Ни прошлые эмоции, возникшие в ситуации принятия решения о риске, ни прошлые решения рисковать или нет, ни общие экономические обстоятельства в жизни человека значимо не влияют на принятие решения о риске (Meier, 2019).

Основным результатом исследований 4-5 является то, что эстетические эмоции и тип противника влияют на принятие решения о доверии, выигрыш и выбор стратегий.

В нашем исследовании показано, что позитивные эстетические эмоции способствуют выбору кооперирующихся стратегий, а негативные эстетические эмоции приводят к снижению частоты выборов кооперирующихся стратегий и увеличивают число выборов «плохих стратегий». Эти данные также хорошо согласуются с уже имеющимися: участники склонны выбирать кооперирующиеся стратегии в игре «Доверие» как в индивидуальной игре, так и в группе (Cason, Mui, 2019; Fudenberg et al., 2012).

В целом наши данные согласуются с результатами предыдущих исследований относительно влияния позитивных эмоций, но расходятся в отношении негативных (de Melo, Terada, 2020). Это может быть связано с тем, что в исследованиях были поставлены разные цели: мы хотели показать влияние эстетических эмоций на принятие решений с ориентацией на доверие, а также на выбор кооперирующихся стратегий, а де Мелло и Терада изучали влияние эмоций противника в сочетании со стратегиями, используемыми противником. Так же различия могут быть обусловлены стимулами, которые вызывали эмоции: мы использовали картины художников, а коллеги – лица. Наше исследование направлено скорее на выявление роли общего эмоционального состояния на выбор стратегий, а де Мелло и Терада изучали ориентируются ли участники эксперимента на эмоции партнёров по игре, служат ли эмоции другого человека источником информации.

Предыдущие исследования также показывали, что выбор стратегий принятия решений связан как с личностными чертами, например с толерантностью к неопределенности (Епишин, 2021), так и с эмоциями. В одном из последних исследований продемонстрировано, что эмоции противника опосредствуют выбор «хороших» стратегий в “Trust Game”, но

не «плохих», а также что неаутентичные эмоции не способствуют кооперативному поведению, но главным результатом стал следующий вывод: испытуемые извлекают информацию из эмоций оппонента и эта информация определяет решения участников (de Melo, Terada, 2020). В литературе достаточно примеров изучения влияния разных переменных на выбор стратегий в “Trust game” но до сих пор детально не изучалось влияние эмоций, в том числе эстетических на выбор конкретных стратегий при принятии решений в условиях неопределенности в игре «Доверие».

Общие выводы

1. Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла при апробации на русской выборке продемонстрировал пятифакторную структуру, а также обладает хорошими психометрическими показателями и конвергентной валидностью, что позволяет включить его в отечественный психодиагностический инструментарий.
2. Эмоциональная креативность интегрирована в структуру интеллектуально-личностного потенциала через положительные связи с толерантностью к неопределенности и эмоциональным интеллектом.
3. *Эмоциональная креативность, эмоциональный интеллект* (измеренные и как черта, и как способность) и *«психологическая разумность»* как переменные интеллектуально-личностного потенциала, отражающие направленность личности на свою эмоциональную сферу, способствуют применению *адаптивных стратегий когнитивной регуляции эмоций*.
4. Эмоциональная регуляция посредством эстетических эмоций участвует в принятии решений (при отсутствии возможности опоры на когнитивную регуляцию). *Позитивные эстетические* эмоции способствуют предпочтению *кооперирующихся стратегий*, а *негативные* – препятствуют.

5. Когнитивная регуляция включена в процесс принятия решений посредством ориентации участника на стратегию компьютерного противника: участники исследования используют аналогичные стратегии, что и компьютерный противник.
6. В ситуации неопределенности, когда участникам дается возможность одновременной опоры на когнитивную и эмоциональную регуляцию, предпочтение отдается когнитивной: если участник ориентируется на стратегию компьютерного противника, то аффективный прайминг не включается в регуляцию принятия решений.
7. Эмоциональная креативность в шкалах *многообразия порождаемых эмоций* и *эффективности* является предиктором *эстетической отзывчивости*, что позволяет говорить о включенности эмоциональной креативности в конструирование эстетического опыта и эмоций.
8. Большая выраженность *эмоциональной креативности* (по шкале *новизна-уникальность*) и *склонность к риску*, но *меньшее базовое доверие миру* предсказывают снижение эффективности принятия решений (предпочтение участниками *конкурирующих* – не доверяющих стратегий).

Общее заключение

Процессы принятия решений предполагают множественную многоуровневую регуляцию посредством ДРС, и выход на верхние уровни иерархии различных составляющих интеллектуально-личностного потенциала (ИЛП) – эмоционально-личностных и когнитивных. Основными целями исследования было показать включенность эмоциональной креативности и эстетических эмоций, как компонентов эмоционально-личностной сферы в интеллектуально-личностный потенциал и в регуляцию принятия решений.

Исследование показывает, что эмоциональная креативность интегрирована в структуру ИЛП. Важным для включения ЭК в ИЛП оказывается возможность ее понимания как высшей психической функции. Опосредствующим звеном при таком понимании ЭК выступают эмоциональные схемы (кристаллизирующие социальные правила и нормы, принятые в конкретном обществе), а возможность их выхода на верхние уровни ДРС при столкновении с ситуацией неопределенности, показывает их саморегулирующую функцию.

ЭК интегрирована в ИЛП и через положительные связи с эмоциональным интеллектом как чертой и с ЭИ как способностью и латентной переменной толерантностью к неопределенности и риску (напомним, что эти связи нами демонстрируются впервые). ЭК интегрирована и в процесс когнитивной регуляции эмоций и способствует более эффективной регуляции эмоциональных реакций.

Исследование связей ЭК, ЭИ и когнитивных стратегий регуляции эмоций позволило показать единое функциональное опосредствование выборов стратегий когнитивной регуляции эмоций и их совместном участии в процессах эмоциональной регуляции.

Для изучения вклада ЭК в ПР нами использовалась моделируемая игровая ситуация «Доверие», которая применялась для создания среды,

близкой к процессу реального принятия решений с учетом вознаграждений, «наказаний» и субъективной неопределенности. Эмоциональная составляющая ЭК (*многообразие порождаемых эмоций*) не включена в процессы ПР, а отрицательная направленность связей этой составляющей с ТН, ЭИ и положительная с дезадаптивными когнитивными стратегиями регуляции эмоций, позволяет заключить, что эмоциональная составляющая ЭК скорее препятствует успешному управлению и контролю эмоций, и приводит к снижению толерантности, особенно в сфере межличностных отношений. Таким образом, показана двоякая роль эмоциональной креативности в принятии решений: в зависимости от того, какие ее составляющие выходят на верхние уровни иерархии в ситуации ПР, ЭК может способствовать, а может препятствовать эффективному принятию решений.

При постановке проблемы мы отмечали, что остается не ясным как именно, через творчество или эмоции ЭК содружественно с ЭИ и ТН выходит на верхние уровни иерархии и способствуют эффективному принятию решений, исследование позволило прийти к ответу, что через творчество (*шкала новизны-уникальности* относится к креативной составляющей ЭК).

Личностные особенности эмоциональная креативность, склонность к риску, базовые убеждения о доброте мира, в ситуации, сопряженной с принятием решения относительно доверия или недоверия, способны выходить на верхние уровни иерархии процессов в ДРС и вносить свой вклад в предпочтения стратегий принятия решений.

Поскольку в исследовании получены различия в принятии решений с ориентацией на доверие в зависимости от стимула, вызывающего позитивные, нейтральные или негативные эстетические эмоции, мы заключаем, что различия получены именно благодаря тому, что демонстрируемые стимулы модулировали разные эстетические эмоции. Наши результаты поддерживают открытия в области прайминга и

экспериментальной эстетики, показывающие, что для распознавания содержания произведения искусства достаточно очень короткого времени, которое варьируется от нескольких миллисекунд до нескольких сот миллисекунд (Lohse, Overgaard, 2019; Augustin et al., 2008; Locher et al., 2008).

Эмоции включены в интеллектуально-личностный потенциал через представленность в таких переменных как эмоциональная креативность, эмоциональный интеллект, принятие неопределенности и согласно концепции динамических регулятивных систем (ДРС), эмоции могут участвовать в процессах принятия решений. Полученные в исследовании результаты поддерживают концепцию ДРС и, согласно ключевому ее положению о том, что не только когнитивные, но и эмоционально-личностные составляющие могут выходить на верхние уровни регуляции решений человека. Полученные связи эмоциональной креативности, эмоционального интеллекта, когнитивных стратегий регуляции эмоций, отношения к неопределенности и риску, позволяют конкретизировать роль переменных эмоционально-личностной сферы в функционировании динамических регулятивных систем при принятии решений.

Полученные результаты позволяют говорить об одновременном включении в принятие решений целого комплекса компонентов ИЛП: эмоциональной регуляции посредством эстетических эмоций, личностной регуляции (через переменные: эмоциональной креативности, склонности к риску, базового доверия миру) и когнитивной регуляции (через учет стратегии противника).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердов В.М.* Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. – СПб.: ДНК, 2001. – 198 с.
2. *Аллахвердов М.В., Гришина Н.В.* Модель имплицитной теории доверия: экспериментальная проверка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2013. – № 4. С. 28-35.
3. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. – Новополюцк: Полоцкий государственный университет, 2020. – 356 с.
4. *Андреева И.Н.* Креативность и толерантность к неопределенности у женщин разного возраста и семейного положения // Психологический Vademecum: Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход, 2019. – С. 51-55.
5. *Андреева И.Н.* Адаптация опросника эмоциональной креативности (ЕСИ) / И.Н. Андреева // Психологический журнал. – 2011. – № 1–2. – С. 75–81.
6. *Апресян Р.Г.* Этическая проблематика в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка // Историко-философский ежегодник. – 2006. – № 2006. – С. 132-151.
7. *Арестова О.Н.* Развитие представлений о роли мотивации в мыслительной деятельности в школе О.К. Тихомирова // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4. – № 4. – С. 95-107.
8. *Асмолов А.Г.* (ред.) Mobilis in Mobili: личность в эпоху перемен. – Москва: Издательский Дом ЯСК. – 2018. – 546 с.
9. *Асмолов А.Г.* Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ. Комментарий к статьям А.Я. Койфман и М.Г. Филипповой // Российский журнал когнитивной науки. – 2017. – Т. 4. – № 1. – С. 26-32.
10. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2015. – Т. 8. – № 40. – С. 1-1.
11. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. – 2017. – № 4. – С. 3-26.
12. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М: Смысл, 2002. – 480 с.

13. *Бабаева Ю.Д., Березанская Н.Б., Васильев И.А., Войскунский А.Е., Корнилова Т.В.* Смысловая теория мышления // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2008. – № 2. – С. 26-58.
14. *Беседин А.П.* Моральная философия Беркли и её развитие // Историко-философский ежегодник. – 2016. – Т. 31. – С. 93-117.
15. *Валуева Е.А.* Диагностика эмоциональной креативности: адаптация опросника Дж. Эверилла / Е.А. Валуева // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – 2009. – С. 216–227
16. *Валуева Е.А., Ушаков Д.В.* Эмпирическая верификация модели соотношения предметных и эмоциональных способностей // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 7. – № 2. – С. 103-114.
17. *Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К.* Эмоции и мышление. – Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 192 с.
18. *Васильев И.А.* Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 4. – С. 49-60.
19. *Василюк Ф.Е.* Структура образа // Вопросы психологии. – 1993. – Т. 5. – С. 5-19.
20. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. – 1996. – Т. 6. – С. 25-40.
21. *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. – Спб: Питер. –1976. – 142 с.
22. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. / Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. Т. 2 // Собрание сочинений. – 1982. – № 6. – С. 5-361.
23. *Выготский Л.С.* Психология искусства. – М.: ЮРАЙТ, 2020. – 414 с.
24. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.– М.: Педагогика. – 1982. – Т. 1. – С. 366.
25. *Воронин А.Н., Галкина Т.В.* Диагностика вербальной креативности (адаптация теста Медника) // Методы психологической диагностики: Вып. 2 / под. ред. А.Н. Воронина. М.: ИП РАН, 1994. – С. 40–81.
26. *Гоббс Т.* Основы философии // М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 66-506.
27. *Гусельцева М.С.* Трансформации современности в зеркале искусства: новые горизонты эпистемологических поворотов [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11. – № 59. – URL:

<https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/282> (дата обращения: 24.06.2020).

28. *Деревянко С.П., Андреева И.Н., Примак Ю.В.* Взаимосвязь между уверенностью в себе и эмоциональной креативностью у лиц с разной сиблинговой позицией // Балканское научное обозрение. – 2020. – Т. 4. – № 3 (9). – С. 37-41.
29. *Дорфман Л.Я.* Эмоции и искусство // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 1. – С. 147-154.
30. *Дорфман Л.Я.* Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. – М.: Смысл, 1997. – 424 с.
31. *Епишин В.Е.* Стратегии контроля неопределенности при решении прогностических задач // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 80-94.
32. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды в двух томах. – М.: Педагогика, 1986. – 318 с.
33. *Зинченко В.П.* Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 2006. – № 1. – С. 207-231.
34. *Зинченко В.П.* Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. – 2011. – Т. 8. – С. 85-97.
35. *Зинченко В.П.* Психологические аспекты влияния искусства на человека // Культурно-историческая психология. – 2006. – Т. 2. – № 4. – С. 3-21.
36. *Зинченко В.П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция // Человек в ситуации неопределенности: Тезисы. – 2007. – С. 9-33.
37. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. – 1977. – Т. 7. – С. 109-125.
38. *Зиренко М.С.* ИмPLICITные теории интеллекта и личности в структуре интеллектуально-личностного потенциала: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2021.
39. *Знаков В.В.* Новые тенденции в исследовании психологии духовности // Вопросы психологии. – 2018. – № 4. – С. 20-33.
40. *Знаков В.В.* Психология возможного. Новое направление исследований понимания. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во ИП РАН, 2021. – 308 с.
41. *Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: Питер, 2006. – 203 с.
42. *Кандинский В.* О духовном в искусстве. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 160 с.

43. *Каменев И.И., Корнилова Т.В., Развальяева А.Ю.* Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников) // Вопросы психологии. – 2018. – № 1. – С. 127-137.
44. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2014. – 653 с.
45. *Канеман Д., Словик П. Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Институт прикладной психологии «Гуманитарный центр», 2005. – 632 с.
46. *Карпов А.В.* Психология принятия решений в профессиональной деятельности: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А.В. Карпов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 155 с.
47. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. – М.: Прогресс. – 1979. – 504 с.
48. *Корнилов С.А., Григоренко Е.Л.* Методический комплекс для диагностики академических, творческих и практических способностей // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 2. – С. 90-103.
49. *Корнилова Т.В.* Динамическое функционирование интеллектуально-личностного потенциала человека в психологической регуляции решений и выборов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 1. С.66-78.
50. *Корнилова Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016а. – 334 с.
51. *Корнилова Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2010в. – № 1. – С. 46-57.
52. *Корнилова Т.В.* Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. – Т. 26. – № 1. – С. 7-17
53. *Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. – 2010а. – Т. 31. – № 1. – С. 74-86.
54. *Корнилова Т.В.* О типах интеллектуальных стратегий принятия решений // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1985. – № 3. – С. 11-24.
55. *Корнилова Т.В.* Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2014а. –

- Т. 7. – No 36. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/611> (дата обращения: 24.06.2020).
56. *Корнилова Т.В.* Психология выбора как мыслительное и личностное опосредствование преодоления неопределенности // Психологический журнал. – 2016б. – Т. 37. – № 3. – С. 113-124.
57. *Корнилова Т.В.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 3. – С. 89-100.
58. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 285 с.
59. *Корнилова Т.В.* Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности // Вопросы психологии. – 2010б. – № 5. – С. 3-12.
60. *Корнилова Т.В.* Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 19–36.
61. *Корнилова Т.В., Долянкина А.А.* Диагностика импульсивности и склонности к риску // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1995. – № 3. – С. 46–56.
62. *Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю.* Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «рациональный-опытный» (rational-experiential inventory) // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. – № 3. – С. 92-107.
63. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 490 с.
64. *Корнилова Т.В., Шестова М.А., Корнилов С.А.* Эмоциональный интеллект, черты Большой пятерки и эмоциональная креативность в латентных личностных профилях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 123-136.
65. *Корнилова Т.В., Шестова М.А., Павлова Е.М.* Эмоциональная креативность в системе связей с эмоционально-личностной сферой и имплицитными теориями креативности // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41. – № 4. – С. 19-31.

66. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 92-110.
67. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А.* Психология неопределённости: единство функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека. – М.: Смысл, 2010. – 334 с.
68. *Котляр И.А.* От подражания к воле (к вопросу об одной из ранних работ Л.И. Божович и Л.С. Славиной) // Культурно-историческая психология. – 2008. – Т. 4. – № 2. – С. 104-111.
69. *Красавцева Ю.В.* Эмоциональное предвосхищение в процессе принятия решений: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2021.
70. *Красавцева Ю.В.* предвосхищаемые и результирующие эмоции в регуляции принятия решений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2020. – № 2. – С. 18-33.
71. *Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В.* Нарциссизм как «светлый» аспект в Темной Триаде // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. – № 4. – С. 65-80.
72. *Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В.* Эмоциональный и академический интеллект как предикторы стратегий в игровой задаче Айова (IGT) // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39. – № 3. – С. 29-43.
73. *Краснов Е.В.* Методика множественного выбора на материале эмоционального предвосхищения в вербальных задачах (на выборке военных преподавателей) [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). – 2014. – Т. 7. – № 35. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/623> (дата обращения: 17.06.2021).
74. *Краснов Е.В., Корнилова Т.В.* Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – № 3. – С. 28-43.
75. *Крюкова Е.А., Шестова М.А.* Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация краткой версии опросника TEIQue-SF) // Национальный психологический журнал. – 2020. – Т. 3. – № 39. – С. 18–30.

76. *Лантеева Е.М., Валуева Е.А.* Феномен подсказки при решении задач: взгляд со стороны психологии творчества часть 1. Прайминг-эффекты // Журнал Высшей школы экономики. Психология. – 2011. – Т. 8. – № 4. – С. 134–146.
77. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
78. *Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Расказова Е.И.* Психология выбора. – Москва: Смысл. – 2015. – 610 с.
79. *Люсин Д.В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям. – М.: Изд-во ИП РАН, 2009. – С. 264-278.
80. *Люсин Д.В., Овсянникова В.В.* Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видео-теста // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 6. – С. 82-94.
81. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. – Азбука. – 2010. – 288 с.
82. *Мамардашвили М.К.* Эстетика мышления. – Московская школа политических исследований. – 2000. – 410 с.
83. *Марцинковская Т.Д.* Психология восприятия абстрактного искусства // Вопросы психологии. – 2008. – № 6. – С. 83-91.
84. *Моросанова, В.И.* Развитие ресурсного подхода к исследованию осознанной саморегуляции достижения целей и саморазвития человека / В. И. Моросанова // Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени: Коллективная монография. – Москва: Психологический институт Российской академии образования, 2020. – С. 11-37.
85. *Новикова М.А., Корнилова Т.В.* «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35. – № 1. – С. 95-110.
86. *Новикова М.А.* Самооценка интеллекта в связях с факторами принятия неопределенности (у студентов вузов): дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2013.
87. *Павлова Е.М.* ИмPLICITные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 75-94.

88. Павлова Е.М., Богачева Н.В. Уровневая организация когнитивных репрезентаций рисков у врачей и риелторов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – № 4. – С. 32-53.
89. Павлова Е.М., Корнилова Т.В. Триада «толерантность к неопределенности—эмоциональный интеллект—интуитивный стиль» и самооценка креативности у лиц творческих профессий // Психолого-педагогические исследования. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 107-117.
90. Павлова Е.М., Корнилова Т.В. Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 5. – С. 39-49.
91. Падун М.А. Регуляция эмоций: процесс, формы, механизмы // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 6. – С. 57-69.
92. Падун М.А. Регуляция эмоций и психологическое благополучие: индивидуальные, межличностные и социокультурные факторы // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 3. – С. 31-43.
93. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 4. – С. 98-106.
94. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2010. – № 2. – С. 127-133.
95. Петренко В.Ф. Психосемантика искусства / В. Ф. Петренко; ред. М. И. Черкасская. – Москва: МАКС-Пресс. – 2014. – 319 с.
96. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: Горбунок, 1992. – С. 12-86.
97. Плампер Я. История эмоций. – М.: НЛЮ, 2018. – 568 с.
98. Плотницкая М.Р. Толерантность к неопределенности как фактор формирования образа мира личности // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2014. – № 28. – С. 105-114.
99. Пономарев Я.А. Психология творчества. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
100. Практический интеллект / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
101. Психология саморегуляции в XXI веке: Коллективная монография / В. И. Моросанова, В. Е. Ключко, К. А. Абульханова [и др.]. – Москва-Санкт-

- Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2011. – 468 с.
102. Психология креативности. Учебное пособие / Т. Любарт, К. Муширу, С. Торджман, Ф. Зенасни. – Москва: Когито-Центр, 2009. – 215 с.
103. *Разваляева А.Ю.* Рациональность и интуиция как личностные факторы принятия решений: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2021.
104. *Разин А.В.* Кант и нравственная свобода // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2006. – № 2. – С. 52-70.
105. *Расказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В.* Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 4. – С. 161-179.
106. *Роулз Э., Корбут А.* Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретных практик и представлений как оснований разума // Социологическое обозрение. – 2005. – Т. 4. – № 1. – С. 3-30.
107. *Сабадощ П.А.* Русская версия Шкалы сопричастности красоте EBS (the Engagement with Beauty Scale): многочертная-многометодная модель // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 7-21.
108. *Сартр Ж.П.* Картезианская свобода // Логос. – 1996. – № 8. – С. 17-31.
109. *Сергиенко Е.А., Хлевная, Е.А., Ветрова, И.И., Мизун, Ю.П.* Эмоциональный интеллект: разработка русскоязычной методики ТЭИ (Тест эмоционального интеллекта) [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2019. – Т. 12. – № 63. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/241> (дата обращения: 24.06.2021).
110. *Сергиенко Е.А., Ветрова И.И.* Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера–Сэловея–Карузо (MSCEIT V2.0) [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – Т. 6. – № 8. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/951> (дата обращения: 25.06.2021).
111. *Сергиенко Е.А.* Контроль поведения как основа саморегуляции // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – № 4 – С. 130-146.
112. *Смирнов С.Д.* Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 5. – С. 5–13.

113. *Смирнов С.Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. – 2005. – Т. 4. – С. 3-8.
114. *Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Краснов Е.В., Корнилова Т.В.* Когнитивная и личностная регуляция стратегий решения прогностической задачи (на материале Iowa Gambling Task) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 3. – С. 39-59.
115. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Рассказова Е.И.* Апробация русскоязычной версии расширенной шкалы культурного интеллекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 510-526.
116. *Степаносова О.В., Корнилова Т.В.* Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 2. – С. 60-68.
117. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – Т. 10. – С. 3-18.
118. *Столин В.В.* Самосознание личности. – М: Изд-во Моск-го ун-та, 1983.
119. *Тихомиров О.К., Корнилова Т.В.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. – М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1990.
120. *Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Березанская Н.Б., Васильев И.А., Войскунский А.Е.* Развитие деятельностного подхода в психологии мышления // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М., 1999. – С. 191-234.
121. *Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности человека: (Опыт теоретического и экспериментального исследования). – Изд-во. Моск. ун-та, 1969. – 304 с.
122. *Тхостов А.Ш.* Возможности и перспективы развития культурно-исторического подхода в клинической психологии // Наследие АР Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте: К. 110-летию со дня рождения А.Р. Лурии / Сост. Н.К. Корсакова, Ю.В. Микадзе. – М.: Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2012. – С. 10-36.
123. *Улановский А.М.* Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – Т. 2. – С. 35-45.

124. *Ушаков Д.В.* Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2005. – № 4. – С. 131-139.
125. *Фаликман М.В.* Структура и динамика зрительного внимания при решении перцептивных задач: конструктивно-деятельностный подход дис. ... доктора. психол. наук. М. – 2016.
126. *Хаузер М.* Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла // М.: Дрофа. – 2008. – 639 с.
127. *Чумакова М.А.* Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства интеллекта и аффекта // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 3. – С. 119-125.
128. *Чигринова И.А.* Интеллектуальная и ценностная регуляция личностного выбора (на материале моральных дилемм): дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2015.
129. *Чигарькова С.В., Солдатова Г.У.* Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 4 (32). – С. 27-38.
130. *Шестова М.А.* Вклад эмоционального предвосхищения и эмоционального интеллекта в принятие решений: обзор // Психология личности: культурно-исторический подход // Материалы XX Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 18-20 ноября 2019 г. / Под ред. Г.Г. Кравцова: В 2 т. Т.2. М.: Левь, 2019а. – 456-464 с.
131. *Шестова М.А.* Когнитивная регуляция эмоций в структуре интеллектуально-личностного потенциала / М.А. Шестова // Методология, теория, история психологии личности: Сборник статей / Ответственные редакторы А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. – Москва: Институт психологии РАН, 2019б. – С. 722-731.
132. *Шестова М.А.* Связи эмоциональной сферы и толерантности к неопределенности с продуктивными стратегиями принятия решений // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: психолого-педагогические науки. – 2021а. – Т. 18. – № 3. – С. 145-156.
133. *Шестова М.А.* Экспериментальная эстетика и эстетические эмоции: обзор западных трендов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2021б. – № 1. – С. 47-54.

134. *Шестова М.А.* Эмоциональная креативность в связях с эмоциональным интеллектом и «психологической разумностью» (на основе апробации опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла) // Вестник Полоцкого Государственного Университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2019в. – № 7. – С. 80-86.
135. *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания (этюды) // Культурно-историческая психология. – 2006. – Т. 2. – № 4. – С. 25-35.
136. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. – М.: наука, 1978. – 392 с.
137. *Юнг К.Г.* Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 214-231.
138. *Юревич А.В.* Психология и методология: Монография / А. В. Юревич. – Москва: Институт психологии РАН, 2005. – 312 с.
139. *Abdi B., Nezhdyan F.G.* Factor structure of Emotional Creativity Inventory (ECI-Averill, 1999) among Iranian undergraduate students in Tehran universities // Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2010. – Vol. 5. – P. 1442-1446.
140. *Achar C., So J., Agrawal N., Duhachek A.* What we feel and why we buy: the influence of emotions on consumer decision-making // Current Opinion in Psychology. – 2016. – Vol. 10. – P. 166-170.
141. *Aldao A., Nolen-Hoeksema S., Schweizer S.* Emotion-regulation strategies across psychopathology: A meta-analytic review // Clinical psychology review. – 2010. – Vol. 30. – No. 2. – P. 217-237.
142. *Alzoubi A.M., Qudah M.F., Albursan I.S., Bakhiet S.F.A., Alfnan A.A.* The Predictive Ability of Emotional Creativity in Creative Performance Among University Students [Электронный ресурс] // SAGE Open. – 2021. – Vol. 11. – No. 2. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/21582440211008876> (дата обращения: 24.06.2021).
143. *Anderson E.C., Carleton R.N., Diefenbach M., Han P.K.* The relationship between uncertainty and affect [Электронный ресурс] // Frontiers in psychology. – 2019. – Vol. 10. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02504/full> (дата обращения: 24.06.2021).

144. *Armstrong T., Detweiler-Bedell B.* Beauty as an emotion: The exhilarating prospect of mastering a challenging world // *Review of general psychology*. – 2008. – Vol. 12. – No. 4. – P. 305-329.
145. *Augustin M.D., Leder H., Hutzler F., Carbon C.C.* Style follows content: On the microgenesis of art perception // *Acta psychologica*. – 2008. – Vol. 128. – No. 1. – P. 127-138.
146. *Austin E.J., Saklofske D. H., Mastoras S. M.* Emotional intelligence, coping and exam-related stress in Canadian undergraduate students // *Australian Journal of Psychology*. – 2010. – Vol. 62. – No. 1. – P. 42-50.
147. *Averill J.R.* A tale of two snarks: Emotional intelligence and emotional creativity compared // *Psychological Inquiry*. – 2004. – Vol. 15. – No. 3. – P. 228-233.
148. *Averill J. R.* Emotional Creativity: Toward “Spiritualizing / *Oxford handbook of positive psychology*, 2009. – P. 249.
149. *Averill J. R.* Emotions as mediators and as products of creative activity // *Creativity Across Domains*. – Psychology Press, 2005. – P. 243-262.
150. *Averill J. R.* Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates // *Journal of personality*. – 1999. – Vol. 67. – No. 2. – P. 331-371.
151. *Averill J.R., Chon K. K., Hahn D.W.* Emotions and creativity, east and west // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2001. – Vol. 4. – No. 3. – P. 165-183.
152. *Averill J.R., Thomas-Knowles C.* Emotional creativity // *Handbook of positive psychology*. – 2005. – P. 172-185.
153. *Bagby R.M., Parker J.D., Taylor G.J.* The twenty-item Toronto Alexithymia Scale—I. Item selection and cross-validation of the factor structure // *Journal of psychosomatic research*. – 1994. – Vol. 38. – No. 1. – P. 23-32.
154. *Balconi M., Ferrari C.* Subliminal and supraliminal processing of facial expression of emotions: brain oscillation in the left/right frontal area // *Brain sciences*. – 2012. – Vol. 2. – No. 2. – P. 85-100.
155. *Barchard K.A., Brackett M.A., Mestre J.M.* Taking stock and moving forward: 25 years of emotional intelligence research // *Emotion Review*. – 2016. – Vol. 8. – No. 4. – P. 289-289.
156. *Bar-On R.* The Bar-On model of emotional intelligence: A valid, robust and applicable EI model // *Organisations and People*. – 2007. – Vol. 14. – No. 2. – P. 27-34.
157. *Baumann N., Kaschel R., Kuhl J.* Striving for unwanted goals: stress-dependent discrepancies between explicit and implicit achievement motives

- reduce subjective well-being and increase psychosomatic symptoms // *Journal of personality and social psychology*. – 2005. – Vol. 89. – No. 5. – P. 781-799.
158. *Bechara A., Damasio A.R., Damasio H., Anderson S.W.* Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex // *Cognition*. – 1994. – Vol. 50. – No. 1–3. – P. 7-15.
159. *Berg J., Dickhaut J., McCabe K.* Trust, reciprocity, and social history // *Games and economic behavior*. – 1995. – Vol. 10. – No. 1. – P. 122-142.
160. *Berlyne D. E.* Experimental aesthetics // *New horizons in psychology*. – 1972. – Vol. 2. – P. 107-125.
161. *Boden, M.A.* The creative mind: Myths and mechanisms / M.A. Boden. – Routledge, 2004. – 360 p.
162. *Bodrogi B., Bereczkei T., Deak A.* Be aware, make it clear, and take the Lead: emotion regulation difficulties and emotional intelligence as moderators of cognitive reappraisal [Электронный ресурс] // *Current Psychology*. – 2020. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-020-01182-5> (дата обращения: 24.06.2021).
163. *Boyatzis R. E.* Competencies as a behavioral approach to emotional intelligence // *Journal of Management Development*. – 2009. – Vol. 28. – No. 9. – P. 749-770.
164. *Brackett M. A., Rivers S. E., Salovey P.* Emotional intelligence: Implications for personal, social, academic, and workplace success // *Social and personality psychology compass*. – 2011. – Vol. 5. – No. 1. – P. 88-103.
165. *Brühlhart M., Usunier J. C.* Does the trust game measure trust? // *Economics Letters*. – 2012. – Vol. 115. – No. 1. – P. 20-23.
166. *Bucich M., MacCann C.* Emotional intelligence and day-to-day emotion regulation processes: Examining motives for social sharing // *Personality and Individual Differences*. – 2019. – Vol. 137. – P. 22-26.
167. *Campellone T.R., Kring A.M.* Who do you trust? The impact of facial emotion and behaviour on decision making // *Cognition & emotion*. – 2013. – Vol. 27. – No. 4. – P. 603-620.
168. *Cason T.N., Lau S.H., Mui V.L.* Prior interaction, identity, and cooperation in the Inter-group Prisoner's Dilemma // *Journal of Economic Behavior & Organization*. – 2019. – Vol. 166. – P. 613-629.
169. *Cason T.N., Mui V.L.* Individual versus group choices of repeated game strategies: A strategy method approach // *Games and Economic Behavior*. – 2019. – Vol. 114. – P. 128-145.

170. *Cecero J.J., Beitel M., Prout T.* Exploring the relationships among early maladaptive schemas, psychological mindedness and self-reported college adjustment // *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice.* – 2008. – Vol. 81. – No. 1. – P. 105-118.
171. *Checa P., Fernández-Berrocal P.* Cognitive control and emotional intelligence: Effect of the emotional content of the task. Brief reports [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology.* – 2019. – Vol. 10. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00195/full> (дата обращения: 24.06.2021).
172. *Cheesman J., Merikle P.M.* Priming with and without awareness // *Perception & Psychophysics.* – 1984. – Vol. 36. – No. 4. – P. 387-395.
173. *Chetty R., Hofmeyr A., Kincaid H., Monroe B.* The trust game does not (only) measure trust: The risk-trust confound revisited [Электронный ресурс] // *Journal of Behavioral and Experimental Economics.* – 2021. – Vol. 90. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2214804319302290> (дата обращения: 24.06.2021).
174. *Civai C., Hawes D. R.* Game theory in neuroeconomics // *Neuroeconomics.* – Springer, Berlin, Heidelberg, 2016. – P. 13-37.
175. *Couch L.L., Jones W.H.* Measuring levels of trust // *Journal of research in personality.* – 1997. – Vol. 31. – No. 3. – P. 319-336.
176. *Cudeck R., Browne M.W.* Cross-validation of covariance structures // *Multivariate Behavioral Research.* – 1983. – Vol. 18. – No. 2. – P. 147-167.
177. *Cupchik G.C., Winston A.S.* Confluence and divergence in empirical aesthetics, philosophy, and mainstream psychology / *Handbook of perception and cognition: Cognitive ecology.* – San Diego.: Academic Press, 1996. – P. 61-85.
178. *Côté S., DeCelles K. A., McCarthy J.M., Van Kleef G.A., Hideg I.* The Jekyll and Hyde of emotional intelligence: Emotion-regulation knowledge facilitates both prosocial and interpersonally deviant behavior // *Psychological science.* – 2011. – Vol. 22. – No. 8. – P. 1073-1080.
179. *Damasio A.R.* The somatic marker hypothesis and the possible functions of prefrontal cortex // *Philosophical Transactions: Biological Sciences.* – 1996. – Vol. 351. – No. 1346. – P. 1413-1420.
180. *Damen N.B., Toh C.A.* Implicit and explicit trust behavior: Does stereotype congruence affect user trust in a home automation device? [Электронный ресурс] // *International Design Engineering Technical Conferences and*

- Computers and Information in Engineering Conference. – American Society of Mechanical Engineers, 2018. – Vol. 51845. – URL: <https://asmedigitalcollection.asme.org/IDETCCIE/proceedingsabstract/IDETCCIE2018/V007T06A033/275200> (дата обращения: 24.06.2021).
181. *Davidson R. J.* Affective style and affective disorders: Perspectives from affective neuroscience // *Cognition & Emotion*. – 1998. – Vol. 12. – No. 3. – P. 307-330.
182. *De France K., Hollenstein T.* Implicit theories of emotion and mental health during adolescence: the mediating role of emotion regulation // *Cognition and Emotion*. – 2021. – Vol. 35. – No. 2. – P. 367-374.
183. *de Melo C.M., Gratch J., Carnevale P.J.* Humans versus computers: Impact of emotion expressions on people's decision making // *IEEE Transactions on Affective Computing*. – 2014. – Vol. 6. – No. 2. – P. 127-136.
184. *de Melo C.M., Terada K.* The interplay of emotion expressions and strategy in promoting cooperation in the iterated prisoner's dilemma // *Scientific reports*. – 2020. – Vol. 10. – No. 1. – P. 1-8.
185. *Diessner R., Pohling R., Stacy S., Gusewell A.* Trait appreciation of beauty: A story of love, transcendence, and inquiry // *Review of General Psychology*. – 2018. – Vol. 22. – No. 4. – P. 377-397.
186. *Dunn J.R., Schweitzer M.E.* Feeling and believing: the influence of emotion on trust // *Journal of personality and social psychology*. – 2005. – Vol. 88. – No. 5. – P. 736-748.
187. *Dunn E.W., Brackett M.A., Ashton-James C., Schneiderman E., Salovey P.* On emotionally intelligent time travel: Individual differences in affective forecasting ability // *Personality and social psychology bulletin*. – 2007. – Vol. 33. – No. 1. – P. 85–93.
188. *Dweck C. S.* *Self-theories: Their role in motivation, personality, and development*. – Psychology press, 2013. – 212 p.
189. *Ellis D., Tucker I.* *Social psychology of emotion*. – Sage, 2015. – p. 216.
190. *Erez Y., Reyna V.* Decision-Making. In R. Sternberg, W. Pickren (Eds.), *The Cambridge Handbook of the Intellectual History of Psychology*, 2019. – 216-249 pp.
191. *Escadas M., Jalali M.S., Farhangmehr M.* Why bad feelings predict good behaviours: The role of positive and negative anticipated emotions on consumer

- ethical decision making // *Business Ethics: A European Review*. – 2019. – Vol. 28. – No. 4. – P. 529-545.
192. *Extremera N., Sánchez-Álvarez N., Rey L.* Pathways between ability emotional intelligence and subjective well-being: Bridging links through cognitive emotion regulation strategies [Электронный ресурс] // *Sustainability*. – 2020. – Vol. 12. – No. 5. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/5/2111> (дата обращения: 24.06.2021).
193. *Feist G.J., Barron F.X.* Predicting creativity from early to late adulthood: Intellect, potential, and personality // *Journal of research in personality*. – 2003. – Vol. 37. – No. 2. – P. 62-88.
194. *Frenkel-Brunswik E.* Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journal of personality*. – 1949. – P. 108-143.
195. *Fudenberg D., Rand D.G., Dreber A.* Slow to anger and fast to forgive: Cooperation in an uncertain world // *American Economic Review*. – 2012. – Vol. 102. – No. 2. – P. 720-49.
196. *Funch B.S.* A psychological theory of the aesthetic experience // *Aesthetics and Innovation*. – Cambridge Scholars Press, 2007. – P. 3-19.
197. *Furnham A.* The relationship between cognitive ability, emotional intelligence and creativity // *Psychology*. – 2016. – Vol. 7. – No. 2. – P. 193-197.
198. *García-García I. Kube J., Morys F. et al.* Liking and left amygdala activity during food versus nonfood processing are modulated by emotional context // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. – 2020. – Vol. 20. – No. 1. – P. 91-102.
199. *Gigerenzer G.* Moral intuition = fast and frugal heuristics? // *Moral psychology*. – MIT Press, 2008. – Vol. 2. – P. 1-26.
200. *Giora R. Fein O., Kronrod A., Elnatan I., Shuval N., Zur A.* Weapons of mass distraction: Optimal innovation and pleasure ratings // *Metaphor and Symbol*. – 2004. – Vol. 19. – No. 2. – P. 115-141.
201. *Glaeser E.L. Laibson D.I., Scheinkman J.A., Soutter C.L.* Measuring trust // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2000. – Vol. 115. – No. 3. – P. 811-846.
202. *Grant A.M.* Rethinking psychological mindedness: Metacognition, self-reflection, and insight // *Behaviour Change*. – 2001. – Vol. 18. – No. 1. – P. 8-17.
203. *Graf L.K., Landwehr J.R.* Aesthetic pleasure versus aesthetic interest: The two routes to aesthetic liking [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00015/full> (дата обращения: 24.06.2021).

204. *Gralewski J., Karwowski M.* Are teachers' implicit theories of creativity related to the recognition of their students' creativity? // *The Journal of Creative Behavior.* – 2018. – Vol. 52. – No. 2. – P. 156-167.
205. *Granefski N., Van Den Kommer T., Kraaij V., Teerds J., Legerstee J., Onstein E.* The relationship between cognitive emotion regulation strategies and emotional problems: comparison between a clinical and a non- clinical sample // *European Journal of Personality.* – 2002. – Vol. 16. – No. 5. – P. 403-420.
206. *Granefski N., Kraaij V., Spinhoven P.* Negative life events, cognitive emotion regulation and emotional problems // *Personality and Individual Differences.* – 2001. – Vol. 30. – No. 8. – P. 1311-1327.
207. *Greitemeyer T., Osswald S., Fischer P., Frey D.* Civil courage: Implicit theories, related concepts, and measurement // *The Journal of Positive Psychology.* – 2007. – Vol. 2. – No. 2. – P. 115-119.
208. *Gross J.J.* Antecedent-and response-focused emotion regulation: divergent consequences for experience, expression, and physiology // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1998a. – Vol. 74. – No. 1. – P. 224-237.
209. *Gross J.J.* The emerging field of emotion regulation: An integrative review // *Review of General Psychology.* – 1998b. – Vol. 2. – No. 3. – P. 271-299.
210. *Gross J.J., Thomson R.A.* Emotion Regulation: Conceptual foundations. In: J.J. Gross (Ed.) / *Handbook of Emotion Regulation.* New York: Guilford Press. – 2007. – P. 3–24.
211. *Gutbezahl J., Averill J. R.* Individual differences in emotional creativity as manifested in words and pictures // *Creativity Research Journal.* – 1996. – Vol. 9. – No. 4. – P. 327-337.
212. *Gutiérrez-Cobo M.J., Cabello R., Fernández-Berrocal P.* The relationship between emotional intelligence and cool and hot cognitive processes: a systematic review [Электронный ресурс] // *Frontiers in Behavioral Neuroscience.* – 2016. – Vol. 10. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnbeh.2016.00101/full> (дата обращения: 24.06.2021).
213. *Gyurak A., Gross J. J., Etkin A.* Explicit and implicit emotion regulation: a dual-process framework // *Cognition and emotion.* – 2011. – Т. 25. – No. 3. – P. 400-412.
214. *Hall J.A.* Psychological-mindedness: A conceptual model // *American Journal of psychotherapy.* – 1992. – Vol. 46. – No. 1. – P. 131-140.

215. *Hekkert P., Snelders D., Van Wieringen P.C.* “Most advanced, yet acceptable”: Typicality and novelty as joint predictors of aesthetic preference in industrial design // *British Journal of Psychology*. – 2003. – Vol. 94. – No. 1. – P. 111-124.
216. *Hennessey B.A., Amabile T.M.* Creativity // *Annual Review of Psychology*. – 2010. – Vol. 61. – P. 569–598.
217. *Hillen M.A., Gutheil C. M., Strout T.D., Smets E.M., Han P.K.* Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare // *Social Science & Medicine*. – 2017. – Vol. 180. – P. 62-75.
218. *Hoerger M., Chapman B.P., Epstein R.M., Duberstein P.R.* Emotional intelligence: a theoretical framework for individual differences in affective forecasting // *Emotion*. – 2012. – Vol. 12. – No. 4. – P. 716-725.
219. *Hsee C.K., Rottenstreich Y.* Music, pandas, and muggers: on the affective psychology of value // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 2004. – Vol. 133. – No. 1. – P. 23-30.
220. *Hughes J.S.* Support for the domain specificity of implicit beliefs about persons, intelligence, and morality // *Personality and Individual Differences*. – 2015. – Vol. 86. – P. 195-203.
221. *Hughes D.J., Evans T.R.* Comment: Trait EI moderates the relationship between ability EI and emotion regulation // *Emotion Review*. – 2016. – Vol. 8. – No. 4. – P. 331-332.
222. Hüpen P. Habel U., Schneider F., Kable J.W., Wagels L. Impulsivity moderates skin conductance activity during decision making in a modified version of the Balloon Analog Risk Task [Электронный ресурс] // *Frontiers in neuroscience*. – 2019. – Vol. 13. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2019.00345/full> (дата обращения: 24.06.2021).
223. *Husin W., Santos A., Ramos H.M., Nordin M.S.* The place of emotional intelligence in the “intelligence” taxonomy: Crystallized intelligence or fluid intelligence factor? // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – Vol. 97. – P. 214-223.
224. *Isen A. M., Patrick R.* The effect of positive feelings on risk taking: When the chips are down // *Organizational Behavior and Human Performance*. – 1983. – Vol. 31. – No. 2. – P. 194-202.
225. *Ivcevic Z., Brackett M.A., Mayer J.D.* Emotional intelligence and emotional creativity // *Journal of Personality*. – 2007. – Vol. 75. – No. 2. – P. 199-236.

226. *Kang S.M., Shaver P.R.* Individual differences in emotional complexity: Their psychological implications // *Journal of Personality*. – 2004. – Vol. 72. – No. 4. – P. 687-726.
227. *Karwowski M., Gralewski J., Patston T., Cropley D.H., Kaufman J.C.* The creative student in the eyes of a teacher: A cross-cultural study [Электронный ресурс] // *Thinking Skills and Creativity*. – 2020. – Vol. 35. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1871187119302895> (дата обращения: 28.06.2021).
228. *Kaufman J.C., Sternberg R.J.* Creativity // *Change: The Magazine of Higher Learning*. – 2007. – Vol. 39. – No. 4. – P. 55-60.
229. *Kaufman J.C., Beghetto R.A.* Beyond big and little: The four-c model of creativity // *Review of general psychology*. – 2009. – Vol. 13. – No. 1. – P. 1-12.
230. *Kaufman, J.C.* Creativity 101 / J.C. Kaufman. Springer publishing company, 2016. – 368 p.
231. *Khastari S., Asgari P.* Relationship between Emotional Regulation, Resiliency and Self-Efficacy with Emotional Creativity of Painting Artists in Ahwaz // *Community Health*. – 2019. – Vol. 6. – No. 2. – P. 149-156.
232. *Kim Y., Park K., Kim Y., Yang W., Han D., Kim W.S.* (The Impact of Visual Art and High Affective Arousal on Heuristic Decision-Making in Consumers [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.565829/full> (дата обращения: 24.06.2021).
233. *King R.B., dela Rosa E.D.* Are your emotions under your control or not? Implicit theories of emotion predict well-being via cognitive reappraisal // *Personality and Individual Differences*. – 2019. – Vol. 138. – P. 177-182.
234. *Kirk U., Skov M., Hulme O., Christensen M.S., Zeki S.* Modulation of aesthetic value by semantic context: An fMRI study // *Neuroimage*. – 2009. – Vol. 44. – No. 3. – P. 1125-1132.
235. *Koller M.* Risk as a determinant of trust // *Basic and Applied Social Psychology*. – 1988. – Vol. 9. – No. 4. – P. 265-276.
236. *Kongthong N., Minami T., Nakauchi S.* Semantic processing in subliminal face stimuli: an EEG and tDCS study // *Neuroscience Letters*. – 2013. – Vol. 544. – P. 141-146.
237. *Kornilova T.V., Kornilov S.A.* Intelligence and tolerance/intolerance for uncertainty as predictors of creativity // *Psychology in Russia: State of the art*. – 2010. – Vol. 3. – P. 240-256.

238. *Kozłowski D., Hutchinson M., Hurley J., Rowley J., Sutherland J.* The role of emotion in clinical decision making: an integrative literature review [Электронный ресурс] // BMC medical education. – 2017. – Vol. 17. – No. 1. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s12909-017-1089-7> (дата обращения: 10.06.2021).
239. *Kuhl J.* A functional-design approach to motivation and self-regulation: The dynamics of personality systems interactions // Handbook of self-regulation. – Academic Press, 2000. – P. 111-169.
240. *Kushnir V., Godinho A., Hodgins D.C., Hendershot C.S., Cunningham J.A.* Gender differences in self-conscious emotions and motivation to quit gambling // Journal of gambling studies. – 2016. – Vol. 32. – No. 3. – P. 969-983.
241. *Kuška M., Trnka R., Mana J., Nikolai T.* Emotional creativity: A meta-analysis and integrative review // Creativity Research Journal. – 2020. – Vol. 32. – No. 2. – P. 151-160.
242. *Lazarus R.S.* Relational meaning and discrete emotions. In K. R. Scherer, A. Schorr, T. Johnstone (Eds.) / Oxford University Press. Appraisal processes in emotion: Theory, methods, research, 2001. – 37-67 pp.
243. *Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, appraisal, and coping. – Springer publishing company, 1984. – 445 p.
244. *LeBoutillier N., Barry R.* Psychological mindedness, personality and creative cognition // Creativity Research Journal. – 2018. – Vol. 30. – No. 1. – P. 78-84.
245. *Leder H., Belke B., Oeberst A., Augustin D.* A model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments // British journal of psychology. – 2004. – Vol. 95. – No. 4. – P. 489-508.
246. *Lerner J.S., Li Y., Valdesolo P., Kassam K.* Emotion and decision making // Annual review of psychology. – 2015. – Vol. 66. – P. 799-823.
247. *Lerner J.S., Keltner D.* Beyond valence: Toward a model of emotion-specific influences on judgement and choice // Cognition & Emotion. – 2000. – Vol. 14. – No. 4. – P. 473-493.
248. *Lerner J.S., Keltner D.* Fear, anger, and risk // Journal of Personality and Social Psychology. – 2001. – Vol. 81. – No. 1. – P. 146-159.
249. *Lerner J.S., Small D. A., Loewenstein G.* Heart strings and purse strings: Carryover effects of emotions on economic decisions // Psychological Science. – 2004. – Vol. 15. – No. 5. – P. 337-341.

250. *Littman-Ovadia H., Lavy S.* Differential ratings and associations with well-being of character strengths in two communities // *Health Sociology Review.* – 2012. – Vol. 21. – No. 3. – P. 299-312.
251. *Locher P., Martindale C., Dorfman L.* New directions in aesthetics, creativity and the arts. – Routledge. – 2020. – 288 p.
252. *Locher P., Overbeeke K., Wensveen S.* Aesthetic interaction: A framework // *Des. Issues.* – 2010. – Vol. 26. – No. 2. – P. 70-79.
253. *Locher P., Krupinski E.A., Mello-Thoms C., Nodine C.F.* Visual interest in pictorial art during an aesthetic experience // *Spatial vision.* – 2008. – Vol. 21. – No. 1-2. – P. 55-77.
254. *Loewenstein G.F., Weber E.U., Hsee C.K., Welch N.* Risk as feelings // *Psychological Bulletin.* – 2001. – Vol. 127. – No. 2. – P. 267-286.
255. *Loewenstein G., Lerner J.S.* The role of affect in decision making. In R. J. Davidson, K.R. Scherer, H.H. Goldsmith (Eds.). Oxford University Press. *Handbook of affective sciences.* – 2003. – P. 619–642.
256. *Lohse M., Overgaard M.* Emotional priming depends on the degree of conscious experience // *Neuropsychologia.* – 2019. – Vol. 128. – P. 96-102.
257. *Long C.R., Seburn M., Averill J. R., More T.A.* Solitude experiences: Varieties, settings, and individual differences // *Personality and Social Psychology Bulletin.* – 2003. – Vol. 29. – No. 5. – P. 578-583.
258. *Lyusin D.* Emotion influence on figurative and emotional creativity // 4th International Conference on Intelligence and Creativity (ICIC). Theory, Measurement and Practical Issues. Program & Abstracts. Münster: Westfälische Wilhelms-Universität Münsters. – 2008. – P. 25-30.
259. *MacCann C., Erbas Y., Dejonckheere E., Minbashian A., Kuppens P., Fayn K.* Emotional intelligence relates to emotions, emotion dynamics, and emotion complexity: A meta-analysis and experience sampling study // *European Journal of Psychological Assessment.* – 2020. – Vol. 36. – No. 3. – P. 460-470.
260. *McCrae R.R., Costa Jr.P.T.* Understanding persons: From Stern's personalistics to Five-Factor Theory [Электронный ресурс] // *Personality and Individual Differences.* – 2021. – Vol. 169. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886920300064> (дата обращения: 28.06.2021).
261. *McCrae R.R., Costa Jr.P.T.* Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model. In JS Wiggins // *The five-factor model of personality.* – New York. Guilford press, 1996. – 51-87 pp.

262. *Mahmoud N.E., Kamel S.M., Hamza T.S.* The relationship between tolerance of ambiguity and creativity in architectural design studio // *Creativity Studies*. – 2020. – Vol. 13. – No. 1. – P. 179-198.
263. *Marković S.* Components of aesthetic experience: aesthetic fascination, aesthetic appraisal, and aesthetic emotion // *i-Perception*. – 2012. – Vol. 3. – No. 1. – P. 1-17.
264. *Marth S., Sabitzer T., Hofmann E., Hartl B., Penz E.* The Influence of Regulation on Trust and Risk Preference in Sharing Communities [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.01369/full> (дата обращения: 24.06.2021).
265. *Martindale C.A* neural-network theory of beauty // *Evolutionary and neurocognitive approaches to aesthetics, creativity, and the arts*. Routledge. – 2019. – P. 181-194.
266. *Martindale C.* How does the brain compute aesthetic experience // *The General Psychologist*. – 2001. – Vol. 36. – P. 25-35.
267. *Matthews G., Emo A.K., Funke G., Zeidner M., Roberts R.D., Costa Jr.P.T., Schulze R.* Emotional intelligence, personality, and task-induced stress // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. – 2006. – Vol. 12. – No. 2. – P. 96-107.
268. *Mayer J.D., Salovey P.* The intelligence of emotional intelligence // *Intelligence*. – 1993. – Vol. 17. – P. 433–442.
269. *Mayer J.D.* Emotion, intelligence, and emotional intelligence. In J. P. Forgas (Ed.), *Handbook of affect and social cognition*. – 2001. – P. 410-431.
270. *Meier A.N.* Emotions, risk attitudes, and patience [Электронный ресурс] // *SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research*. – 2019. – No. 1041. – URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/201563> (дата обращения: 10.06.2021).
271. *Mellers B., Schwartz A., Ritov I.* Emotion-based choice // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 1999. – Vol. 128. – No. 3. – P. 332-345.
272. *Menninghaus W., Schindler I., Wagner V., Wassiliwizky E., Hanich J., Jacobsen T., Koelsch S.* Aesthetic emotions are a key factor in aesthetic evaluation: Reply to Skov and Nadal. – 2020. – Vol. 127. – No. 4. – P. 650-654.
273. *Menninghaus W., Wagner V., Hanich J., Wassiliwizky E., Jacobsen T., Koelsch S.* The Distancing-Embracing model of the enjoyment of negative emotions in art reception [Электронный ресурс] // *Behavioral and Brain*

- Sciences. – 2017a. – Vol. 40. – URL: <https://www.cambridge.org/> (дата обращения: 28.06.2021).
274. *Menninghaus W., Wagner V., Hanich J., Wassiliwizky E., Jacobsen T., Koelsch S.* Negative emotions in art reception: Refining theoretical assumptions and adding variables to the Distancing-Embracing model [Электронный ресурс] // Behavioral and Brain Sciences. – 2017b. – Vol. 40. – URL: <https://www.cambridge.org/> (дата обращения: 28.06.2021).
275. *Menninghaus W., Wagner V., Wassiliwizky E., Schindler I., Hanich J., Jacobsen T., Koelsch, S.* What are aesthetic emotions? // Psychological review. – 2019. – Vol. 126. – No. 2. – P. 171-195.
276. *Mestre J.M., MacCann C., Guil R., Roberts R.D.* Models of cognitive ability and emotion can better inform contemporary emotional intelligence frameworks // Emotion Review. – 2016. – Vol. 8. – No. 4. – P. 322-330.
277. *Mikolajczak M.* Going beyond the ability-trait debate: the three-level model of emotional intelligence // E-Journal of Applied Psychology. – 2009. – Vol. 5. – No. 2. – P. 25-31.
278. *Mikolajczak M., Luminet O.* Trait emotional intelligence and the cognitive appraisal of stressful events: An exploratory study // Personality and Individual Differences. – 2008. – Vol. 44. – No. 7. – P. 1445-1453.
279. *Miller C.H., Burgoon J.K., Hall J.R.* The effects of implicit theories of moral character on affective reactions to moral transgressions // Social Cognition. – 2007. – Vol. 25. – No. 6. – P. 819-832.
280. *Moltafet G., Sadati Firoozabadi S.S., Pour-Raisi A.* Parenting style, basic psychological needs, and emotional creativity: A path analysis // Creativity Research Journal. – 2018. – Vol. 30. – No. 2. – P. 187-194.
281. *More T.A., Averill J.R.* The structure of recreation behavior // Journal of leisure research. – 2003. – T. 35. – No. 4. – P. 372-395.
282. *Müller J., Schwierer C.* Big Five personality factors in the Trust Game // Journal of Business Economics. – 2020. – Vol. 90. – No. 1. – P. 37-55.
283. *Murphy S.T., Zajonc R.B.* Affect, cognition, and awareness: affective priming with optimal and suboptimal stimulus exposures // Journal of Personality and Social Psychology. – 1993. – Vol. 64. – No. 5. – P. 723-739.
284. *Myers C.D., Tingley D.* The influence of emotion on trust // Political Analysis. – 2016. – Vol. 24. – No. 4. – P. 492-500.

285. *Myszkowski N., Storme M., Zenasni F., Lubart T.* Is visual aesthetic sensitivity independent from intelligence, personality and creativity? // *Personality and Individual Differences.* – 2014. – Vol. 59. – P. 16-20.
286. *Nava E., Turati C.* Subliminal affective priming changes the ‘feeling’ towards neutral objects in infancy // *Social Neuroscience.* – 2020. – Vol. 15. – No. 4. – P. 447-457.
287. *Niedenthal P.M.* Implicit perception of affective information // *Journal of Experimental Social Psychology.* – 1990. – Vol. 26. – No. 6. – P. 505-527.
288. *Nyklíček I., Denollet J.* Development and evaluation of the Balanced Index of Psychological Mindedness (BIPM) // *Psychological Assessment.* – 2009. – Vol. 21. – No. 1. – P. 32-44.
289. *O'Connor P.J., Brown C.M.* Sex-linked personality traits and stress: Emotional skills protect feminine women from stress but not feminine men // *Personality and Individual Differences.* – 2016. – Vol. 99. – P. 28-32.
290. *Orkibi H., Ram-Vlasov N.* Linking trauma to posttraumatic growth and mental health through emotional and cognitive creativity // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts.* – 2019. – Vol. 13. – No. 4. – P. 416-430.
291. *Oriol X., Amutio A., Mendoza M., Da Costa S., Miranda R.* Emotional creativity as predictor of intrinsic motivation and academic engagement in university students: the mediating role of positive emotions [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology.* – 2016. – Vol. 7. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01243/full> (дата обращения: 24.06.2021).
292. *Papa A., Epstein E., Hayes S.C., Hofmann S.G.* Emotions and emotion regulation // *Process based CBT: The science and core clinical competencies of cognitive behavioral therapy.* – 2018. – P. 137-151.
293. *Peláez I., Martínez-Iñigo D., Barjola P., Cardoso S., Mercado F.* Decreased pain perception by unconscious emotional pictures [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology.* – 2016. – Vol. 7. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01636/full> (дата обращения: 24.06.2021).
294. *Pelowski M., Akiba F.* A model of art perception, evaluation and emotion in transformative aesthetic experience // *New Ideas in Psychology.* – 2011. – Vol. 29. – No. 2. – P. 80-97.
295. *Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J.* Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: a meta-analysis [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology.* – 2015. – Vol. 6. – URL:

- <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.00160/full> (дата обращения: 28.06.2021).
296. *Pérez-González J.C., Sanchez-Ruiz M.J.* Trait emotional intelligence anchored within the Big Five, Big Two and Big One frameworks // *Personality and Individual Differences*. – 2014. – Vol. 65. – P. 53–58.
297. *Petrides K.V., Frederickson N., Furnham A.* The role of trait emotional intelligence in academic performance and deviant behavior at school // *Personality and Individual Differences*. – 2004. – Vol. 36. – No. 2. – P. 277-293.
298. *Petrides K.V., Furnham A.* Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies // *European journal of personality*. – 2001. – Vol. 15. – No. 6. – P. 425-448.
299. *Petrides K.V., Furnham A., Mavroveli S.* Trait emotional intelligence: Moving forward in the field of EI // *Emotional intelligence: Knowns and unknowns*. – 2007. – Т. 4. – P. 151-166.
300. *Ramsøy T.Z., Overgaard M.* Introspection and subliminal perception // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2004. – Vol. 3. – No. 1. – P. 1-23.
301. *Rate C.R., Clarke J. A., Lindsay D.R., Sternberg R.J.* Implicit theories of courage // *The Journal of Positive Psychology*. – 2007. – Vol. 2. – No. 2. – P. 80-98.
302. *Reber R., Winkielman P., Schwarz N.* Effects of perceptual fluency on affective judgments // *Psychological Science*. – 1998. – Vol. 9. – No. 1. – P. 45-48.
303. *Redies C.* Combining universal beauty and cultural context in a unifying model of visual aesthetic experience [Электронный ресурс] // *Frontiers in human neuroscience*. – 2015. – Vol. 9. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2015.00218/full> (дата обращения: 28.06.2021).
304. *Robinson E., Hull L., Petrides K.V.* Big Five model and trait emotional intelligence in camouflaging behaviours in autism [Электронный ресурс] // *Personality and Individual Differences*. – 2020. – Vol. 152. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886919304970> (дата обращения: 24.06.2021).
305. *Robinson J.R., Workman J.E., Freeburg B.W.* Creativity and tolerance of ambiguity in fashion design students // *International Journal of Fashion Design, Technology and Education*. – 2019. – Vol. 12. – No. 1. – P. 96-104.

306. *Rothermund K., Voss A., Wentura D.* Counter-regulation in affective attentional biases: a basic mechanism that warrants flexibility in emotion and motivation // *Emotion*. – 2008. – Vol. 8. – No. 1. – P. 34-46.
307. *Rothkirch M., Hesselmann G.* What we talk about when we talk about unconscious processing – A plea for best practices // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – P. 835. <https://www.frontiersin.org/> (дата обращения: 24.06.2021).
308. *Rottenstreich Y., Hsee C.K.* Money, kisses, and electric shocks: On the affective psychology of risk // *Psychological science*. – 2001. – Vol. 12. – No. 3. – P. 185-190.
309. *Runco M.A.* Teachers' judgments of creativity and social validation of divergent thinking tests // *Perceptual and Motor Skills*. – 1984. – Vol. 59. – No. 3. – P. 711-717.
310. *Runco M.A., Johnson D.J., Bear P.K.* Parents' and teachers' implicit theories of children's creativity // *Child Study Journal*. – 1993. – Vol. 23. – No. 2. – P. 91–113.
311. *Scharlemann J.P., Eckel C.C., Kacelnik A., Wilson R.K.* The value of a smile: Game theory with a human face // *Journal of Economic Psychology*. – 2001. – Vol. 22. – No. 5. – P. 617-640.
312. *Scherer K.R.* Which emotions can be induced by music? What are the underlying mechanisms? And how can we measure them? // *Journal new Music Researches*. – 2004. – Vol. 33. – No 3. – P. 239–251.
313. *Shestova M. Kornilova T.* Affective Priming and Decision-Making in the Economic Game // *International Conference on Cognitive Sciences*. In: *Velichkovsky B.M., Balaban P.M., Ushakov V.L. (eds) Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Intercognsci 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 1358. – Springer. – Cham. – 2020. – P. 250-255.*
314. *Schindler I. Hosoya G., Menninghaus W., Beermann U., Wagner V., Eid M., Scherer K.R.* Measuring aesthetic emotions: A review of the literature and a new assessment tool [Электронный ресурс] // *PloS one*. – 2017. – Vol. 12. – No. 6. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0178899> (дата обращения: 28.06.2021).
315. *Schneider W.J., McGrew K.S.* The Cattell–Horn–Carroll theory of cognitive abilities. In *D. P. Flanagan & E. M. McDonough (Eds.), Contemporary*

- intellectual assessment: Theories, tests, and issues. The Guilford Press. – 2018. P. 73–163.
316. *Schoeller F., Perlovsky L.* Aesthetic chills: knowledge-acquisition, meaning-making, and aesthetic emotions [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology* – 2016. – Vol. 7. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01093/full> (дата обращения: 24.06.2021).
317. *Schwarz N., Clore G.L.* How do I feel about it? Informative functions of affective states // *Affect, cognition, and social behavior* / K. Fiedler, J. Forgas (Eds.). – Toronto: Hogrefe International. – 1988. – P. 44–62.
318. *Séguin J.R., Arseneault L., Tremblay R.E.* The contribution of “cool” and “hot” components of decision-making in adolescence: Implications for developmental psychopathology // *Cognitive Development*. – 2007. – Vol. 22. – No. 4. – P. 530-543.
319. *Sevdalis N., Petrides K. V., Harvey N.* Trait emotional intelligence and decision-related emotions // *Personality and Individual Differences*. – 2007. – Vol. 42. – No. 7. – P. 1347-1358.
320. *Silvia P.J.* Cognitive appraisals and interest in visual art: Exploring an appraisal theory of aesthetic emotions // *Empirical studies of the arts*. – 2005. – Т. 23. – №. 2. – С. 119-133.
321. *Silvia P.J.* Looking past pleasure: anger, confusion, disgust, pride, surprise, and other unusual aesthetic emotions // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. – 2009. – Vol. 3. – No. 1. – P. 48-51.
322. *Silvia P.J., Brown E. M.* Anger, disgust, and the negative aesthetic emotions: Expanding an appraisal model of aesthetic experience // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. – 2007. – Vol. 1. – No. 2. – P. 100-106.
323. *Simonton D.K.* Teaching creativity: Current findings, trends, and controversies in the psychology of creativity // *Teaching of Psychology*. – 2012. – Vol. 39. – No. 3. – P. 217-222.
324. *Skov M., Nadal M.* There are no aesthetic emotions: Comment on Menninghaus et al. (2019) // *Psychological Review*. – 2020. – Vol. 127. – No. 4. – P. 640–649.
325. *Slovic P., Finucane, M.L., Peters E., MacGregor D.G.* The affect heuristic // *European Journal of Operational Research*. – 2007. – Vol. 177. – No 3. – P. 1333-1352.

326. *Smith C.A., Ellsworth P.C.* Patterns of cognitive appraisal in emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1985. – Vol. 48. – No. 4. – P. 813-838.
327. *Soroa G., Gorostiaga A., Aritzeta A., Balluerka N.* A shortened Spanish version of the Emotional Creativity Inventory (the ECI-S) // *Creativity Research Journal*. – 2015. – Vol. 27. – No. 2. – P. 232-239.
328. *Soroa G., Aritzeta A., Balluerka N., Gorostiaga A.* Adaptation and validation of the Basque versión of the Emotional Creativity Inventory in higher education [Электронный ресурс] // *The Spanish journal of psychology*. – 2016. – Vol. 19. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5508011> (дата обращения: 24.06.2021).
329. *Sterzer P., Stein T., Ludwig K., Rothkirch M., Hesselmann G.* Neural processing of visual information under interocular suppression: A critical review [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. – 2014. – Vol. 5. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.00453/full> дата обращения: 24.06.2021).
330. *Stojilović I.* Effects of creativity on aesthetic experience // *Psihologija*. – 2017. – Vol. 50. – No. 3. – P. 319-339.
331. *Tamir M., John O.P., Srivastava S., Gross J.J.* Implicit theories of emotion: affective and social outcomes across a major life transition // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2007. – Vol. 92. – No. 4. – P. 731-744.
332. *Tanaka M., Yamada E., Maekawa T., Ogata K., Takamiya N., Nakazono H., Tobimatsu S.* Gender differences in subliminal affective face priming: A high-density ERP study [Электронный ресурс] // *Brain and Behavior*. – 2021. – Vol. 11. – No. 4. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/brb3.2060> (дата обращения: 24.06.2021).
333. *Tao Y., Cai Y., Rana C., Zhong Y.* The impact of the Extraversion-Introversion personality traits and emotions in a moral decision-making task [Электронный ресурс] // *Personality and Individual Differences*. – 2020. – Vol. 158. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886920300301> (дата обращения: 10.06.2021).
334. *Thompson R.A.* Emotion regulation: A theme in search of definition // *Monographs of the society for research in child development*. – 1994. – Vol. 59. – No. 2-3. – P. 25-52.
335. *Tinio P.L., Smith J.K. (ed.).* The Cambridge handbook of the psychology of aesthetics and the arts. – Cambridge University Press. – 2014. – 646 p.

336. *Trnka R., Cabelkova I., Kuška M., Nikolai T.* Cognitive decline influences emotional creativity in the elderly // *Creativity Research Journal*. – 2019. – Vol. 31. – No. 1. – P. 93-101.
337. *Trnka R., Zahradnik M., Kuška M.* Emotional creativity and real-life involvement in different types of creative leisure activities // *Creativity Research Journal*. – 2016. – Vol. 28. – No. 3. – P. 348–356.
338. *Tyagi V., Hanoch Y., Hall S.D., Runco M., Denham S.L.* The risky side of creativity: Domain specific risk taking in creative individuals [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00145/full> (дата обращения: 10.06.2021).
339. *Van de Cruys S., Wagemans J.* Putting reward in art: a tentative prediction error account of visual art // *i-Perception*. – 2011. – Vol. 2. – No. 9. – P. 1035-1062.
340. *Volz K.G., Gigerenzer G.* Cognitive processes in decisions under risk are not the same as in decisions under uncertainty [Электронный ресурс] // *Frontiers in Neuroscience*. – 2012. – Vol. 6. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2012.00105/full> (дата обращения: 10.06.2021).
341. *Wang G.M., Yan L.S.* Validity and reliability of the emotional creativity inventory in Chinese adolescents // *Chinese Journal of Clinical Psychology* – 2017. – Vol. 25. – P. 467-474.
342. *Wang G., Huang, H., Zheng Q.* Effect of Chinese employees' emotional creativity on their innovative performance // *Social Behavior and Personality: an international journal*. – 2015. – Vol. 43. – No. 7. – P. 1147–1160.
343. *Wong P.S., Root J.C.* Dynamic variations in affective priming // *Consciousness and Cognition*. – 2003. – Vol. 12. – No. 2. – P. 147-168.
344. *Yang Y.H., Yeh S.L.* Unconscious processing of facial expression as revealed by affective priming under continuous flash suppression // *Psychonomic bulletin & review*. – 2018. – Vol. 25. – No. 6. – P. 2215-2223.
345. *Zaleskiewicz T., Traczyk J.* Emotions and financial decision making // *Psychological perspectives on financial decision making*. – Springer, Cham. – 2020. – P. 107-133.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Бланк Опросника Эмоциональной Креативности Дж.

Эверилла

Опросник ЕСІ

ФИО _____ Пол _____ Возраст _____ Факультет _____

Инструкция: оцените каждое из приведенных ниже утверждений, используя шкалу от 1 (если это утверждение менее истинно по отношению к вам, чем к «среднему человеку» или вы абсолютно не согласны с этим утверждением) до 5 баллов (если это утверждение более истинно по отношению к вам, чем к «среднему человеку», или вы абсолютно согласны с этим утверждением).

Отметьте цифру, соответствующую Вашему ответу:

- 1 — абсолютно не согласен
- 2 — скорее не согласен
- 3 — умеренно согласен
- 4 — скорее согласен
- 5 — Абсолютно согласен.

п/п	Вопрос	1	2	3	4	5
1	Когда у меня возникают сильные эмоциональные реакции, я ищу их причины	1	2	3	4	5
2	Я считаю, что над эмоциональным развитием следует работать так же усердно, как и над интеллектуальным	1	2	3	4	5
3	Я размышляю о своих эмоциональных реакциях и стараюсь понять их	1	2	3	4	5
4	Меня не особенно интересует эмоциональная сторона моей жизни	1	2	3	4	5
5	Я обдумываю свой прошлый эмоциональный опыт, чтобы справиться с текущими эмоциональными проблемами	1	2	3	4	5
6	После переживания сильных эмоций я стараюсь отстраниться от них и объективно оценить	1	2	3	4	5
7	Я внимателен к эмоциям других людей, так как мне это помогает лучше понимать свои чувства	1	2	3	4	5
8	Мои эмоциональные реакции уникальны и отличаются от эмоций других людей	1	2	3	4	5
9	Я могу представить себя одиноким, разгневанным и веселым одновременно	1	2	3	4	5
10	Иногда я переживаю эмоции и чувства, которые нелегко описать обычными словами	1	2	3	4	5
11	Я испытывал такие сочетания эмоций, которые другие люди, вероятно, никогда не переживали	1	2	3	4	5
12	Мне нравятся музыка, танцы и картины, которые вызывают новые и	1	2	3	4	5

	необычные эмоции					
13	Я испытывал эмоциональные переживания, о которых можно сказать, что они необычны или выходят за рамки общепринятых	1	2	3	4	5
14	В эмоциональных ситуациях, я склонен реагировать не так, как другие люди	1	2	3	4	5
15	Мне нравится выдумывать ситуации, требующие необычных, редких, нетрадиционных эмоциональных реакций	1	2	3	4	5
16	В своих эмоциональных реакциях я довольно изобретателен и оригинален	1	2	3	4	5
17	Мне нужно было стать поэтом или романистом, чтобы описать те эмоции, которые я иногда испытываю, настолько они неповторимые	1	2	3	4	5
18	Я могу испытывать множество разных эмоций одновременно	1	2	3	4	5
19	Я предпочитаю фильмы и книги, в которых изображаются сложные и невероятные эмоциональные ситуации	1	2	3	4	5
20	Многообразие моих эмоциональных реакций иногда превышает мои возможности описания того, что я чувствую	1	2	3	4	5
21	Я способен испытывать большое количество различных эмоций	1	2	3	4	5
22	Я хорошо приспосабливаюсь к ситуациям, которые вызывают новые или необычные эмоции	1	2	3	4	5
23	Мне хорошо удается выражать свои эмоции	1	2	3	4	5
24	В отношениях с другими людьми мне помогает то, как я переживаю и выражаю свои эмоции	1	2	3	4	5
25	Мои эмоции помогают мне достигать целей в жизни	1	2	3	4	5
26	Мои эмоции играют важную роль в моей жизни: без них она не имела бы смысла	1	2	3	4	5
27	Я стараюсь быть честным в своих эмоциональных реакциях, даже если это создает мне проблемы	1	2	3	4	5
28	Мои эмоции почти всегда выражают мои подлинные мысли чувства	1	2	3	4	5
29	Мои внешние эмоциональные реакции точно отражают мои внутренние чувства	1	2	3	4	5
30	Я стараюсь маскировать и прятать свои эмоции	1	2	3	4	5

Приложение 2. График каменной осыпи для Опросника Эмоциональной
Креативности Дж. Эверилла.

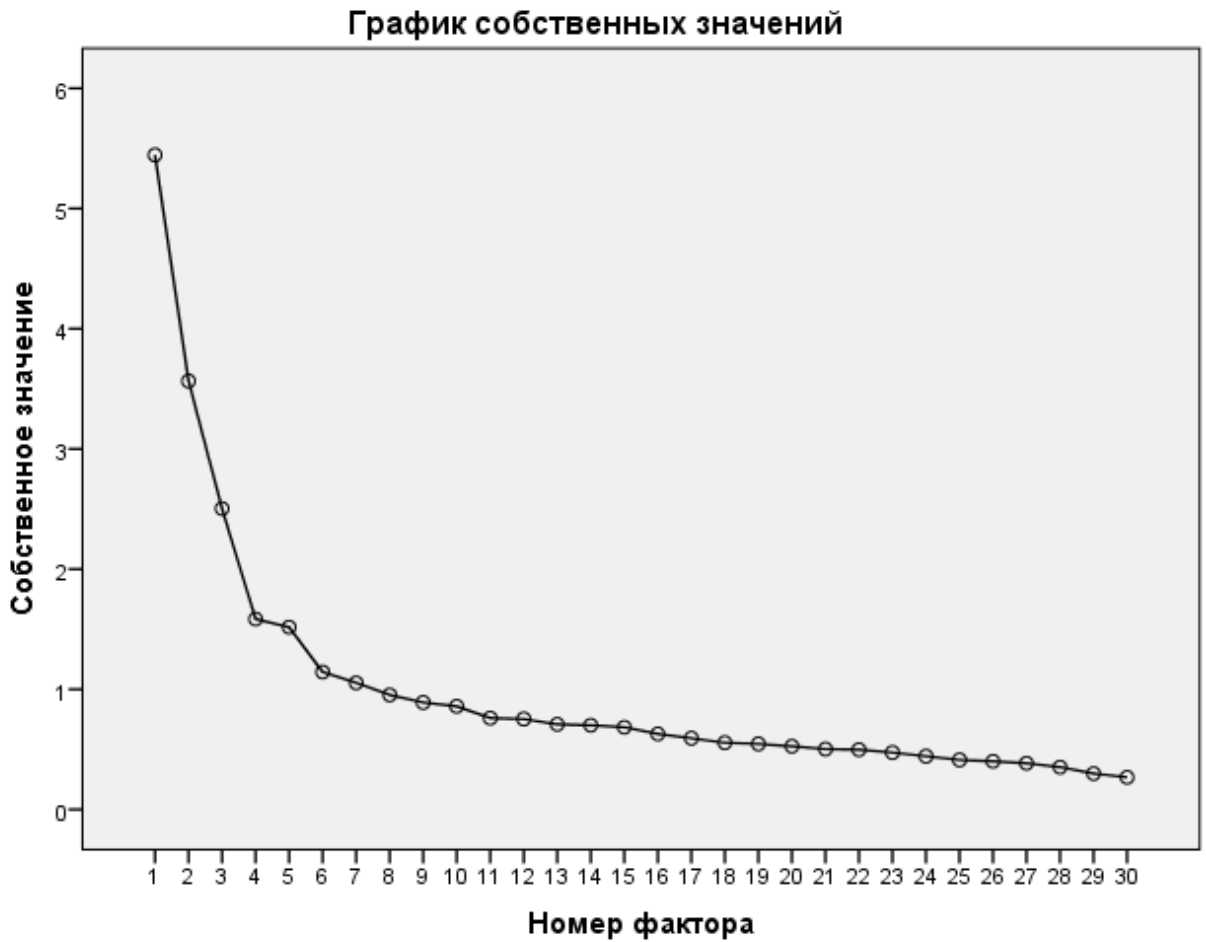

Рисунок 1. График каменной осыпи для Опросника Эмоциональной
Креативности Дж. Эверилла.

*Приложение 3. Психометрические показатели Опросника Эмоциональной
Креативности Дж. Эверилла.*

№	Название фактора	№ пункта	Название пункта	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия*	Эксцесс**	Корреляция пункта со шкалой	α -Кронбаха, если удалить пункт
1	Новизна-уникальность (α -Кронбаха = 0,799)	8	Мои эмоциональные реакции уникальны и отличаются от эмоций других людей	2,66	1,13	0,49	-0,50	0,526	0,774
		11	Я испытывал такие сочетания эмоций, которые другие люди, вероятно, никогда не переживали	2,91	1,46	0,09	-1,40	0,573	0,765
		13	Я испытывал эмоциональные переживания, о которых можно сказать, что они необычны или выходят за рамки общепринятых	3,61	1,22	-0,52	-0,83	0,595	0,761
		14	В эмоциональных ситуациях, я склонен реагировать не так, как другие люди	2,44	1,22	0,76	-0,36	0,525	0,775
		15	Мне нравится выдумывать ситуации, требующие необычных, редких, нетрадиционных эмоциональных реакций	4,12	1,04	-1,14	0,64	0,463	0,787
		16	В своих эмоциональных реакциях я довольно изобретателен и оригинален	3,01	1,27	0,18	-1,12	0,590	0,763
		17	Мне нужно было стать поэтом или романистом, чтобы описать те эмоции, которые я иногда испытываю, настолько они неповторимые	2,75	1,08	0,43	-0,55	0,457	0,787
2	Готовность размышлять над эмоциями (α -	1	Когда у меня возникают сильные эмоциональные реакции, я ищу их причины	3,95	1,01	-0,74	-0,18	0,529	0,670

	Кронбаха = 0,728)	2	Я считаю, что над эмоциональным развитием следует работать так же усердно, как и над интеллектуальным	4,16	0,97	-1,03	0,41	0,433	0,699
		3	Я размышляю о своих эмоциональных реакциях и стараюсь понять их	4,11	0,96	-1,04	0,60	0,671	0,628
		4	Меня не особенно интересует эмоциональная сторона моей жизни (R)	1,66	0,99	1,74	2,67	0,324	0,729
		5	Я обдумываю свой прошлый эмоциональный опыт, чтобы справиться с текущими эмоциональными проблемами	3,99	0,98	-0,97	0,60	0,522	0,672
		6	После переживания сильных эмоций я стараюсь отстраниться от них и объективно оценить	3,76	1,09	-0,69	-0,22	0,329	0,732
3	Многообразие порождаемых эмоций (α-Кронбаха = 0,759)	9	Я могу представить себя одиноким, разгневанным и веселым одновременно	2,91	1,46	0,09	-1,40	0,482	0,735
		10	Иногда я переживаю эмоции и чувства, которые нелегко описать обычными словами	3,61	1,22	-0,52	-0,83	0,523	0,717
		18	Я могу испытывать множество разных эмоций одновременно	2,44	1,22	-0,32	-0,80	0,615	0,693
		19	Я предпочитаю фильмы и книги, в которых изображаются сложные и невероятные эмоциональные ситуации	4,12	1,04	-0,71	-0,29	0,374	0,754
		20	Многообразие моих эмоциональных реакций иногда превышает мои возможности описания того, что я чувствую	3,01	1,27	0,06	-0,94	0,560	0,708
		21	Я способен испытывать большое	2,75	1,08	-0,79	0,13	0,474	0,732

			количество различных эмоций						
4	Аутентичность (α -Кронбаха = 0,779)	27	Я стараюсь быть честным в своих эмоциональных реакциях, даже если это создает мне проблемы	3,55	1,18	-0,46	-0,72	0,572	0,732
		28	Мои эмоции почти всегда выражают мои подлинные мысли чувства	3,45	1,17	-0,40	-0,72	0,673	0,679
		29	Мои внешние эмоциональные реакции точно отражают мои внутренние чувства	2,93	1,24	0,12	-0,97	0,638	0,696
		30	Я стараюсь маскировать и прятать свои эмоции (R)	2,99	1,16	0,11	-0,85	0,459	0,786
5	Эффективность (α -Кронбаха = 0,754)	7	Я внимателен к эмоциям других людей, так как мне это помогает лучше понимать свои чувства	3,78	1,06	-0,66	-0,28	0,404	0,741
		22	Я хорошо приспосабливаюсь к ситуациям, которые вызывают новые или необычные эмоции	3,37	1,07	-0,13	-0,71	0,389	0,745
		23	Мне хорошо удастся выражать свои эмоции	3,37	1,13	-0,20	-0,90	0,472	0,724
		24	В отношениях с другими людьми мне помогает то, как я переживаю и выражаю свои эмоции	3,35	1,15	-0,22	-0,84	0,640	0,676
		25	Мои эмоции помогают мне достигать целей в жизни	3,02	1,19	-0,04	-0,92	0,597	0,688
		26	Мои эмоции играют важную роль в моей жизни: без них она не имела бы смысла	3,66	1,20	-0,59	-0,57	0,462	0,727

Примечание. *стандартная ошибка асимметрии равна 0,09; **стандартная ошибка эксцесса равна 0,19.

*Приложение 4. Показатели процентиля для шкал Опросника
Эмоциональной Креативности Дж. Эверилла.*

		Новизна- уникальн ость	Готовность размышлять над эмоциями	Эффект ивность	Аутенти чность	Многообраз ие порождаемы х эмоций
Выборка в целом N = 665						
Минимальное, набранное участниками, значение по шкале		7	6	8	4	6
Максимальное, набранное участниками, значение по шкале		35	30	30	20	30
Среднее		19	24	20	13	21
Процентиль	10	12	19	14	8	14
	25	15	22	17	10	17
	50	18	25	21	13	21
	75	23	27	24	16	24
	90	27	29	26	18	27
Для женщин N = 388						
Минимальное значение, набранное участниками по шкале		7	6	8	4	7
Максимальное значение, набранное участниками по шкале		33	30	30	20	30
Среднее		19	25	21	13	21
Процентиль	10	12	20	14	8	14
	25	15	23	17	10	18
	50	18	25	21	13	21
	75	22	28	24	16	24
	90	26	29	26	18	28
Для мужчин N = 276						
Минимальное, набранное участниками, значение по шкале		7	10	8	4	6
Максимальное, набранное участниками, значение по шкале		35	30	30	20	30
Среднее		19	24	21	13	20
Процентиль	10	12	18	14	8	14
	25	15	21	18	10	17
	50	19	24	21	13	20
	75	23	27	24	15	24
	90	28	28	26	17	27

Приложение 5. Матрица интеркорреляций эмоционального интеллекта, эмоциональной креативности и толерантности к неопределенности

	ТН	ИТН	МИТН	Новизна-уникальность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффективность	Аутентичность	Многообразие эмоций	Благополучие	Самоконтроль	Эмоциональность	Социальность
Новизна-уникальность	0,353**	-0,038	0,124*	1								
Готовность размышлять над эмоциями	0,250**	-0,024	0,165**	0,046	1							
Эффективность	0,404**	-0,058	-0,121*	0,158*	0,259**	1						
Аутентичность	0,131*	0,036	-0,130*	0,055	0,151*	0,227**	1					
Многообразие эмоций	0,365**	-0,096	0,223**	0,559**	0,097	0,201**	0,095	1				
Благополучие	0,203	0,139	-0,156	-0,04	0,144*	0,418**	0,088	-0,04	1			
Самоконтроль	-0,045	0,028	-0,261*	-0,174**	0,088	0,199**	-0,012	-0,163*	0,357**	1		
Эмоциональность	0,018	0,107	-0,03	-0,02	0,178**	0,460**	0,141*	0,08	0,425**	0,280**	1	
Социальность	0,088	-0,068	-0,262*	0,165*	-0,017	0,475**	0,01	0,071	0,433**	0,278**	0,410**	1
МП	0,135	0,264*	-0,201	0,210**	0,178**	0,445**	0,057	0,1	0,240**	0,251**	0,357**	0,435**
МУ	0,231	0,129	-0,183	0,113	0,102	0,516**	0,145*	0,018	0,352**	0,340**	0,384**	0,584**
ВП	-0,125	0,343**	0,006	-0,250**	0,142*	0,268**	0,117	-0,300**	0,276**	0,325**	0,297**	0,254**
ВУ	-0,052	-0,059	-0,370**	-0,068	0,086	0,270**	-0,086	-0,211**	0,347**	0,499**	0,264**	0,385**
ВЭ	-0,098	-0,137	-0,232	-0,061	-0,062	-0,072	-0,276**	-0,235**	0,087	0,382**	0,004	0,185**
МЭИ	0,211	0,207	-0,204	0,182**	0,157*	0,534**	0,121	0,067	0,320**	0,324**	0,405**	0,573**
ВЭИ	-0,093	0,089	-0,270*	-0,204**	0,08	0,210**	-0,075	-0,320**	0,306**	0,515**	0,268**	0,345**
ПЭ	0,009	0,363**	-0,097	-0,014	0,184**	0,423**	0,101	-0,12	0,283**	0,341**	0,386**	0,408**
УЭ	0,048	-0,017	-0,340**	-0,004	0,04	0,353**	-0,078	-0,175**	0,357**	0,526**	0,306**	0,521**

Примечание. Корреляция Спирмена, * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$

1. *Связи шкал опросника ЧЭИ с эмоциональной креативностью.* В тестировании приняло участие 231 человек – 125 ж., 106 м. ($M=20,7$; $Med = 20$; $SD = 3,2$).
2. *Связи шкал опросника ЧЭИ с шкалами опросника ЭМИн.* В тестировании приняло участие 223 человека – 120 ж., 103 м. ($M=20$; $Med = 20$; $SD = 3,3$).
3. *Связи шкал опросника ЧЭИ и толерантности к неопределенности.* В тестировании приняло участие 58 человек – 44 ж., и 15 м. ($M=20$; $Med = 20$; $SD = 1,2$).
4. *Связи эмоциональной креативности и толерантности к неопределенности.* В тестировании приняло участие 216 человек - 181 ж. и 35 м. ($M = 20,89$, $SD = 3,88$).
5. *Связи эмоциональной креативности и опросника ЭМИн.* В тестировании приняло участие 219 человек – 116 ж., 103 м. ($M=20$; $Med = 20$; $SD = 3,3$).
6. *Связи шкал опросника ЭМИн и толерантности к неопределенности.* В тестировании приняло участие 59 человек – 44 ж., 15 м. ($M=20$; $Med = 20$; $SD = 1,2$).

Приложение 6. Дополнительное исследование вклада профессиональной принадлежности в процесс принятия решений в игре «Доверие».

Введение. Представители разных профессий обладают различным запасом базовых знаний. Так экономисты имеют более глубокое представление о теории игр и о том, что лицо принимающее решение будет действовать исходя из ожиданий максимальной полезности.

Гипотезы:

1. Профессиональная принадлежность участников исследования будет сказываться в том, что экономисты будут выигрывать большее количество условных монет, используя выгодные стратегии доверия.
2. Личностные свойства склонности к риску, импульсивности, эмоциональной креативности наряду с убеждениями личности в доброту мира будут включены в процессы принятия решений в игре «Доверие».

Участники исследования – 73 студента, из них экономистов 25 ч., психологов 48; всего 36 м. и 37 ж. ($M_{\text{возраст}} = 20$; $SD = 3.5$).

Методики:

1. Игра «Доверие» (Bergman, 1995).

Психодиагностические методики:

1. Опросник Импульсивность-7 (Корнилова, Долныкова, 1995)
2. Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла (Корнилова, Шестова, Павлова, 2020)
3. Шкала базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульманн (Падун, Котельникова, 2008).

Результаты проверки гипотез, выдвинутых в исследовании 6

Результаты проверки гипотезы 1 о влиянии фактора профессиональной принадлежности на зависимые переменные «Количество решений с ориентацией на доверие», «Выигрыш», «Время, затраченное на принятие решения»

Для выявления различий между студентами, имеющими разную профессиональную принадлежность (психологи и экономисты) по количеству выборов доверия в игре, общего выигрыша и времени, затраченного на принятие решений, был использован критерий Манна-Уитни.

Критерий показал значимые различия между психологами и экономистами по всем показателям: психологи чаще доверяют, нежели обманывают (U Манна-Уитни = 30362, $p < 0,01$, см. рис. 1) и соответственно выигрывают больше условных монет (U Манна-Уитни = 35274, $p < 0,05$, см. рис. 2). Экономисты, в сравнении с психологами, чаще обманывают, меньше выигрывают монет, и меньше думают над выбором «довериться» или «обмануть» (U Манна-Уитни = 50039, $p < 0,01$, см. рис. 3).

Поскольку мы получили различия между студентами двух разных профессиональных групп, то следующим шагом является объяснение полученных различий.

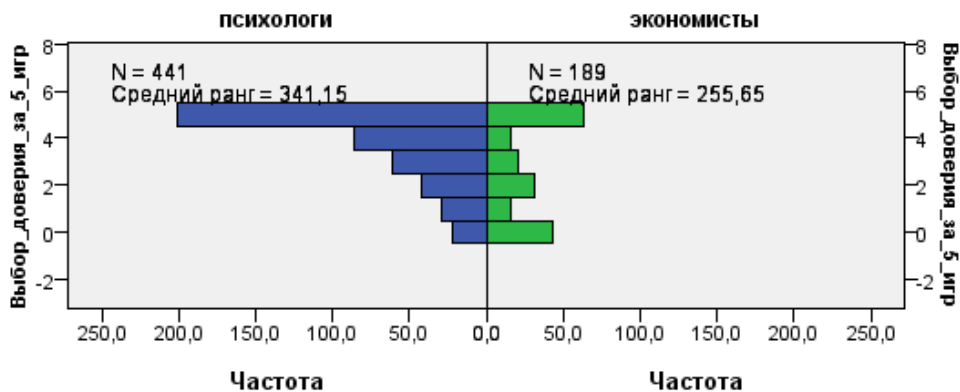

Рисунок 1. Ранги для ЗП «Выборы доверия» для студентов психологического и экономического факультетов.

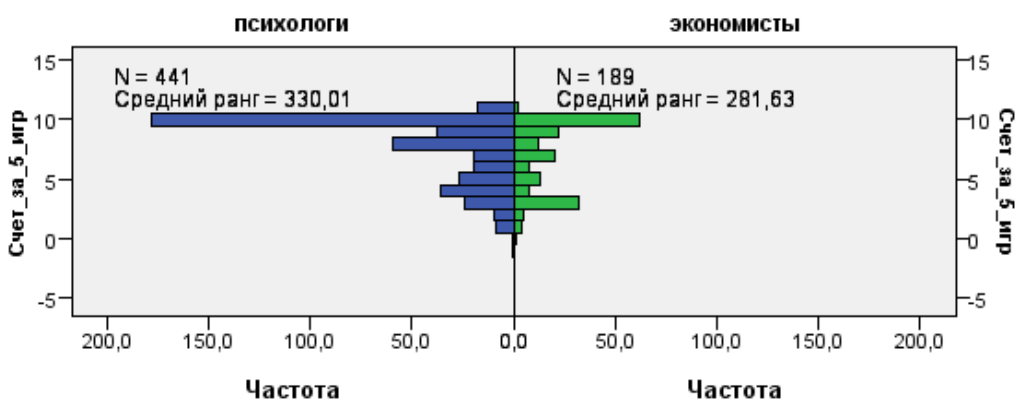

Рисунок 2. Ранги ЗП «Выигрыш» для студентов психологического и экономического факультетов.

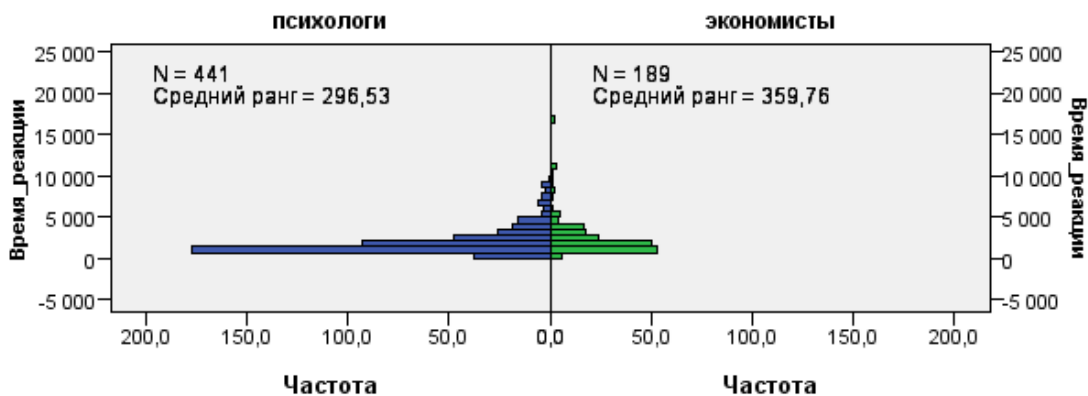

Рисунок 3. Ранги для ЗП «Время, затраченное на принятие решения о доверии», для студентов психологического и экономического факультетов.

Результаты проверки гипотезы 2 о различиях в личностных диспозициональных переменных между психологами и экономистами.

Для проверки этой гипотезы был применен критерий Манна-Уитни. Экономисты в сравнении с психологами в меньшей степени склонны доверять миру, (U Манна-Уитни = 237, $p < 0,01$), обладают меньшей импульсивностью (U Манна-Уитни = 717, $p < 0,05$) и менее эмоционально креативные в компонентах новизны-уникальности (U Манна-Уитни = 722, $p < 0,05$) и многообразия порождаемых эмоций (U Манна-Уитни = 769, $p < 0,05$). Экономисты и психологи не различаются по личностному свойству риска (U Манна-Уитни = 619, $p=0,311$).

Обсуждение полученных в исследовании 6 результатов

Полученные различия между профессиональными группами студентов психологов и экономистов оказались неожиданными, мы предсказывали, что экономисты будут лучше справляться с игрой «Доверие», так как они уже ознакомились с теорией игр и теорией ожидаемой полезности. Запас специальных знаний должен был способствовать принятию экономистами рациональных решений и актуализировать стремление к наибольшей выгоде. Однако результаты исследования показывают обратное: экономисты, обладая всеми необходимыми знаниями для принятия рационального решения оказываются в проигрыше по сравнению с психологами. *На основании этих результатов, гипотеза 1, выдвинутая в исследовании 6 отвергается и принимается альтернативная, о том, что психологи выигрывают больше условных монет, чаще принимают решения с ориентацией на доверие и больше времени тратят на принятие решений.* Данные результаты частично могут быть объяснены индивидуальными различиями психологов и экономистов по диспозициональным переменным: по уровню базового доверия миру, экономисты меньше доверяют миру, чем психологи. *В связи с чем, гипотеза 2, выдвинутая в исследовании 6 так же принимается.*

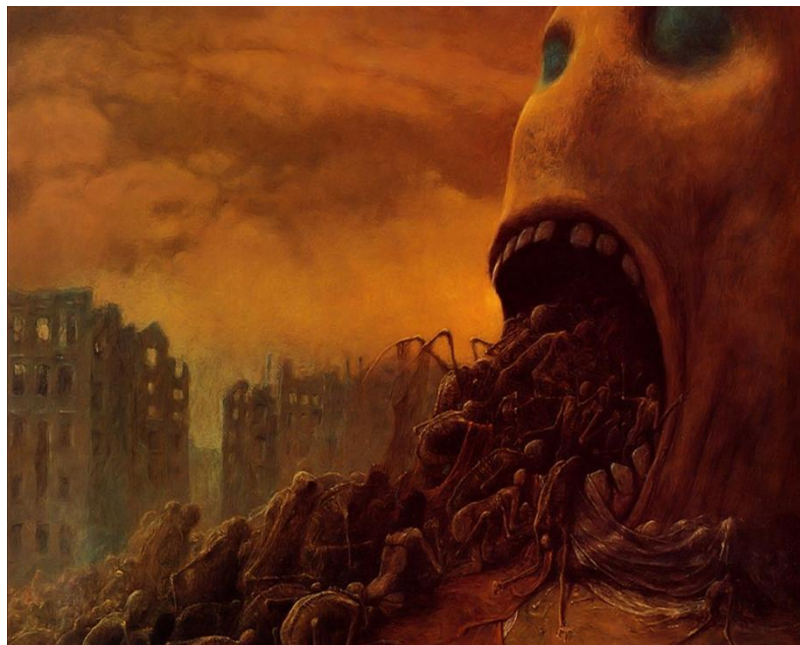
Ограничением проведенного исследования оказывается малое количество выборки, для получения более достоверных различий следует расширить выборку экономистов.

Выводы:

1. Представители разных профессиональных групп различаются по всем зависимым переменным: «выигрышу», «количеству решений с ориентацией на доверие», «времени, затраченному на принятие решений». Экономисты в сравнении с психологами меньше размышляют над принятием решения, меньше выигрывают условных монет, реже принимают решения с ориентировкой на доверие.
2. Экономисты в сравнении с психологами обладают меньшим базовым доверием миру, меньшей импульсивностью, они менее эмоционально креативны в компонентах «новизны-уникальности» и «многообразии порождаемых эмоций».
3. Экономисты и психологи не различаются по личностной переменной склонность к риску.

*Приложение 7. Набор стимулов, использованных, для модулирования
эстетических эмоций*

Стимулы, модулирующие негативные эстетические эмоции
Все картины взяты из сети Интернет

Автор: Здзислав Бексиньский (Zdzislaw Beksinski). Взято с сайта:
<https://www.sociedelic.com/surrealism-polish-painter-who-learned-to-photograph-dreams/?login=1>

Автор: Василий Шульженко, картина: «Упавший», 1990 год. Взято с сайта:
<https://paintingart.ru/gallery/shulzhenkov/13058.html>

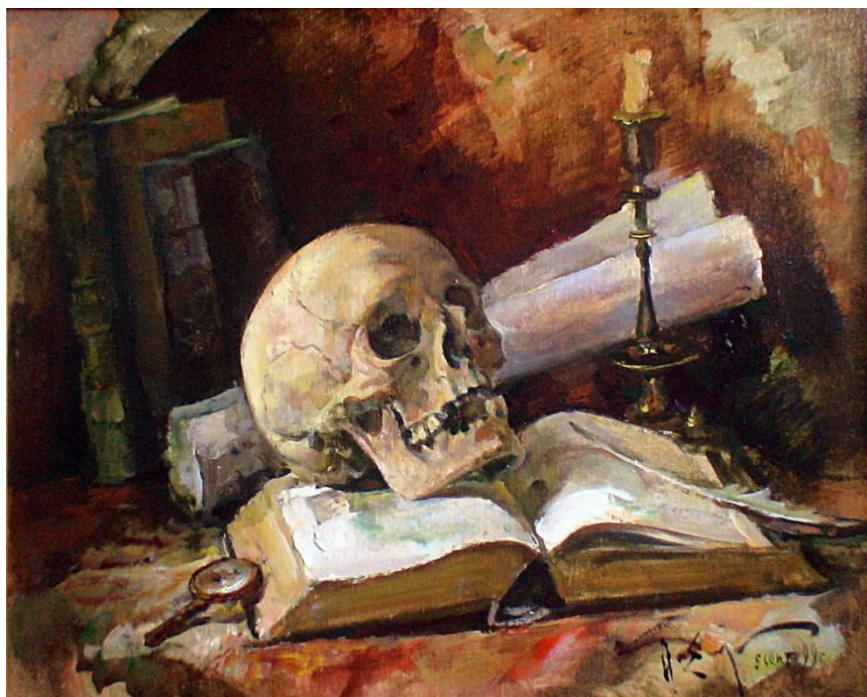
Автор: Василий Шульженко, картина: «Пастух». Взято с сайта:
https://s30482764586.mirtesen.ru/blog/43912387300/Alkohol-i-nischeta.-Rossiyskaya-glubinka-v-kartinah-V.SHulzhenko?utm_referrer=mirtesen.ru

Автор: Виктор Сафронов, картина: «Заколотый художник», 1995 год. Взято с сайта: <https://www.artmuseum.ru/exposition/c33933f9-c6fd-4f9b-86e7-cb649e825281/?exponent=10902c58-0e78-4873-b754-f1772cc10ca2>

Автор: Адольф Гугель, картина: «Дети войны», 1984 год. Взято с сайта: <https://wwii.space/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%B8-%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%83%D0%BD%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D1%81%D1%81%D1%80-%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C-3/5/>

Автор: Александр Егидис, картина: «Череп», 1999 год. Взято с сайта:
<https://i.pining.com/originals/9c/11/9f/9c119f708d402c69309eaa43ea2cf74d.jpg>

Стимулы, модулирующие нейтральные эстетические эмоции

Автор: Тина Бруно, картина: «Грация», 2017. Взято с сайта:
[https://www.artsalonbruno.com/product-
page/%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-
1?_escaped_fragment =](https://www.artsalonbruno.com/product-page/%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-1?_escaped_fragment=)

Авторы: братья Сидоренко. Без названия. Взято с сайта <http://www.sidorenko.ru/gallery.php>

Автор: Сергей Ефремов, картина: «Дождь», 2015 год. Взято с сайта: <https://artistsarea.com/yii2/mobile/ru/artwork/the-rain-18260>

Автор: Эжен Папроски (Eugene Rarogski), картина: «Городской пейзаж», 2001 год. Взято с сайта: <https://maxpark.com/community/5548/content/4856246>

Автор: Юстина Капанья (Justyna Korania), картина: «Inspirations» 2009 год.
Взято с сайта: http://svistanet.com/wp-content/uploads/2018/08/xudozhnik_Justyna_Korania_04.jpg

Автор: Сергей Ефремов, картина: «Кувшинки», 2014 год. Взято с сайта:
<https://www.zhivopismira.ru/work/33189/>

Стимулы, модулирующие позитивные эстетические эмоции

Сюзанна Блэквуд (Susan Blackwood), картина: “Side by side”. Взято с сайта:
https://yandex.ru/images/search?cbir_id=1816159%2FH3RknULAadaHXhJTR2tTzg3935&pos=0&rpt=imageview&img_url=https%3A%2F%2Fi.pinimg.com%2Foriginals%2F34%2F62%2F4e%2F34624e0a90b514113ee9731812319add.png&cbir_page=similar&url=https%3A%2F%2Fav

atars.mds.yandex.net%2Fget-images-cbir%2F1816159%2FH3RknULAadaHXhJTR2tTzg3935%2Forig

Рон Хикс (Ron Hicks), картина: “The love on the road”. Взято с сайта: <https://americangallery21st.files.wordpress.com/2016/09/the-love-on-the-road.jpg>

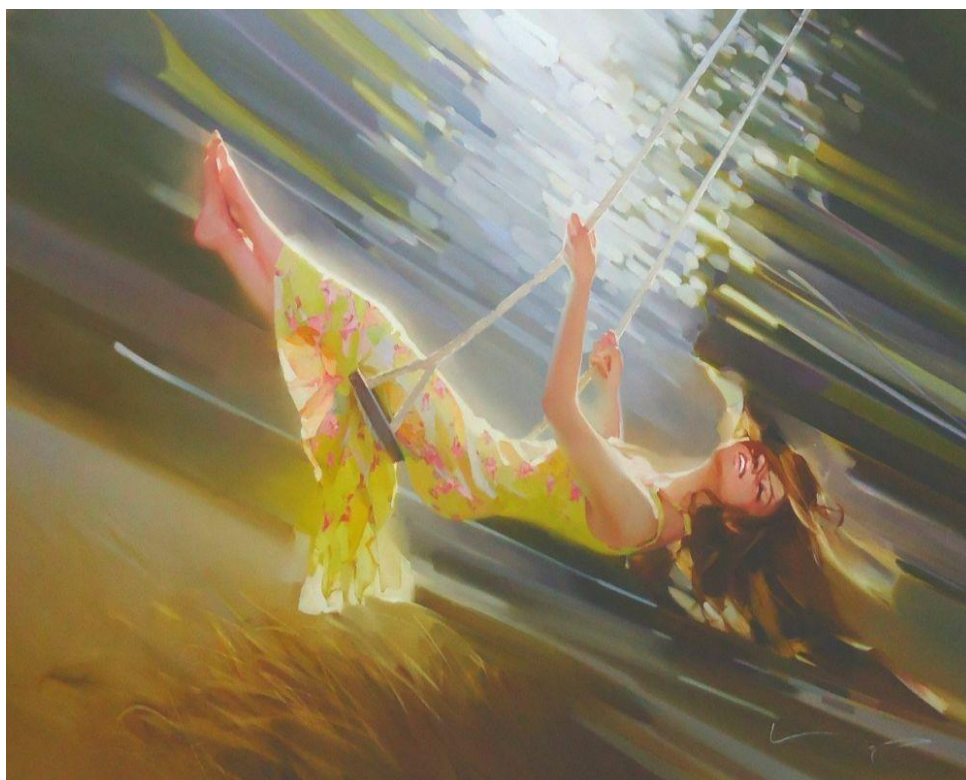

Даниэль Герхартц (Daniel Gerhartz), картина: «Бабушкин сад». Взято с сайта: <https://insightgallery.com/artist-item.php?itemId=5149497&title=Blue+Skies+and+Red+Earth&artistId=325103&artist=Daniel+F.+Gerhartz&type=&alphaSort=0&offset=10>

Сюзанна Блэквуд (Susan Blackwood), картина: «Прикосновение отца». Взято с сайта:

https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&text=susanna%20blackwood%20father&pos=0&img_url=https%3A%2F%2Fwww.b17.ru%2Ffoto%2Fuploaded%2Fupl_1581356066_15970.jpg&rpt=simage

Автор: Алексей Чернигин, картина: «Лето», 2015 год. Взято с сайта:
https://artchive.ru/artists/76532~Aleksej_Aleksandrovich_Chernigin/works/517244~LETO#show

Дональд Золан (Donald Zolan), картина: «Ромашки». Взято с сайта:
<https://kulturologia.ru/blogs/180816/30912/>

*Приложение 8. Психометрические показатели Шкалы
Эстетических Эмоций.*

Участники исследования: 345 студентов факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и Московского Института Психоанализа из них 73 мужчины и 272 женщин ($M = 20,6$; $Med = 20$; $SD = 5,5$) – новая выборка.

Адекватность выборки для эксплораторного факторного анализа была оценена при помощи критерия Кайзера-Майера-Олкина ($KMO = 0,9$) и теста сферичности Бартлета (χ^2_{9013} , $N = 345$; $= 861$, $p < 0,001$) для $N=345$. Решение о принятии 5 факторной модели принималось на основании критерия каменистой осыпи (рис. 1).

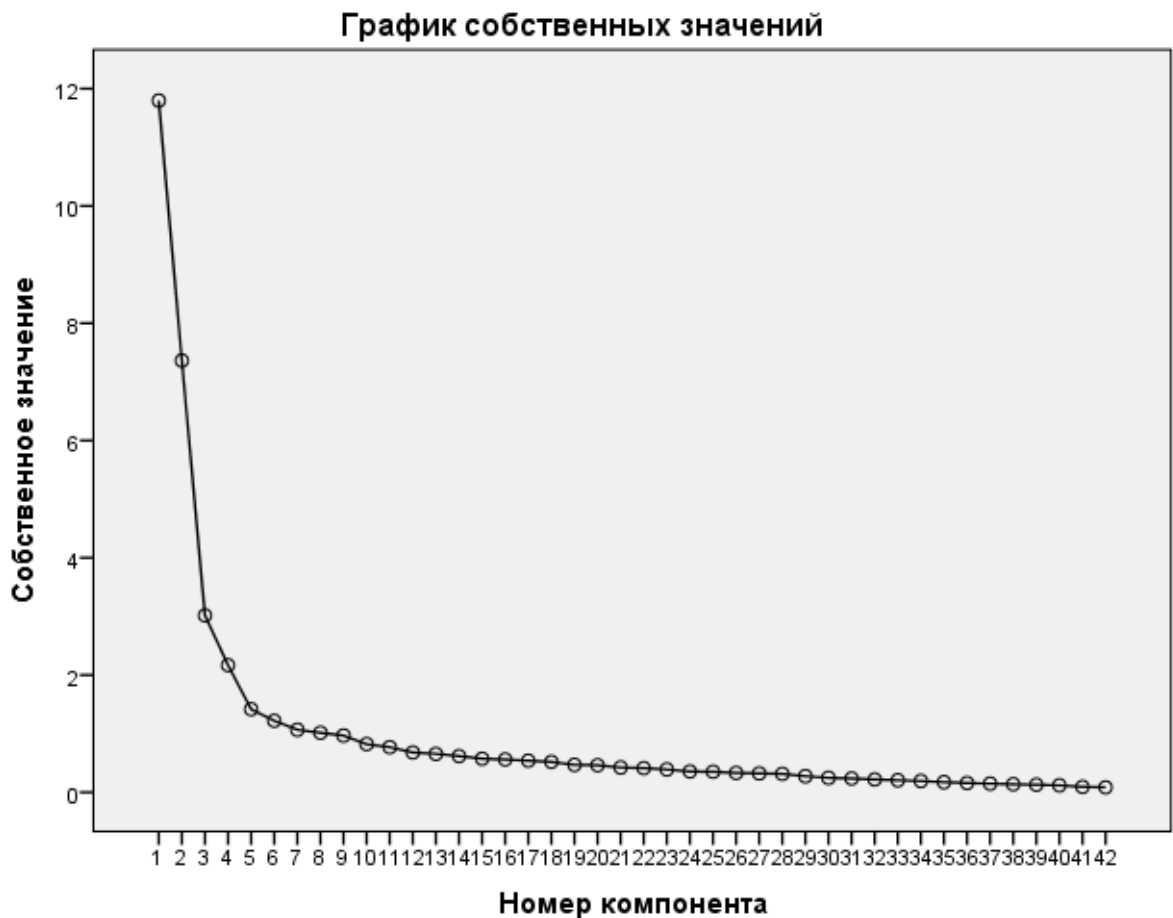

Рисунок 1. График каменистой осыпи для Шкалы Эстетических Эмоций

Предварительно дается следующее название факторов, по порядку расположения в Таблице: первый – «Негативно-эпистемические эстетические эмоции» второй – «Позитивно-расслабляющие эстетические эмоции», третий: «Позитивно-заряжающие эстетические эмоции», четвертый «Негативные эстетические эмоции», пятый: «Позитивные эстетические эмоции» или «Прототипические эстетические эмоции» (см. Табл. 1). В последнем факторе пункт: «показались уродливыми» - обратный.

Таблица 1. Результаты ЭФА (максимум правдоподобия, вращение варимакс).

	1	2	3	4	5
30 Вызвали гнетущее чувство	0,772	-0,183	-0,121	-0,173	-0,198
27 Обеспокоили меня	0,769	-0,328	0,048	-0,111	0,004
23 Навяли на меня грусть	0,763	0,037	-0,212	-0,069	-0,059
24 Вызвали смятение	0,740	-0,035	-0,132	-0,039	-0,186
11 Озадачили меня	0,710	-0,076	0,052	0,175	-0,065
37 Почувствовал себя растерянным	0,700	0,013	-0,038	-0,155	-0,197
10 Вызвали множество мыслей	0,618	0,087	0,272	0,202	0,116
13 Наполнены глубоким смыслом	0,595	-0,073	0,156	0,354	0,145
2 Заставили задуматься	0,563	-0,001	0,235	0,371	0,084
36 Тронули меня	0,536	0,463	0,255	0,393	0,112
29 Удивили меня	0,457	-0,042	0,298	0,141	0,075
34 Впечатлили меня	0,390	0,225	0,381	0,348	0,343
17 Разгневали меня	0,381	-0,181	0,313	-0,359	-0,185
39 Сделали меня счастливым	-0,192	0,756	0,369	0,185	0,002
8 Вызвали чудесные ощущения	-0,177	0,741	0,344	0,097	0,187
40 Почувствовал благоговение и трепет	-0,072	0,734	0,380	0,133	0,091
20 Расслабили меня	-0,290	0,694	0,241	-0,010	0,159
26 Пробудили чувствительные чувства	0,112	0,675	0,125	0,160	0,139
4 Успокоили меня	-0,325	0,650	0,168	0,046	0,169
3 Обрадовали меня	-0,322	0,622	0,335	0,029	0,176
28 Вызвали ностальгию	0,003	0,572	0,197	-0,019	0,214
14 Растрогали меня	0,349	0,518	0,216	0,239	-0,023
15 Вызвали меланхолию	0,385	0,438	-0,109	-0,193	0,060

7 Пленили меня	0,143	0,409	0,283	0,229	0,341
16 Зарядили меня энергией	-0,020	0,231	0,721	-0,007	0,059
41 Пробудили жажду деятельности	0,151	0,177	0,703	0,044	0,077
32 Воодушевили меня	-0,063	0,466	0,651	0,165	0,096
9 Взбудрили меня	0,004	0,210	0,606	0,066	0,159
31 Я нашел их возвышенными	0,151	0,300	0,599	0,232	0,243
21 Почувствовал внезапное озарение	0,116	0,267	0,485	0,077	0,011
22 Развеселили меня	-0,230	0,262	0,481	-0,201	-0,073
18 Заворожили меня	0,220	0,416	0,468	0,256	0,373
38 Вызвали интерес	0,247	0,273	0,462	0,366	0,336
42 Позабавили меня	-0,172	0,077	0,370	-0,336	0,046
35 Показались безвкусными	0,027	-0,082	-0,013	-0,664	-0,211
19 Навеяли на меня скуку	0,064	-0,014	-0,072	-0,542	-0,052
33 Оставили равнодушным	-0,213	-0,241	-0,167	-0,535	0,002
25 Пробудили во мне агрессию	0,325	-0,296	0,225	-0,420	-0,240
6 Понравились мне	-0,302	0,449	0,285	0,139	0,689
1 Показались красивыми	-0,335	0,402	0,194	0,131	0,666
12 Показались уродливыми	0,447	-0,227	-0,001	-0,284	-0,528
5 Заинтересовали меня	0,034	0,318	0,362	0,356	0,439

В оригинальном варианте есть специфический фактор – прототипические эстетические эмоции. Шиндлер – один из авторов опросника, который мы апробируем, предложил прототип эстетических эмоций: (1) обычно они возникают, когда *объект или событие оцениваются как чрезвычайно сложные и новые*, и создают ощущение присутствия чего-то большего, чем вы сами; (2) это те *эмоции, которые человек реально чувствовал* в момент встречи с объектом искусства; (3) вызываются зрением, слухом и когнитивной обработкой полученного стимула; (4) переплетаются с эстетическим суждением. Эти четыре пункта и нашли отражение в факторе под названием «прототипические эмоции».

При анализе данных отчетливо видна разница в понимании валентности эмоций русскоговорящими испытуемыми и немецкоговорящими. Например, для немцев в один фактор «грусть» встают такие эмоции как грусть и меланхолия, а у русскоговорящих эти эмоции попадают в разные факторы. Меланхолия оказывается в факторе, отражающем «позитивно-

расслабляющие эстетические эмоции», а грусть уходит в фактор, отражающий «негативно-эпистемические эстетические эмоции». Фактор, который в оригинальном варианте называется «Веселье», на русской выборке распадается по двум факторам: пункты «развеселили меня» и «позабавили меня» попадают в 4 фактор «Позитивно-заряжающие эстетические эмоции», а пункты «обрадовали меня» и «сделали счастливым» оказываются в факторе «позитивно-расслабляющие эстетические эмоции». Пункты «обрадовали» и «сделали счастливым» воспринимаются русскими более спокойно, не несущими в себе мощного заряда энергии, напротив «развеселили» и «позабавили» связаны именно с активностью, с получением энергии. Пункты опросника, составляющие в оригинальном варианте фактор «прототипические эстетические эмоции» на русской выборке распределяется по всем факторам, а пункты «тронули меня» и «впечатлили меня» не проявили своей специфики и могут быть отнесены к нескольким факторам одновременно. В Таблице ниже приведена согласованность пунктов опросника (Табл. №2).

Таблица 2. Надежность и согласованность пунктов опросника

	Название пункта	Корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха при исключении пункта
Фактор1 a=0.873 без 11, 34,36 a=0.851	2 Заставили задуматься	0.569	0.862
	10 Вызвали множество мыслей	0.625	0.859
	11 Озадачили меня	0.668	0.856
	13 Наполнены глубоким смыслом	0.554	0.863
	17 Разгневали меня	0.313	0.874
	23 Навеяли на меня грусть	0.566	0.862
	24 Вызвали смятение	0.654	0.857
	27 Обеспокоили меня	0.698	0.855
	29 Удивили меня	0.415	0.870
	30 Вызвали гнетущее чувство	0.599	0.861
	34 Впечатлили меня	0.397	0.872
	36 Тронули меня	0.483	0.867

	37 Почувствовал себя растерянным	0.531	0.864
Фактор2 a=0.896, без 14 a=0,892	3 Обрадовали меня	0.684	0.883
	4 Успокоили меня	0.682	0.883
	7 Пленили меня	0.584	0.889
	8 Вызвали чудесные ощущения	0.798	0.876
	14 Растрогали меня	0.520	0.892
	15 Вызвали меланхолию	0.227	0.908
	20 Расслабили меня	0.708	0.881
	26 Пробудили сентиментальные чувства	0.608	0.888
	28 Вызвали ностальгию	0.595	0.889
	39 Сделали меня счастливым	0.767	0.880
	40 Почувствовал благоговение и трепет	0.723	0.881
Фактор3 a=0.864	9 Взбодрили меня	0.633	0.847
	16 Зарядили меня энергией	0.643	0.846
	18 Заворожили меня	0.605	0.849
	21 Почувствовал внезапное озарение	0.586	0.852
	22 Развеселили меня	0.534	0.855
	31 Я нашел их возвышенными	0.631	0.847
	32 Воодушевили меня	0.736	0.837
	38 Вызвали интерес	0.547	0.854
	41 Пробудили жажду деятельности	0.638	0.847
	42 Позабавили меня	0.237	0.876
Фактор4 a=0.623, без 25 a=0,676	19 Навеяли на меня скуку	0.493	0.484
	25 Пробудили во мне агрессию	0.188	0.676
	33 Оставили равнодушным	0.469	0.510
	35 Показались безвкусными	0.496	0.494
Фактор5 a=0.829	1 Показались красивыми	0.750	0.739
	5 Заинтересовали меня	0.541	0.838
	6 Понравились мне	0.804	0.710
	12 Показались уродливыми	0.573	0.824

Пункты, образующие шкалу, показывают высокую согласованность. Далее приведем результаты конфирматорного факторного анализа (см. Табл. №3).

Таблица 3. Индексы разных моделей русскоязычного варианта ЭстЭм (N=341).

Модель	χ^2	df	χ^2/df	BOLLEN'S FIT INDEX	CFI	RMSEA
4 фактора	3600	813	4,4	0,676	0,675	0,100
4 фактора со связями между ошибками и без 11,14,25,34,36	2190	606	3,6	0,780	0,779	0,088
5 факторов	3710	809	4,6	0,663	0,661	0,103

Продолжение Таблицы № 3

Модель	χ^2	df	χ^2/df	BOLLEN'S FIT INDEX	CFI	RMSEA
5 факторов все пункты и связи между ошибками	3034	789	3,8	0,740	0,738	0,091
5 факторов со связями между ошибками и без 11,14,25,34,36	2016	603	3,3	0,803	0,804	0,083
7 факторов	3834	798	4,8	0,648	0,645	0,106
7 факторов со связями между ошибками и без 11,14,25,34,36	2251	591	3,8	0,770	0,768	0,091

В оригинальной версии 7 факторов образует 21 фасетка - по два пункта в каждой. Если добавить связи между ошибками от пунктов, образующих фасетку, то модель становится лучше. **Таким образом, лучше всего полученные данные описывает 5-ти факторная модель со связями между ошибками пунктов, образующих фасетки.**

На следующей странице находится бланк методики.

Опросник ЭстЭм

ФИО _____ Пол _____ Возраст _____ Факультет _____

Инструкция. Какой эмоциональный эффект произвели на Вас просмотренные картины?

Для каждой эмоции, перечисленной ниже, пожалуйста, отметьте тот балл, который лучше всего соответствует Вашему личному опыту. Пожалуйста, указывайте то, что Вы почувствовали на самом деле. Не характеризуйте эмоции, выраженные в картинах, если Вы сами их не почувствовали.

Эмоциональное чувство	Насколько сильно Вы почувствовали эту эмоцию?				
	1 Совсем не почувствовал	2	3	4	5 Очень сильно
1 Показались красивыми	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
2 Заставили задуматься	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
3 Обрадовали меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
4 Успокоили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
5 Заинтересовали меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
6 Понравились мне	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
7 Пленили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
8 Вызвали чудесные ощущения	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
9 Взбудрили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
10 Вызвали множество мыслей	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
11 Озадачили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
12 Показались уродливыми	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
13 Наполнены глубоким смыслом	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
14 Растрогали меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
15 Вызвали меланхолию	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
16 Зарядили меня энергией	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
17 Разгневали меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅

18 Заворожили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
19 Навяли на меня скуку	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
20 Расслабили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
21 Почувствовал внезапное озарение	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
22 Развеселили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
23 Навяли на меня грусть	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
24 Вызвали смятение	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
25 Пробудили во мне агрессию	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
26 Пробудили сентимаентальные чувства	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
27 Обеспокоили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
28 Вызвали ностальгию	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
29 Удивили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
30 Вызвали гнетущее чувство	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
31 Я нашел их возвышенными	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
32 Воодушевили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
33 Оставили равнодушным	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
34 Впечатлили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
35 Показались безвкусными	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
36 Тронули меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
37 Почувствовал себя растерянным	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
38 Вызвали интерес	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
39 Сделали меня счастливым	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
40 Почувствовал благоговение и трепет	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
41 Пробудили жажду деятельности	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅
42 Позабавили меня	☐ ₁	☐ ₂	☐ ₃	☐ ₄	☐ ₅

Приложение 9. Расчет критерия Манна-Уитни для ЗП «Выигрыш» в зависимости от длительности демонстрации прайминга

ЗП	Условие*	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни	W	Z	Значимость
Выигрыш_Игрок1_Стимул0	1	40	39	1546	726	1546	-0,375	0,707
	2	38	40	1535				
Выигрыш_Игрок1_Стимул1	1	40	39	1559	739	1559	-0,234	0,815
	2	38	40	1522				
Выигрыш_Игрок1_Стимул2	1	40	38	1512	692	1512	-0,746	0,456
	2	38	41	1522				
Выигрыш_Игрок2_Стимул0	1	40	39	1554	734	1554	-0,260	0,795
	2	38	40	1526				
Выигрыш_Игрок2_Стимул0	1	40	38	1515	695	1515	-0,656	0,512
	2	38	41	1565				
Выигрыш_Игрок2_Стимул2	1	40	43	1704	636	1377	-1,260	0,208
	2	38	36	1377				
Выигрыш_Игрок3_Стимул0	1	40	40	1620	720	1461	-0,449	0,653
	2	38	38	1461				
Выигрыш_Игрок3_Стимул1	1	40	40	1620	756	1497	-0,039	0,969
	2	38	38	1461				
Выигрыш_Игрок3_Стимул2	1	40	41	1634	706	1447	-0,597	0,551
	2	38	38	1447				

Примечание. Длительность предъявления прайминга: *1 = 33 мс, 2 = 500 мс.

Приложение 10. Расчет критерия Манна-Уитни для ЗП «Количество решений с ориентацией на доверие» в зависимости от длительности демонстрации прайминга

ЗП	Условие*	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни	W	Z	Значимость
Доверие_Игрок1_Стимул0	1	40	38	1532	712	1532	-0,526	0,599
	2	38	41	1548				
Доверие_Игрок1_Стимул1	1	40	39	1558	739	1559	-0,240	0,811
	2	38	40	1522				
Доверие_Игрок1_Стимул2	1	40	38	1531	710	1530	-0,544	0,587
	2	38	41	1551				
Доверие_Игрок2_Стимул0	1	40	40	1604	735	1477	-0,251	0,801
	2	38	39	1476				
Доверие_Игрок2_Стимул0	1	40	40	1614	726	1467	-0,351	0,725
	2	38	39	1476				
Доверие_Игрок2_Стимул2	1	40	37	1469	649	1469	-0,351	0,725
	2	38	42	1612				
Доверие_Игрок3_Стимул0	1	40	40	1582	757	1498	-0,028	0,978
	2	38	40	1498				
Доверие_Игрок3_Стимул1	1	40	37	1491	671	1491	-0,980	0,327
	2	38	42	1589				
Доверие_Игрок3_Стимул2	1	40	38	1525	705	1525	-0,608	0,543
	2	38	41	1556				

Примечание. Длительность предъявления прайминга: *1 = 33 мс, 2 = 500 мс.